

**Женская
традиционная культура
и костюм
в эпоху Средневековья
и Новое время**

Выпуск IV

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Исторический факультет

**ЖЕНСКАЯ
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОСТЮМ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ**

Выпуск IV

Материалы международного научно-образовательного семинара
24 сентября 2021 г.

ТВЕРЬ 2022

УДК 902/904+7.04+391
ББК 63.4+63.3+85.14

Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Выпуск IV: Материалы научно-образовательного семинара, 24 сентября 2022 г. / Н. В. Жилина (науч. ред.), Ю. В. Степанова (сост., ред.). [Электронное издание]. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2022. – 140 с., илл.

ISBN 978-5-93856-598-2

В настоящее издание вошли материалы V Всероссийского научно-образовательного семинара «Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время», проходившего на историческом факультете Тверского государственного университета 24 сентября 2022 г. Семинар был посвящен украшениям женского костюма в контексте культурных трансформаций. Статьи сборника посвящены различным аспектам истории костюма, методике изучения одежды, украшений, реконструкции костюма на основе археологических, письменных, изобразительных и этнографических источников. Рассмотрены материалы Восточной и Западной Европы. Сборник предназначен для специалистов историков, археологов, этнографов, преподавателей вузов и музейных работников, студентов.

© Жилина Н.В., 2022
© Степанова Ю.В., 2022
© Авторы, 2022

УКРАШЕНИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО» КОСТЮМА: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Н. В. Жилина (Москва)

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАЗВИТИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ В СВЯЗИ С КОСТЮМОМ

Сравнение уборов из украшений разных народов важно для выявления общих закономерностей в их развитии. Критериями для сравнения являются стадии развития одежды (драпированная, шитая и кроеная) и убора из украшений: натуральная; обильно-металлическая и ювелирная. На основании исторических фактов и археологического материала выделены модели процессов, происходивших при взаимодействии культур и их собственном развитии: 1) собственная разработка мирового образца; 2) освоение передовой ювелирной технологии и рождение формы украшения на местной почве; 3) подражание форме иностранного украшения на уровне более простой технологии; 4) появление украшений на другой территории со своими носителями; 5) использование в местном уборе оригинальных иноземных украшений; 6) долговременное влияние вследствие глобальной смены культурной ориентации, появления новых форм культуры; 7) проявление родственности, сходства развития и «породнение» уборов. В результате анализа характерных черт убора разных народов и сравнения их по указанным выше критериям можно предварительно разделить формирование убора на три основные зоны. I. Византийско-европейская зона. Византийский костюм и ювелирная культура повлияли на развитие ювелирного убора западноевропейских (германских) и восточноевропейских народов и стран: славянских и поволжско-камских финнов. II. Северо-европейская зона. Обильно-металлический убор и сохранение драпированной одежды характерны для прибалтийско-финских народов, балтов, скандинавов, лидером ювелирной культуры здесь стали скандинавские страны. III. Евразийская зона. Стадия ювелирного убора с глубокой древности характерна для стран Востока: Иран, Сирия, Египет. Этот высочайший уровень развит далее мусульманским миром (не без взаимодействия с византийскими традициями). Нормы восточной ювелирной системы оказались родственны кочевым народам. У каждого мирового лидера сложилась своя сфера влияния на другие народы и страны. Влияние, изменяющее характер убора других стран, во многом обеспечивалось политической и религиозной ситуацией, распространялось преимущественно в сфере действия одной конфессии. При этом сохранялось своеобразие в формах украшений и частичном сохранении более ранних систем убора. В результате всех форм влияния и трансформаций у каждого народа сложился неповторимый комплект убора, соответствующий костюму.

Ключевые слова: убор, украшения, костюм, стадии развития, модели процессов, взаимодействие, развитие, зоны.

Сравнение уборов из украшений разных народов важно для выявления общих закономерностей в их развитии, для изучения проявления их родства по происхождению, а также – для фиксации влияний. Для сравнения нужны критерии. Одним из критериев являются общеизвестные стадии развития одежды: драпированная, шитая и кроеная (накладная, распашная). Другим критерием являются предлагаемые мною *стадии развития убора из украшений*¹: натуральная; обильно-металлическая и ювелирная. Эти стадии продолжают наблюдаться или активно развиваться в эпоху Средневековья².

I. Натуральный убор характерен для первобытной эпохи, элементы его наблюдаются и в костюме древних цивилизаций, сохраняются и в этнографическом костюме. Украшения изготовлены в основном из доступных природных, растительных и животных, материалов, но начинают использоваться искусственные (керамика, стекло, текстиль). Украшения декорируют в основном тело, их формы соответствуют его частям: головной венки, ожерелье, пояс, браслет. Характерна пестрота красок и отражение образов природного мира. Соединение украшений осуществляется способом обматывания, привязывания, нанизывания, скалывания. Сакральная и эстетическая функция убора объединены (рис. 1: I, 1, 2)³.

II. Обильно-металлический убор существует с эпохи овладения металлом (энеолит, бронзовый век) по эпоху раннего Средневековья. Тяжелые и многочисленные украшения из металла, изготовленные ковкой и литьем, скрепляют драпированную одежду и поддерживают ее на теле, связаны между собой и с ней в единую конструкцию. Одни украшения включают часть тела и деталь одежды в жесткий футляр (спирали, обоймы), другие играют роль несущего каркаса (головные обручи), третьи покрывают ткань костюма прилегающим металлическим слоем (нашивные и подвесные пластинки и бляшки, вшивные спирали). Полноценно представляет эту стадию средневековый убор финно-угорских народов второй половины. Убор остается на достилевом уровне, наблюдается близкое сходство украшений разных регионов. С усложнением техник появляются первые стили с широким территориальным распространением (полихромный, выемчатой эмали, перегородчатой инкрустации, резной). Важна конструктивная функция убора и символика сакральной защиты. Металл лучше всего реализует защитный шум звоном (рис. 1: II, 3, 4)⁴.

¹ *Zhilina N.* Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Ed. A. Zilinskaite. Vilnius, 2016. P. 87.

² Для Нового времени, когда костюм испытывает существенные конструктивные изменения, пока условно выделена аксессуарная стадия убора из украшений. Данное название подчеркивает разделение костюма и убора из украшений, переход украшений на роль дополнений к костюму. Но этот период развития убора нуждается в отдельном анализе.

³ *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982. Ил. 670.

⁴ Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Отв. ред. В.В. Семенов. М., 1987. Табл. XXXVI: 4; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und text. Neuausgabe. 1973. Helsinki, 1973. Taf. 91: abb. 801. P. 10.

Рис. 1. Стадии развития убора из украшений:

I – натуральный убор – 1 – танцовщицы, гробница скульптора Немабона, Древний Египет, Фивы. XVIII династия; 2 – подвеска из клыка животного, Дольни Вестонице, Моравия, верхний палеолит (Елинек, 1982. Ил. 670); II – обильно-металлический убор – 3 – мурома, поволжские финны, IX–X вв., реконструкция женского убора из украшений по Подболотьевскому могильнику (по В.А. Городцову и А.Ф. Дубынину) (Финно-угры, 1987, табл. XXXVI: 4); 4 – подвеска с привесками в виде клыков медведя на единой основе, металл (Kivikoski, 1973. Taf. 91: abb. 801. P. 10); III – ювелирный убор – 5 – костюм княгини Ирины, Древняя Русь, миниатюра Трирской Псалтыри, XI в. (Кондаков, 1906. Табл. VI); 6 – подвески «Медвежий коготь», серебро, драгоценные камни, нефрит, Россия, начало XVII в. (Русское серебро, 1984. № 23).

III. Ювелирный убор характерен для сложившегося классового общества, особенно – для эпохи развитого средневековья. Украшения выполнены из благородных и драгоценных материалов, в тонких ювелирных техниках (перегородчатая эмаль, чернь, филигрань). Примерами являются византийский и древнерусский уборы. Украшения связаны между собой конструктивно и стилистически, а с одеждой – типологически (серебряные колоколовидные рясна и поднизь позатыльника дополняют кичкообразный головной убор, золотая диадема в технике перегородчатой эмали – головной убор ленточной конструкции). Конструктивная связь украшений и одежды не имеет большого значения, хотя иногда сохраняется (нашивные бляшки). На базе тонких ювелирных техник и свойственных для них орнаментальных элементов вырабатываются оригинальные художественные стили, их образы способны отразить символику конкретных религий. Перегородчатая эмаль передает христианские сюжеты; чернь – наряду с этим – способна отразить образы язычества. Сакральная и эстетическая функции одинаково важны (рис. 1: III, 5, 6)⁵. Характеристика по данным критериям какого-либо варианта убора, не имеющего твердых данных по датировке, поможет приблизить его к искомой эпохе.

На рисунке стадии убора символически отражены на примерах вариантов подвески в форме клыка. Натуральному убору соответствует клык животного с отверстием, который мог использоваться и как отдельный амулет, и в составе ожерелья из многих подобных подвесок (рис. 1: I, 2). Обильно-металлическому убору соответствует специально сконструированная из металла подвесная конструкция с основой, которая держит на петлях несколько металлических подвесок в форме клыков; конструкция играет роль усиленного амулета (рис. 1: II, 4). Ювелирному убору соответствует подвески в форме клыков в драгоценных оправках, играющие в основном декоративную роль (рис. 1: III, 6).

На основании исторических фактов и конкретного археологического материала выделены *модели процессов, происходивших при взаимодействии культур и их собственном развитии*⁶:

1. Собственная разработка мирового образца наравне с другими народами (пальчатые и антропоморфные фибулы в Среднем Поднепровье конца VI – VII в.).

Пальчатые фибулы относят к германскому массиву, отмечая технологическое и художественное своеобразие славянской ветви фибул в европейском мире (рис. 2: 1, 2)⁷ Они, в отличие от европейских и боспорских, изготовлены из латуни, а не из серебра, крупнее по размеру; более скромно орна-

⁵ Кондаков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. Табл. V; Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Московского Кремля. М., 1984. № 23.

⁶ Жилина Н.В. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // Археологические вести. 2012. № 18. С. 253–281.

⁷ Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. V / ред. А.И. Айбабин. Симферополь, 1996. Табл. 8: 3; 29: 1; 8: 2; 48: 5.

ментированы, не имеют стеклянных и драгоценных полихромных вставок⁸. Наблюдения по технологии изготовления фибул и находки ремесленных комплексов подтверждают их местное производство⁹ Европейские пальчатые фибулы – эклектичное художественное явление, сложившееся на основе синтеза более ранних евразийских стилей (полихромного, перегородчатой инкрустации и резьбы «кербшнит»). Стилистический симбиоз способствовал созданию в каждом из регионов своеобразного художественного варианта.

Антропозооморфные фибулы демонстрируют качественное стилистическое изменение, которое невозможно объяснить только развитием из пальчатых и внешними воздействиями¹⁰. Стилль фибул нового этапа можно охарактеризовать как декоративно-реалистический. Человеческие и животные образы становятся значительно более живыми, их следует скорее противопоставить прежним схематичным и ячеистым изображениям пальчатых фибул. Антропоморфизм не следует только из византийского влияния, позднеантичный натурализм ранневизантийского искусства созвучен художественным нормам эпохи формирования антропоморфного многобожия у европейских народов, в том числе у восточных групп славян. Звериные мотивы были оригинальной собственной декоративной разработкой, созданной на пути развития славянского первобытно-языческого искусства.

2. Освоение передовой ювелирной технологии и рождение в связи с этим сходной формы украшения на местной почве (гроздевидные наушницы славянских народов и государств IX–X вв.).

⁸ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 67–69; Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Вып. XVII. С. 54–59; Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М., 1996. С. 36; Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие // Stratum plus. 1999. № 5. С. 303; Скиба А.В. Фібули з дніпровських скарбів VII ст. // Археологія. 2011. № 4. С. 27, 28.

⁹ Корзухина Г.Ф. Клады... С. 285, 297, 634, 638; Шаблавина Е.А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепроовского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Материалы Всероссийской научной конференции / Ред. В.И. Завьялов. Ижевск, 2001. С. 309, 310, 313.

¹⁰ Амброз А.К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 1993. № 2; Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3.

КОНЕЦ VI – VII в.

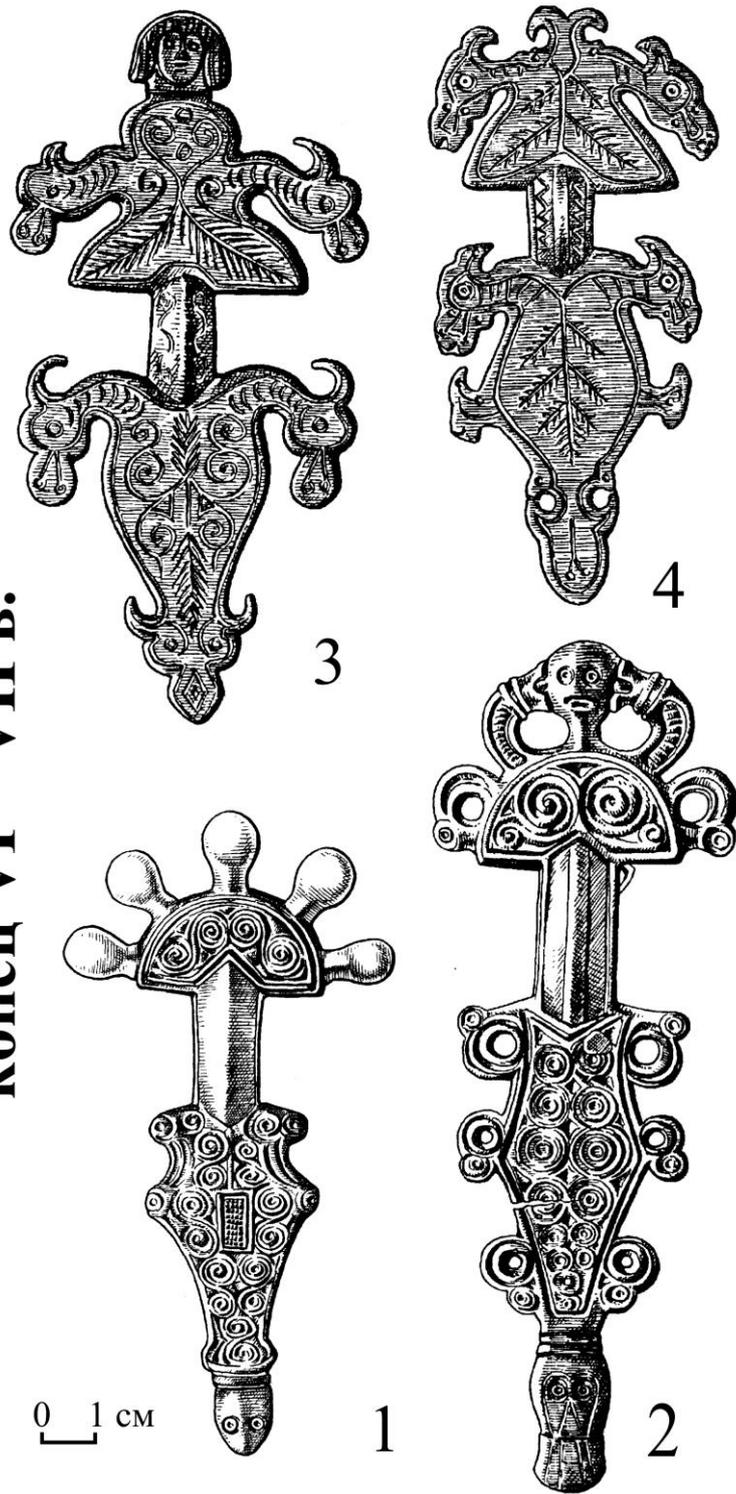

Рис. 2. Фибулы конца VI – VII в. из Среднего Поднепровья: пальчатые – 1 – Мартыновка; 2 – Пастырское, Киевской обл.; антропоморфные – 3 – Мартыновка; 4 – Козиевка (Корзухина, 1996. Табл. 8: 3; 29: 1; 8: 2; 48: 5).

Сложные зерненные изделия изготавливаются славянами в конце IX в., а к X в. их количество существенно возрастает¹¹.

Для *гроздевидных* украшений можно указать отрывочные византийские прототипы разного времени, от VI–VII до IX–X вв. (рис. 3: А, а–г)¹². Гроздевидная часть ниже кольца вырастает за счет навыков грануляции, расширения образуются от включения бусин.

В материале с территории *Моравии* и *Словакии* во второй половине VII – начале VIII в. бытуют простые украшения с подвеской из стеклянных бусин. Со второй четверти VIII и в начале IX в. их сменяют аналогичные украшения с использованием филигранных деталей (рис. 3: I, 2–5)¹³. Сама подвеска иногда получает тисненый корпус и дополняется филигранью (рис. 3: I, 1, 6, 7)¹⁴. В VIII–IX вв. отмечаются кольца с одной-тремя гранулами зерни (рис. 3: I, 8, 9)¹⁵. Такие элементарные формы – первые шаги в филигрании. Подвеска из спаянных филигранных деталей постепенно усложняется (рис. 3: I, 10–13)¹⁶. С VIII в. по начало X в. в Великой Моравии возникают наиболее изысканные гранулированные формы с ограниченным применением тиснения, представляющие вершину ювелирного дела. Это сумма собственных достижений и византийских воздействий (рис. 3: I, 14–18)¹⁷. Гроздевидная форма повторяется позже в бусинном варианте: на основании тисненых и ажурных бусин (рис. 3: I, 19–22)¹⁸.

¹¹ *Жилина Н.В.* Славяно-русская филигрань VIII–X вв. Монография в журнале // *Stratum plus*. 2005. № 5.

¹² *Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium*. Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002. No 832, 834, 566, 567.

¹³ *Čilinská Z.* Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966. Abb. 10: II-a, II-c; *Chropovský B.* Včasnoslovanský a predveľkomoravský vývoj na území Československa // *J. Poulik, B. Chropovský a kolektiv.* Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha, 1985. Tab. XIV.

¹⁴ *Poulik J.* Mikulčice. Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha: Academia, 1975. Obr. 8: 2; *Čilinská Z.* Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava, 1973. Taf. LXXVII: gr. 458: 17.

¹⁵ *Dostál B.* Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Morave. Praha, 1966. S. 35. Obr. 8: 1, 2, 4; *Poulik J.* Staroslovanská Morava / Monumenta archaeologica. Acta praehistorica, protohistorica et historica. T. I. Praeae, 1948. S. 201, tab. LXIII: 6–9.

¹⁶ *Krumphanslová Z.* Chronologie pohřebního inventáře vesnických hřbitovů 9.–11. věku v Čechách // Památky archeologické. Ročník LXV. Praha, 1974. Obr. 1: 11; *Čilinská Z.* Frühmittelalterliches Gräberfeld... Taf. XCV: Gr. 606: 20; *Poulik J.* Staroslovanská Morava... Tab. L: 7; *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула, 2000. Рис. 48: 18.

¹⁷ *Dostál B.* Slovanská pohřebiště... Obr. 10: 29, 27, 28.

¹⁸ Там же. Obr. 10: 13; 9: 2, 14, 23.

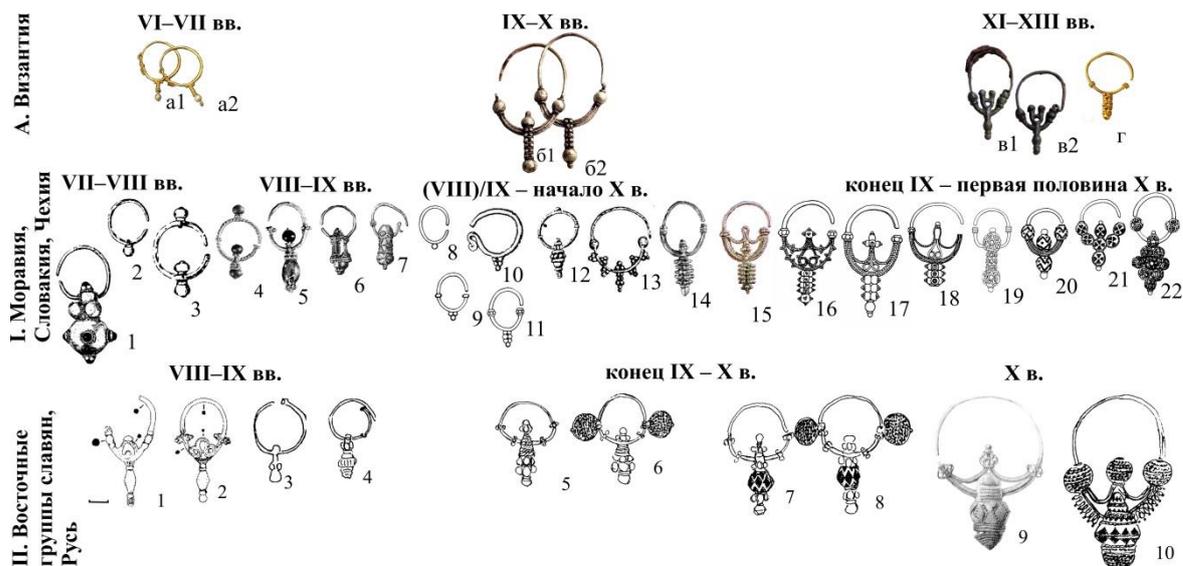

Рис. 3. Гроздевидные формы: А. Византия: а – базилика, Аттика-Стамата, Греция, VI–VII вв. (Everyday Life, 2002, No 832); б – медный сплав, серебро с медным сплавом, могильник Азорос у Элассона, Палеоклисси, Греция; в – Аэрино, Магнезия, Византийское кладбище, медный сплав, XI–XII вв. (Everyday Life, 2002, No 834); г – неизвестное происхождение, XIII в. (Everyday Life, 2002, No 566, 567); I. Моравия, Словакия, Чехия: 1 – южная Словакия, VII в. (Poulik, 1975, obr. 8: 2); 2, 3 – Словакия, Нове Замки (Nové Zámky), II-a – 650–725 гг., II-c – 650–750 гг. (Čilinská, 1966, abb. 10: II-a, II-c); 4–6, 14 – юго-западная Словакия, VIII в.; IX–X вв. (Chropovský, 1985, tab. XIV – опубликовано без масштаба); 7 – Старе Место, VII–VIII вв. (Poulik, 1948, tab. XLII: 1); 8 – Старе Место «На валах» (Staré Město «Na valách»), до первой трети IX в.; 9 – Болерадице (Bolehradice), до первой половины IX в., начало X в. (?); 11 – Старе Место «На валах» (Staré Město «Na valách»), от второй половины IX – до начала X в. (Dostál, 1966, obr. 8: 1, 2, 4); 10 – Ухолички (Úholičky), конец IX – начало X в. (Krumphanslová, 1974, obr. 1: 11); 12 – Словакия, Желовце (Želovce), VII–VIII вв. (Čilinská, 1973, taf. XCV: Gr. 606: 20); 13 – Блущина, Жидловице (Blučina, Židlovice), IX в. (Poulik, 1948, tab. L: 7; Григорьев, 2000, рис. 48: 18); 15 – Холиэр (Holiare) (Dekan, 1980, No 107); 16 – Старе Место «На валах» (St. Město, “Na Valách”), X в. (900–923 гг.) (Dostál, 1966, obr. 10: 29); 17 – Бржецлав-Поганско (Břeclav-Pohansko); 18 – Ланчжхот (Lanžhot) – 900–923 гг. (Dostál, 1966, obr. 10: 27, 28); 19 – Старе Место «На валах» (Staré Město «Na valách»), около середины X в.; 20 – Старе Место «На валах» (Staré Město «Na valách»), последняя треть IX – первая половина X в.; 21 – Коурджими (Kouřimi), конец IX – первая половина X в.; 22 – Бржецлав-Поганско (Břeclav-Pohansko); дата не указана (Dostál, 1966, obr. 10: 13; 9: 2, 14, 23); II. Восточные группы славян, Русь: VIII–IX в. – 1, 2 – Фотовиж (Комар и Стрельник 2011, рис. 5: 6, 9); 3, 4 – городище Новотроицкое, жилища 5, 43 (Ляпушкин 1958, рис. 40: 3, 83: 11); 5–8 – Копиевка, 1928 г., конец IX – X в. (Жилина, 2014, № 16/9a1, 3; 961, 2); 9, 10 – Борщевка, 1883 г., X в. (Жилина, 2014, № 17/361, 2).

Первые гроздевидные украшения у восточных групп славян импортные, скорее всего, из Моравии, они появились во второй половине – конце VIII в., бытовали и в IX в. (Фотовижский клад и Городище Новотроицкое) (Ляпушкин, 1958, с. 182–188) (рис. 3: II, 1–4)¹⁹. С конца IX – можно предпола-

¹⁹ Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплексы ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. № 5. Рис. 5: 6, 9; Ляпушкин

гать собственное изготовление. Первая стадия – гранулированные формы – первая половина IX в. (рис. 3: П, 5, 6), далее – промежуточные с тисненными деталями корпуса и надетыми бусинами (рис. 4: П, 6–8)²⁰, завершающая стадия – с тисненым корпусом и поверхностной зерненой орнаментацией – вторая половина X в. (рис. 3: П, 9, 10)²¹. Оригинальность славяно-русских украшений состоит в сложно-профилированной тисненой гроздевидной части.

Если рассматривать только аналогию по внешнему виду изделий, то славянские формы выглядят как отражение прототипов византийско-подунайского круга. Но в среде каждого из славянских народов имелся свой опыт грануляции, поэтому в простейших формах правильней видеть его результат. Такую форму, как височное кольцо из Блучина, не было необходимости заимствовать, оно выглядит как естественное продолжение начальных опытов по грануляции (рис. 3: I, 13). Таким образом, наблюдая и осваивая достижения техники византийской филигрны, западные и восточные группы славян начинают использовать элементарные «выкладки» из крупных гранул, в результате чего у них возникают сходные формы гранулированных украшений. Это стимулирует дальнейший переход ювелирного ремесла к более тонким технологическим приемам и изделиям, но имеющим местные особенности. В IX–X вв. различные в деталях сходные типы украшений общеславянского убора выработались в Моравии, Польше и на Руси. Одно и то же внешнее влияние накладывалось на очень близкие однокоренные этнические традиции.

Объяснение сходств состоит не только в наличии контактов и переселений. Нельзя не обратить внимания на собственные традиции ювелирного дела восточных славян. Разница ювелирных традиций проявилась также достаточно явно: у западных славян преобладают украшения гранулированного этапа, у восточных – относительно быстро распространяется тисненая конструкция. Украшения западных славян оставались изделиями другой культуры, составляя лишь небольшую долю в общем материале, они (или подражания им) не усваивались в своей точной форме у соседей, а бытовали лишь какое-то время. Очень близкие западнославянские украшения могли использоваться и в уборе восточных славян. Таким образом, в результате самостоятельного воспроизведения технологических приемов в среде славянских народов возникли сходные формы ювелирных украшений, различающиеся в деталях.

3. Подражание форме иностранного украшения на уровне собственной более простой технологии. У восточных групп славян в конце VII – VIII в. существуют редкие филигранные звездообразные формы, либо византийские,

И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74 / ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1958. Рис. 40: 3, 83: 11.

²⁰ Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. № 16/9a1, 3; 961, 2.

²¹ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 17/361, 2; Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань... С. 45–51, рис. 10.

либо созданные учениками византийских мастеров²². Есть и более простые украшения в технике элементарной филигрании и литья с ромбическими и круглыми формами медальонов и реликтовой зооморфной орнаментацией пальчатых фибул.

В IX в. складываются лучевые височные кольца – новая местная форма на основании кольца, утратившего медальон. Они представляют далеко не высший уровень ювелирного дела, но, безусловно, относятся к профессиональной ремесленной культуре, сложившейся на основе литья и гравировки. Образцами для переработки в истоке послужили формы филигранных византийских серег: с увеличенной центральной частью, с равномерными треугольниками зерни по кольцу и даже с одним треугольником (рис. 4: А, 1–3)²³. По единодушному представлению исследователей, прототипом луча является треугольник зерни²⁴.

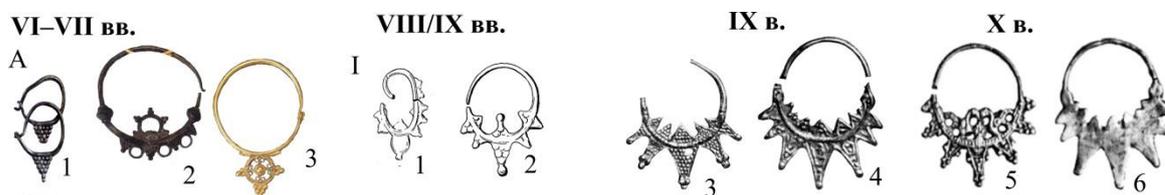

Рис. 4. Формирование лучевых колец: А – Византия – 1 – серебро, могильник Азорос у Элассона, Палеоклисси (Everyday Life, 2002. No 552, 549, 550, 551); 2, 3 – серебро и золото, базилика близ Тигани, в Мани, погребение (Everyday Life, 2002. No 769, 770); I – Новотроицкое – 1 – кв. Ш2, 1953 (Жилина 2014, №177/9), 2 – кв. У3, 1953 (Жилина 2014, №176/3); 3, 4 – Железницы, 1855 г., IX в. (Жилина 2014, № 8/4); 5, 6 – Супруты (Путь, 1996. С. 74. № 600–604).

По материалам Новотроицкого городища известны промежуточные формы височных украшений, предшествовавших формированию лучевых колец. Они совмещали центральную амфоровидную или гроздевидную часть и подтреугольные лучи (рис. 4: 1, 2)²⁵.

У ранних форм сохранялся геометрический орнамент, связанный с укладкой зерни (рис. 4: I, 3, 4)²⁶, впоследствии он теряется (рис. 4: I, 6)²⁷ Из-

²² Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек Пастырского типа // СА. 1973. № 3. С. 66–70; Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань... С. 146–150. А-87–89, 91, 92.

²³ Everyday Life... No 552, 549, 550, 551, 769, 770.

²⁴ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне татаро-монгольского нашествия // СА. 1950. Вып. XIV; Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3; Жилина Н. В. Древнерусские звездчатые колты (схема развития) // Научные чтения памяти В. М. Василенко. М., 1997; Григорьев А.В. Северская земля... С. 127–133; Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 16, 29.

²⁵ Жилина Н.В. Древнерусские клады... №177/9, №176/3.

²⁶ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 8/4.

деля с византийскими орнаментальными композициями – изображениями парных птиц или птицы сохранялись до X в. (рис. 4: I, 5)²⁸.

Лучевые височные кольца восточнославянских племен, несмотря на подражание в исходных формах, получают в итоге совершенно оригинальный облик. Подражание иностранному образцу является здесь предпосылкой собственного творческого процесса и синтеза. Данный вариант в значительной мере является и формой своеобразия, а не только влияния.

4. Появление украшений на другой территории со своими носителями, распространение их внутри другой культуры временно и ограничено в соответствии с социальной ролью и территорией пришедшего населения (скандинавские украшения на Руси).

Скандинавские украшения появляются на территории Руси во второй половине VIII–IX вв.: Старая Ладога и округа²⁹. Появление скандинавского убора в это время еще не вызвало распространения каких-либо его элементов в местной среде. Восточнославянские клады IX в. не содержат скандинавских украшений. Немногочисленные скандинавские вещи принадлежали в это время самим переселенцам и показательны как выделяющий их этнический признак (рис. 5: I; 6: I)³⁰.

В конце IX – первой четверти X в. наиболее типичные детали скандинавского убора – железные гривны с молоточками Тора, скорлупообразные и равноплечие фибулы — гораздо более многочисленны. Бытование скандинавских украшений расширяется территориально, увеличивается и их круг. Материалы Старой Ладоги хронологически продолжают материалами Рюрикова городища второй половины IX в.³¹. Чистота скандинавских погребальных комплексов в этот период наибольшая. Широкого распространения женского скандинавского убора пока не фиксируется, конструктивно он связан с драпированным хитинообразным скандинавским женским костюмом (рис. 6: II)³². Мужские воинские погребения также сохраняют национальную окраску: оружие и детали убора орнаментированы или скандинавских стилях

²⁷ Шинаков Е.А. Классификация...; Григорьев А.В. Северская земля... С. 127–133; Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор... с. 16, 29, 30.

²⁸ Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки / Ред. Егоров, В.Л. М., 1996. С. 74. № 600–604.

²⁹ Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // СС. Таллин, 1971. Вып. 16. С. 137; Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // СС. Таллин, 1971. Вып. 16. С. 129, 130.

³⁰ Если упомянутые при описании комплексов украшения и детали костюма не опубликованы, в реконструкциях используются условные рисунки категорий; Древности Северо-Западной России: К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова: Каталог выставки. СПб., 1995. № 406, 290, 395; Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях... С. 129, 130.

³¹ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

³² Дубов И.В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. Рис. 2: 1–26.

или в европейских (курган Л-474 из Гнездова) (рис. 5: II)³³. Украшения скандинавских типов единично появляются в частях кладов X в., относящихся к первой четверти столетия (рис. 6: III)³⁴.

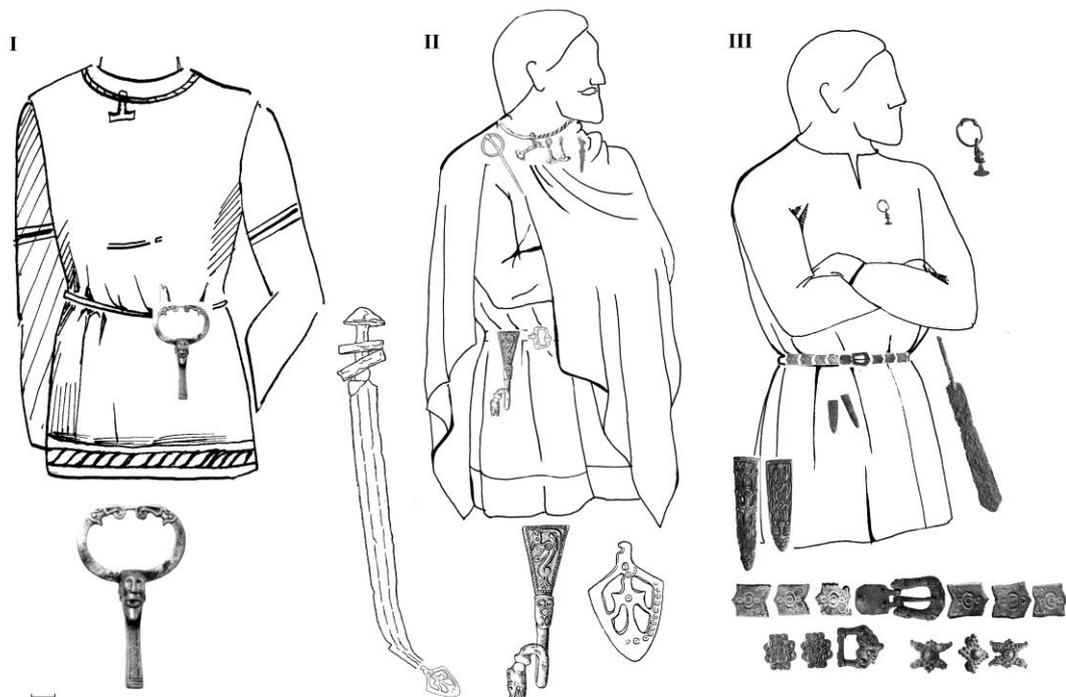

Рис. 5. Мужской скандинавский убор в реконструкциях.

I – вторая половина VIII – первая половина IX в., типовая гипотетическая реконструкция мужского убора по материалам ранних горизонтов Старой Ладogi: железная тордированная гривна, навершие для амулета или инструмента, бронза (Древности, 1995. № 406).

II – конец IX в. – первая четверть X в., типовая реконструкция по погребальным комплексам: кургану Л-47 в Гнездово (металл: железная гривна с привесками, фрагменты обкладки ремня, привеска к поясу с изображением двух драконов для подвешивания меча, подвеска-амулет в виде ножа на серебряном ушке) и кургану № 58 в Шестовицах (булавка кольцевидная с длинной иглой для скалывания мужского плаща, пряжка пятиугольная для ремня, наконечник ножен меча) (Авдусин, 1952. Рис. 26: 2, 28: 1, 3; 29: 1–3; Бліфельд, 1977. С. 93, табл. XV);

III – середина – вторая половина X в. – реконструкция по кургану 16 в Гнездово (раскопки С.И. Сергеева): поясной набор, бронза (скобы, пряжки, бляшки, наконечники), подвеска-амулет в виде молоточка, серебро, жертвенный нож, железо, серебро (Путь, 1996. № 213, 215, 217, 221, 222, 229–238, 242).

³³ Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. // МИСО. Вып. 1. Смоленск, 1952. С. 311–367. Рис. 26: 2, 28: 1, 3; 29: 1–3; Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // МИСО. Вып. 2. Смоленск, 1957. С. 113–183. С. 122–127; Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 93, табл. XV.

³⁴ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 23 / 16, 14а, 15, 16, 18–20.

На середину – вторую половину X в. падает максимальное количество скандинавских украшений³⁵. Скандинавский погребальный обряд не сохраняется в чистом виде, скандинавские захоронения не выделяются в Гнездовском могильнике как компактные группы³⁶.

Предметы скандинавского убора чаще происходят из смешанных погребальных комплексов с преобладанием скандинавского или славянского элементов, дополняясь болгарскими или финскими украшениями (рис. 5: III; 6: IV)³⁷. Скандинавские украшения, главным образом, входили в состав убора скандинавок³⁸. Но не стоит отрицать и их распространения у местного населения путем торговли. Славянские женщины, ставшие женами осевших на Руси скандинавов, могли носить скандинавскую одежду и убор или смешанный костюм со скандинавскими элементами. Они получали его в подарок от мужей, а некоторые вещи могли и приобрести³⁹.

Ко второй половине X в. скандинавские вещи, встречающиеся вместе со славянскими, становятся показателем ассимиляции. Наблюдается нарушение конструктивных принципов скандинавского костюма: использование пуговиц и височных колец: погребение № 124 Киевского некрополя, комплекс Гнездовского городища из раскопок Н. В. Андреева и Н. П. Милонова⁴⁰. Во многихкладах скандинавские украшения третьей четверти X в. присутствуют наряду со славянскими. Славянский убор своей структуры не изменил. В его состав проникали лишь те скандинавские украшения, которые допускали ношение в конструктивно разных костюмах: браслеты, перстни, подвески к ожерелью⁴¹.

В XI в. скандинавские вещи и украшения есть в сокровищницах некоторых семей, видимо, родственно связанных со скандинавами (рис. 6: V, VI)⁴². Они конструктивно удобны для уборов разных этнических традиций: подвески к ожерелью, крестовидные и антропоморфные; браслеты, подковообразные фибулы. Конструкция и структура скандинавского убора в целом потеряна⁴³.

³⁵ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

³⁶ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово / Под ред. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. 219.

³⁷ Путь... № 213, 215, 217, 221, 222, 229–238, 242; С. 22. № 274–285, 292.

³⁸ Пушкина Т.А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1972. № 1.

³⁹ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения... С. 214, 215.

⁴⁰ Там же. № 333–343, 721–727.

⁴¹ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 49, 50, 56, 103, 197.

⁴² Там же. № 197/ 9; 198/4; № 103/7.

⁴³ Там же. № 49, 50, 56, 103, 197.

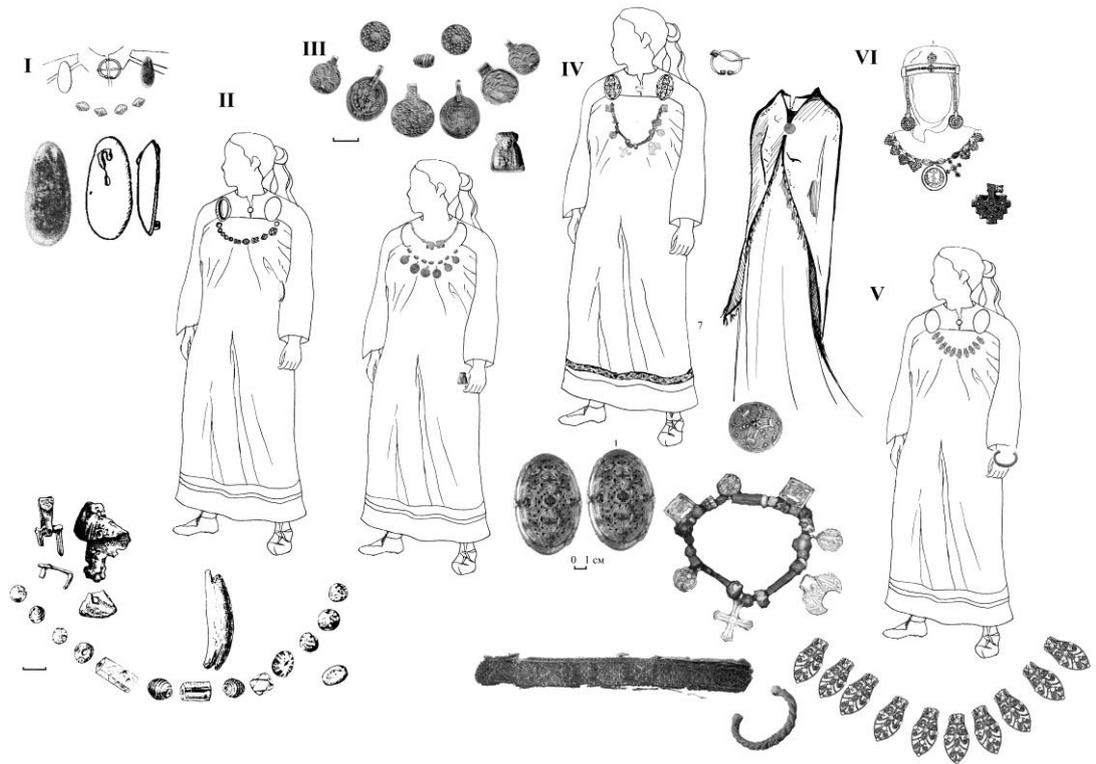

Рис. 6. Женский скандинавский убор в реконструкциях.

I – VIII – начало IX вв. – типовая гипотетическая реконструкция по материалам ранних горизонтов Старой Ладоги и округи: основное женское платье – овальные скорлупообразные и подковообразная фибулы; верхняя одежда – войлочный платок (Старая Ладога, горизонт Е3); серебряные бусины из рубчатой проволоки (курган № 7, Плакун) (Корзухина Г.Ф., 1971. С. 129, 130; Древности, 1995. № 290, 395);

II – Конец IX – первая четверть X в. – реконструкция по кургану 95 из Тимерево: ожерелье из призматических сердоликовых, хрустальных шарообразных, стеклянных бусин; серебряные бусины из штампованной проволоки; сердоликовая овальная вставка перстня; остатки овальной скорлупообразной фибулы (тип 27, 30 или 31); подвеска из медвежьего клыка (Дубов, 1976. Рис. 2, 1–26);

III – первая четверть X в. – реконструкция по раннему комплексу клада в Гнездово 1867 г.: гривна; подвески к ожерелью; фигурка идола; щитовидные бляшки; бусина из штампованной проволоки (Жилина, 2014. № 23 / 16, 14аб, 15, 16, 18–20);

IV – середина – вторая половина X в. – реконструкция по кургану Ц–198 в Гнездово: фибула подковообразная спиралеконечная; фибулы овальные скорлупообразные ЯП51; фибула круглая с филигранью и аметистовой вставкой для верхнего покрывала; ожерелье из бусин, стеклянных и филигранных; дисковидная подвеска в стиле Борре; дисковидная подвеска с зооморфным изображением; филигранная лунница в линейно-геометрическом стиле; крест с пуансонным орнаментом; подвески из поясных бляшек восточного происхождения; шелковая лента золотного шитья (Путь, 1996. С. 22. № 274–285, 292);

V – XI – начало XII в. – реконструкция женского убора с использованием украшений из московских кладов 1988 и 1991 гг.: набор из десяти антропоморфных подвесок к ожерелью; браслет со змеиными головками Жилина, 2014. № 197/ 9; 198/4).

VI – начало XII в. – реконструкция с использованием украшений клада из Киева в Михайловском монастыре 1903 г. (Жилина, 2014. № 103/7).

Общая форма скандинавских крестообразных подвесок отражала фигуру молота Тора, а верхняя часть сохраняла изображение ворона. К XI в. они известны на Руси в стилистически измененном варианте⁴⁴. Аналогичная картина наблюдается по антропоморфным и зооморфным подвескам к ожерельям IX–XI вв.⁴⁵

Таким образом, в данном случае распространение внешнего имеет ограниченную сферу. Скандинавские вещи использовали преимущественно сами скандинавы, возникли своеобразные варианты восприятия внешнего местным населением. Импортные изделия позволили славянским мастерам познакомиться с североевропейскими технологическими традициями и стилистическими особенностями скандинавского прикладного искусства.

5. Использование в местном уборе оригинальных иноземных украшений, типологически соответствующих местному убору, поступивших путем торговли или дарения (отдельные украшения кочевников и восточных стран на Руси).

Украшения Востока и кочевых народов составляют небольшую долю среди русских украшений, сколько-нибудь распространяются только те категории и типы, которые могут конструктивно вписаться в славяно-русский убор. Как правило, они выделяются своеобразной формой или художественным оформлением.

В конце VIII – IX в. используются салтовские серьги, заполняющие собой лауну в восточнославянском уборе: отсутствие объемно-гроздевидных форм (рис. 7: 1, 2)⁴⁶.

Существенное влияние на древнерусский убор оказали многочисленные восточные монеты своим общим обликом и арабскими надписями. Им делались подражания, и можно полагать, что такой вид украшений, как монетовидные подвески, стабилизировался не без участия дирхемов (рис. 7: 4–7)⁴⁷. Общее название для ожерелья — «монисто», этимологически связанное со словом «монета», утвердилось на Руси на долгое время, возможно, именно с эпохи распространения арабского монетного серебра.

⁴⁴ Наследие варягов. Диалог культур. Б. м., 1996. С. 37; *The Northern World. The History and Heritage of Northern Europe. AD 400–1100*. Ed. By David M. Wilson. London, 2003. P. 189.

⁴⁵ Новикова Е.Ю. Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111 / Отв. ред. В.Л. Егоров. М., 1999; Наследие варягов..., С. 52, фото на обложке; *Duczko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. An analysis of the material from Björkö / Birka. Untersuchungen und Studien*. Vol. 5. Stockholm, 1985. Fig. 61.

⁴⁶ Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005. Рис. 3; Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 8/5, 6.

⁴⁷ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 23/16, 7; 180/6; 47/1.

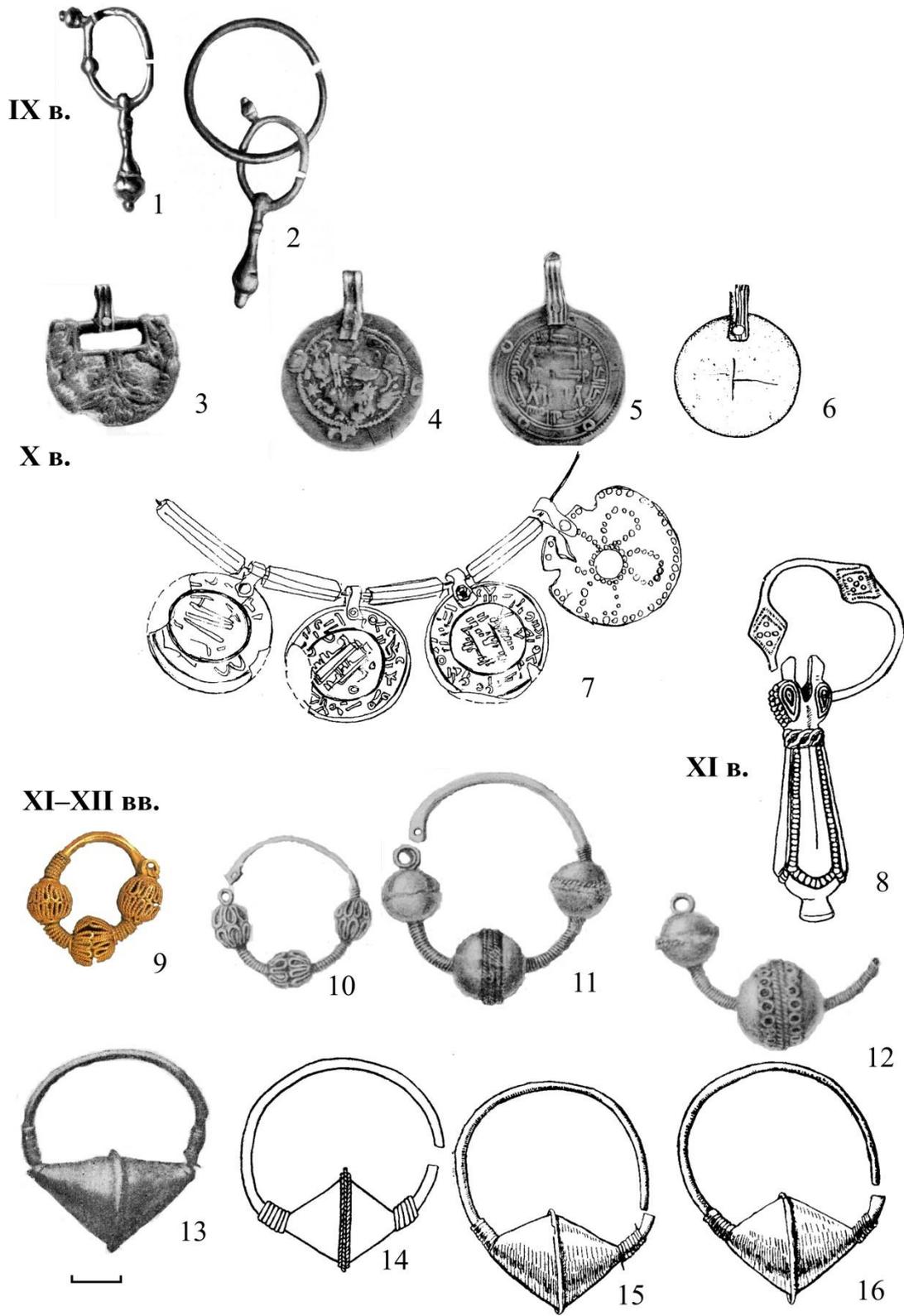

Рис. 7. Восточные украшения на Руси.

Рис. 7:

1, 2 – салтовские серьги и их ношение в славяно-русском уборе, Железницы Рязанской губ., IX в. (Макарова, 2005, рис. 3; Жилина, 2014. № 8/5, 6); X в. – 3 – пряжка, переделанная в подвеску; 4, 5 – подвески из сасанидских монет, Гнездово, клад 1867 г. (Жилина, 2014. № 23/16, 7); 6 – монетовидная подвеска, Гнездово, 1993 г. (Жилина, 2014. № 180/6); 7 – реконструкция мониста по кладу из Витебской губ., до 1907 г.б (Жилина, 2014. № 47/1); 8 – ромбоштитковое кольцо с восточной подвеской, Демшина, Псковской губ., 1891 г., XI в. (Жилина, 2014. № 51/3); бусинные украшения XI–XII вв.: 9 – кольца из собрания Владычной палаты, Новгород, XI в. (Жилина, Макарова, 2008. Каталог С: № 87); клады – 10–12 – Стариково Курской обл. (Жилина, 2014. № 158/6–8); конец XI – XII в. – 13 – Княжая Гора, 1897 г., 14 – Пивцы, 15, 16 – Пишки – Киевской губ. (Жилина, 2014. № 122/4; 130/2, 132/1).

Восточные изделия иногда используются не по назначению. Например, восточная подвеска X в. переделана в ременную пряжку (рис. 7: 3). Литая подвеска с куфической надписью XI в. надета на ромбоштитковое височное кольцо (рис. 7: 8)⁴⁸.

В XI – XII в. на сопредельных с кочевниками территориях используются серьги «половецкого типа» (рис. 7, 13–16)⁴⁹.

Наряду с типичными древнерусскими трехбусинными кольцами используются бусинные украшения из тонкой филигранны минимальных параметров, предположительно, иранского происхождения (рис. 7: 9, 10) (Жилина, 2014. № 112, 158; Жилина, Макарова, 2008. Каталог С: № 87)⁵⁰; кольца с укрупненной средней бусиной и довольно крупной филигранью (традиции ювелирного дела Волжской Болгарии) (рис. 7: 11, 12)⁵¹.

Единично в составе кладов известны и восточные перстни, возможно, для IX в.⁵². На двух перстнях второй половины XI – первой половины XII в. имеются восточные надписи: клады из Киева 1889 г. (надпись «Аллах» в обратном начертании, с декоративной композицией на основе арабской каллиграфии) и 1936 г. XII в. (надпись «Арзен» по-армянски)⁵³.

Восточные вещи включаются в определенных, индивидуальных вариантах древнерусского костюма и убора, при этом они остаются отличимы от остальных его составляющих. В целом они не оказывают влияния на изменение убора.

6. Сильное долговременное влияние вследствие глобальной смены культурной ориентации, появления новых форм культуры, использование готовых систем убора и украшений, восприятие внешних орнаментальных стилей и логики их развития, появление собственных новаций (культура Византии и Русь, принятие христианства на Руси, эмалевый и черневой ювелирные уборы, изменение форм филигранного убора; Волжская Булгария и мусуль-

⁴⁸ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 51/3.

⁴⁹ Там же. № 122/4; 130/2, 132/1.

⁵⁰ Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008. Каталог С: № 87.

⁵¹ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 158/6–8.

⁵² Там же. № 5/5.

⁵³ Там же. № 97/6; 68/4.

манский Восток, принятие Ислама, воздействие ювелирного дела восточных стран).

После выбора христианской веры в Древней Руси распространяется эмалевый убор (рис. 8: 1, 2), видоизменяются черневой и скано-зерненный (рис. 8: 3–5)⁵⁴. Долговременное и осознанное взаимодействие с византийской культурой обуславливает наиболее мощный результат внешнего влияния, отразившийся и на ювелирном деле Руси.

В конце XI–первой половине XII в. эмалевое и черневое искусство Руси в целом следует за византийским стилевым движением, проходя через аскетически-сакральный и черневой проэмалевый стили⁵⁵. В скани поначалу преобладает строгий стиль, также соответствующий стилистике эмалевых произведений, затем активно развивается завитковый плоскостной стиль, появляется ковровый стиль с более разнообразным набором элементов. Искусство зерни этого времени более демократично и оригинально, здесь продолжается прежнее стилистическое развитие: сохраняется линейно-геометрический стиль и развивается геометрический⁵⁶.

Растительно-кринообразный стиль сказывается в искусстве эмали, черни и тиснения. Начиная с геометризованной стадии, в середине XII в. он проходит через наиболее гармоничный естественный этап, а в конце XII–первой трети XIII в. завершается периодом с чрезмерно утрированными изогнутыми побегими. Новая стилистическая вершина филиграни – пышный стиль – также вдохновлена византийским искусством. Стадии пышного и плетеного стиля наблюдаются и в тиснении⁵⁷. Черневое искусство в XII–XIII вв. демонстрирует более сложный синтез, обращаясь к истокам искусства X–XI вв. в тератологии и вводя в орнаментальный арсенал образы языческой Руси; наиболее ярким для черни становится плетеный стиль.

Таким образом, и в ситуации глобального бесспорного внешнего воздействия местная культура продолжает производить новации на основе собственного опыта.

В колоколовидной форме древнерусских рясен XI–XII вв. соединились по крайней мере два источника: византийская культура ювелирного изделия и собственная традиция шумящих украшений. Соединение этих традиций дало гибридные формы (рис. 8: 3). В первой половине XII в. разрабатываются формы лучевых колтов, продолжающих традиции височных колец (колты на широкой дужке), трехбусинные кольца используются аналогично височным украшениям (рис. 8: 4). Под воздействием формы византийских лунничных колтов происходят модификации: лучевые зерненные колты приобретают лун-

⁵⁴ Жилина Н.В. Русский ювелирный убор // Родина. 2002. № 11–12. С. 160–165. Рис. 8, 6, 4, 5, 9.

⁵⁵ Жилина Н.В. Древнерусские клады... С. 66–115.

⁵⁶ Там же. С. 115–140.

⁵⁷ Там же. С. 140–156.

ницу, а трехбусинные кольца изменяются до дужек и входят в состав очелий (рис. 8: 5)⁵⁸.

7. Другой разряд влияний связан с относительно постоянным этническим и культурным окружением народа: проявление родственности, сходства развития и дальнейшее «породнение» уборов (параллели и связи между славянским, финно-угорским и балтским уборами).

Рис. 8. Общая эволюция древнерусского убора XI – первой трети XIII вв. (Реконструкция Н.В. Жилиной, рисунки О.В. Федорова).

Конец XI – XII вв.: 1, 2 – мужской и женский золотой уборы из украшений в технике перегородчатой эмали, византийская традиция; женские серебряные уборы в технике зерни и скани – 3 – конец XI – начало XII вв., с колоколовидными ряснами; 4 – первая половина XII в., с колтами на широкой дужке и трехбусинными кольцами в роли височных; 5 – конец XII – первая треть XIII вв., с колтами на луннице и трехбусинными дужками в очелье (Жилина, 2002. Рис. 8, 6, 4, 5, 9).

⁵⁸ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 67; Жилина Н.В. Русский ювелирный убор...

Параллели между славянским, финно-угорским и балтским уборами отмечаются с раннеславянского времени. В. Е. Родинкова выделила среди украшений женского раннеславянского металлического убора группы: балтскую, финскую, германскую и субстратную. Как балтский импорт рассматриваются браслеты с расширенными многогранными концами, как финно-угорский – браслеты с прямоугольными в сечении орнаментированными концами, хотя абсолютно точных аналогий не наблюдается. Браслеты с узкими расплюснутыми концами, как более оригинальную форму, к финно-угорскому импорту отнести, вероятно, действительно возможно. Славянский металлический убор сближается с финно-угорским и по наличию нагрудных цепей⁵⁹.

Большая часть ювелирных изделий из славянских и древнерусских кладов славянских кладов VI–X вв. и их орнаментация соответствуют демократическому достилевому уровню соответствуют: гривны, браслеты, перстни, височные кольца. Височным кольцам середины VI–VII вв. из Среднего Поднепровья со спиральными завитками, обращенными внутрь, приводятся аналогии из литовских материалов IV–V вв.⁶⁰. Но эта аналогия не должна вести к выводу о балтском влиянии или импорте. Славяно-русский ряд украшений со спиральной орнаментацией хорошо представлен и логичен: крупные и небольшие кольца с завитков внутрь конца VI – VII в.⁶¹; небольшие кольца со спиральным завитком наружу кольца, иногда отогнутым наподобие медальона конца VII – VIII в.⁶²; спиральные височные кольца с укрупненным спиральным медальоном IX–XI вв.⁶³.

Сама элементарность форм рассмотренных украшений практически исключает необходимость и возможность заимствования. Наблюдаемые аналогии следует понимать как проявление конструктивных сходств в уборе металлической стадии, общей для многих народов, у средневековых финно-угров сохранявшейся довольно долго. Одна и та же стадия убора, один и тот же уровень развития техники обуславливали не только возникновение сходных форм в разных центрах, но и легкость перенимания, возможность повторения подобной формы самостоятельно. Устанавливать направления заимствования таких элементарных вещей и невозможно, и не нужно. Важнее очертить и определить родственную стадию и среду убора.

⁵⁹ *Родинкова В.Е.* Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М., 2008. С. 281, 284.

⁶⁰ Там же. С. 281.

⁶¹ Примеры см.: *Корзухина Г.Ф.* Клады... Табл. 17: 5, 6.

⁶² Примеры см.: *Корзухина Г.Ф.* Клады... Табл. 106: 4; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. Табл. IV: 2; XXI: 11.

⁶³ *Жилина Н.В.* Древнерусские клады... № 1/4.

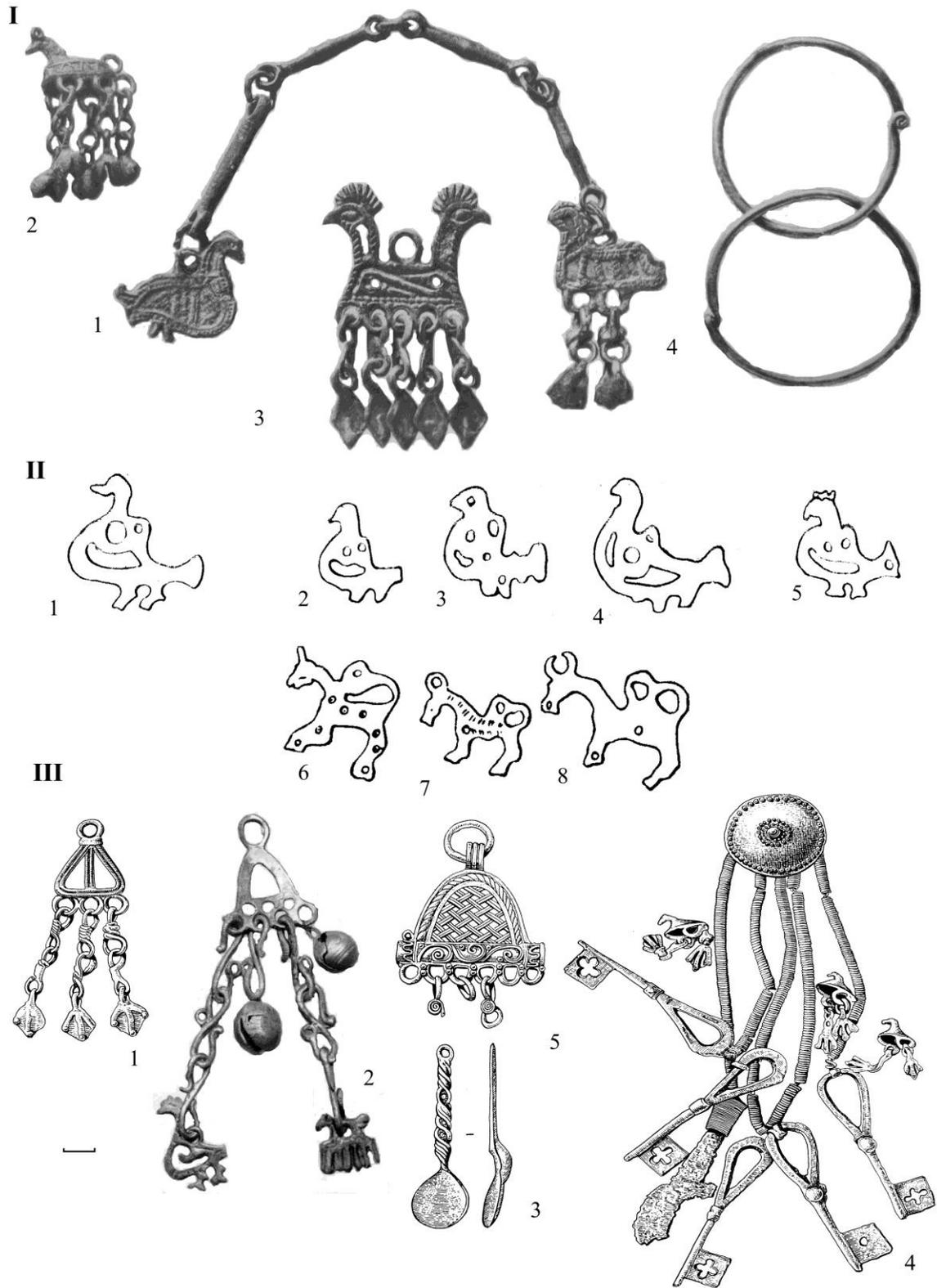

Рис. 9. Финно-угорские украшения и амулеты.

Рис. 9:

I – клад из Чернобыля Киевской губ., 1896 г. XII – первая треть XIII вв.: 1 – серебряная цепь с шумящими подвесками); бронзовые украшения – 2 – подвеска шумящая в виде барана; 3 – подвеска шумящая в виде двуглавой птицы с ромбическими привесками; 4, 5 – кольца височные (Жилина, 2014. № 139/1–3, 5);

II – зооморфные подвески в виде птиц группы I по Е.А. Рябинину: 1, 2 – X–XI вв., 3–5 – XI–XII вв.; 6 – XII–XIII вв.; 6–8 – подвески-коньки типа XIV по Е.А. Рябинину (Рябинин, 1981. Рис. 3);

III – славянские и финно-угорские шумящие амулеты: 1 – мера, XI в. (Финно-угры, 1987. Табл. XXIX: 10); 2 – славяне, Бочарово Смоленской губ., XI–XII вв. (Рыбаков, 1971. Ил. 132); 3–5 – весь, XI–XII и XII–XIII вв. (Финно-угры, 1987. Табл. XVII: 1, 20; XVIII: 16).

Среди всех древнерусских кладов три клада включают финно-угорские украшения. Два из них, видимо, имели чистый финно-угорский состав: клад XI – начала XII в. из Льговки Калужской губ.⁶⁴, и клад XII–XIII вв. из Чернобыля Киевской губ., 1896 г. № 139) (рис. 9: I, 1–5)⁶⁵. Клад из Мужичево Тверской губ., 1927 г., имеет смешанный состав⁶⁶.

Браслеты и височные кольца, подвески амулетов – те общие формы, с помощью которых уборы могли породниться. Клад на Киевской земле с подвеской с изображением двуглавых петухов Г. Ф. Корзухина связала с бегством финского населения от татар на Киевщину⁶⁷. Такие конкретные ситуации создавали предпосылку породнения. Закономерной является выработка на украшениях, изначально распространенных локально, общих стилистических черт, способствовавших восприятию их в разноэтничной среде. Завитковый орнамент на зооморфной подвеске – пример синтеза традиций художественного оформления, принятых в финской среде с распространением византийского орнамента (рис. 9: I, 3).

Пластинчатые подвески в форме птиц X–XIII вв. связываются происхождением с финскими народами. Подвески-коньки (тип XIV) определяются как общедревнерусский тип (рис. 9: II, 1–8)⁶⁸. Все эти зооморфные подвески стилистически одинаковы: характеризуются пластинчатостью, почти гладкой поверхностью. Это итоговые примеры породнения, характеризующиеся лаконичной универсальной формой. На основе таких общих форм наблюдается сходство славянских и финно-угорских зооморфных амулетов по составу, конструкции и категориям подвесок (рис. 9: III, 1–5)⁶⁹.

Внешнее влияние опирается на местную основу, то или иное воздействие в нее внедряется. Конкретная сумма испытанных внешних влияний

⁶⁴ Жилина Н.В. Древнерусские клады... № 37.

⁶⁵ Там же. № 139/1–3, 5.

⁶⁶ Там же. № 171.

⁶⁷ Корзухина Г.Ф. Русские клады... С. 44.

⁶⁸ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1–60. Л., 1981. С. 12–19, 28–31, рис. 3.

⁶⁹ Финно-угры... Табл. XXIX: 10; XVII: 1, 20; XVIII: 16; Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л., 1971. Ил. 132.

вместе с собственной традицией обуславливает своеобразный облик культуры народа.

В результате анализа характерных черт убора разных народов и сравнения их по указанным выше критериям можно предварительно разделить формирование убора на три основные зоны.

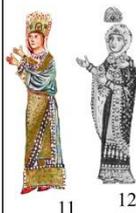
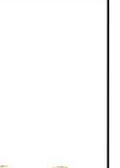
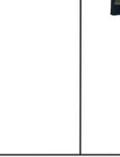
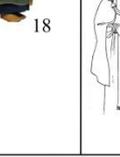
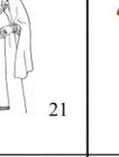
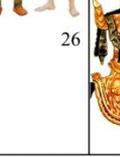
	I. Византийско-европейская				II. Северо-европейская			III. Евразийская	
	Византия	Западная Европа германцы	Восточная Европа славяне		Северная Европа скандинавы прибалтийские финны			Азия, Юго-Восточная Европа тюрки, аланы, кочевники ираноязычные народы, арабы, болгары	
XI-XIII вв.									
X в.									
IX в.									
									

Рис. 10. Основные зоны распространения убора из украшений.

Рис. 10:

I. Византийско-европейская: а – византийский женский убор, мозаики храма Сан Витале в Равенне, 545–547 гг. (Каплан, 2002. С. 38, 39); 1 – св. Елена, Григорий Назианзин, греческий манускрипт № 610, 880–886 гг. (Каплан, 2002. С. 19); 2 – св. Евдокия, мраморная икона с инкрустацией цветным стеклом, начало X в. (The Glory, 1997. P. 42. 8B); 3 – танцовщица, эмалевая диадема XI в. (Everyday Life, 2002. P. 244); 4 – императрица Зоя, мозаика Софийского собора в Константинополе, середина XI в. (Колпакова, 2005. С. 335); 5 – женские фигуры у трона императора Оттона II, миниатюра Кодекса св. Григория, Шантйи, Франция, ок. 983–985 гг. (Beckwith, 1977. II. 84); 6 – император Оттон III и страны-данницы, миниатюра Евангелария, около 1000 г. (Искусство, 2000. Ил. 184); 7, 8 – реконструкции убора королевы Агнессы де Пуатье (1025–1077 гг.), супруги Генриха III, короля Германии; (Schulze-Dorlam, 1991. Band 24. Abb. 24, 89: 1, 2); 9 – реконструкция филигранного убора X в., Древняя Русь по Н.В. Жилиной, рисунок О.В. Федорова) (Жилина, 2002. Рис. 3); 10 – реконструкция филигранного убора по кладу в Завада Ланскоронска, Польша, X в. (Poleski J., 1997. S. 24. Abb. 8); 11, 12 – княгиня Ирина, миниатюры Трирской Псалтыри, XI в. Древняя Русь (Кондаков, 1906, табл. IV, VI); 13, 14 – реконструкция девичьего и женского костюма и убора из украшений по Подболотьевскому могильнику (по В.А. Городцову и А.Ф. Дубынину) (Финно-угры, 1987, табл. XXXVI: 2, 4, 5); 15 – реконструкция костюма и убора удмуртов по погребению 20 Кузьминского могильника (Иванова, 1992, рис. 49: 2);

II. Северо-восточно-европейская: б – 1 – валькирия, поминальный камень, Ченгвиде, Алског, о. Готланд, Швеция, VIII–IX вв. (The Northern World, 2003. P. 18); 16 – фигурка валькирии Швеция, X в. (The Northern World, 2003. P. 142); 17 – реконструкция скандинавского женского костюма военно-исторического клуба «Черный ворон» (Костюм эпохи викингов, б/д.) 18 – реконструкция костюма и убора из украшений финнов-суоми по женскому погребению 56 из Еура в Луистари, X – начало XI в. (Lehtosalo Nilander, 1984. Fig. 29); 19, 20 – реконструкции женского костюма и убора из украшений корелы XII–XIII вв. по погребению 5 в Кекомьяки, Каукола и 26 в Тууккала, Миккели (Lehtosalo-Nilander, 1984. Fig. 29. Обложка); 21, 23, 24 – реконструкции костюма литовцев (Волкайте-Куликаускаене, 1986. Рис. 47; 51ж, 54б); 22, 25 – реконструкции костюма латышей XI в., XIII в. (Зариня, 1986. Рис. 60д; 2цв.: б);

III. Евразийская: в – царица цариц Денак, гемма из аметиста, III в н. э., Иран (Луконин, 1977. С. 154); 26 – реконструкция девичьего и женского аланского костюма и убора из украшений периода Хазарского каганата (Доде, 2001, ил. 5); 27 – реконструкция половецкого девичьего и женского костюма и убора из украшений (Доде, 2001. Ил. 21); 28 – танцовщицы, настенная живопись дворца Джаусак аль-Хакани в Самарре, Ирак, 836–839 гг. (Классическое искусство, 2002. Ил. 58); 29, 30 – реконструкция ношения височных украшений, XI–XIII вв., Волжская Болгария (Руденко, 2011. Рис. 19: с, в).

I. Византийско-европейская зона.

Византийский костюм и ювелирная культура, в эпоху раннего Средневековья восприняли многое от Ирана и Сирии, а затем повлияли на развитие ювелирного убора западноевропейских (германских) и восточноевропейских народов и стран: славянских и поволжско-камских финнов. Византийский костюм включал туникообразную одежду с нарядными нашивками и круговым воротом, драпированные варианты плащей. Драгоценный убор византийской системы включал головной убор диадемно-стеммного строения с подвесками-ряснами и колтами; нагрудный ярус из ожерелий с медальонами или дробницами оплечья, широкие створчатые браслеты-запястья. Ювелирные украше-

ния выполнялись в технике перегородчатой эмали, черни, филигрании (рис. 10: I, а, 1–4)⁷⁰.

Наиболее ощутимым было влияние мирового ювелирного лидера на сложение убора из украшений западноевропейских и славянских стран, в том числе – на древнерусский ювелирный убор, стимулированное принятием христианства. Во всех странах были созданы своеобразные варианты ювелирных уборов. При этом более ранняя система обильно-металлического убора осталась в основном в деревенском уборе.

На Руси сложились стилистически единые ювелирные уборы в техниках зерни (IX–X вв.), перегородчатой эмали, черни, тиснения (XI–XIII вв.). В других славянских странах в основном сложились уборы в технике филигрании (рис. 10: I, 9–12)⁷¹.

Западноевропейская ювелирная культура вобрала в себя воздействие античной в эпоху раннего Средневековья, но выработала и свои формы украшений, оформленные в оригинальных художественных стилях и техниках (перегородчатая инкрустация, кербшнит). На этот пласт наложилась византийская система убора, но многие прежние традиции продолжали сохраняться: использование крупных драгоценных фибул, цепочная система ожерелий с использованием драгоценных вставок и гемм (рис. 10: I, 5–8)⁷².

Для тенденций развития восточных финнов (к ним примыкает и весь) большое значение имело конструктивное сходство костюма и убора обильно-металлической стадии со славянским: ленточная конструкция головного убора с височными кольцами, развивающаяся к кичкообразной и кокошнику, уход от тяжелых металлических цепей, распространение подковообразных фибул. В этой среде вследствие сходства системы, несмотря на отличия, легко воспринималось и византийское и древнерусское влияние (рис. 10: I, 13–15)⁷³.

II. Северо-европейская зона. Обильно-металлический убор и сохранение драпированной одежды характерны для прибалтийско-финских народов (рис. 10: II, 18–20)⁷⁴, балтов (рис. 10: II, 21–25)⁷⁵, скандинавов (рис. 10: II, б, 16, 17)⁷⁶.

⁷⁰ Каплан М. Золото Византии. М., 2002. С. 38, 39, 19; The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997. P. 42. 8B; Everyday Life... P. 244; Колтакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2005. С. 335.

⁷¹ Жилина Н.В. Русский ювелирный убор... Рис. 3; Poleski J. Kleinpolen im 8.–10. Jahrhundert. Bemerkungen zu den Beziehungen zwischen Kleinpolen und Böhmen, Mähren, Slowakei und Ungarn // Central Europe in 8th–10th Centuries. Mitteleuropa im 8.–10. Jahrhundert. Bratislava, 1997. S. 24. Abb. 8; Кондаков Н.П. Изображения... Табл. IV, VI.

⁷² Beckwith J. Early Medieval Art. Carolingian. Ottonian. Romanesque. London: Thames and Hudson, 1977. II. 84; Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. Ил. 184; Schulze-Dorlam M. Monographien, Band. 24. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes. Mainz, 1991. Abb. 24, 89: 1, 2.

⁷³ Финно-угры... Табл. XXXVI: 2, 4, 5; Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. Рис. 49: 2.

⁷⁴ Lechtosalo-Hilander P.L. Ancient Finnish costumes. Helsinki, 1984. Fig. 29, обложка.

Распространены тяжелые и многочисленные украшения и детали костюма из недорогих металлов, скрепляющие одежду (заколки и лицевые венки или заколки для укладки платка; плечевые и центральные фибулы, булавки); многорядные нагрудные цепи, нашивные украшения; отсутствие головных украшений из металла (за исключением балтов) (рис. 10: II, 18–25).

В элитарной и городской среде появляются черты ювелирной стадии. Лидером ювелирной культуры здесь стали скандинавские страны (рис. 10: II, б, 16, 17). Созданы ювелирные варианты различных типов фибул, подвесок, оформленных в сложившихся и последовательно развитых художественных стилях, используются драгоценные металлы. Основной ювелирной техникой стала филигрань. Эти украшения смогли распространиться у прибалтийских финнов и меньше у балтов, при этом система убора не изменилась.

III. Евразийская зона.

Стадия ювелирного убора с глубокой древности характерна для стран Востока: Иран, Сирия, Египет. Здесь развита туникообразная и распашная одежда, разнообразны головные уборы из также разных материалов.

Существует сложная, но рациональная система головных украшений: волос, уха и головного убора; известны женские шапки, скрепленные с прической. Эта архаичность конструкции соединена с роскошными ювелирными изделиями (рис. 10: III, в, 28)⁷⁷. Выработаны своеобразные формы ожерелий.

Этот высочайший уровень развит далее мусульманским миром (не без взаимодействия с византийскими традициями). На основании новых норм развитие убора из украшений стран и народов, принявших ислам, оказалось отчасти изменено (Испания, Сирия, Египет, Иран, страны и народы Средней Азии). Система убора упростилась, головные украшения стандартизировались, в итоге ограничились серьгами; сохранились бусинные и ленточные ожерелья с подвесками; выработались формы мусульманских амулетов, украшений рук с арабскими надписями.

Нормы восточной ювелирной системы оказались родственны кочевым народам. Для них была свойственна широкая туникообразная и распашная одежда, головные уборы с навершием на основании башлыкообразного кроя; а в уборе из украшений – сохранение натуральной стадии и облегченный вариант обильно-металлического (амулеты из металла, поясной набор). Здесь распространены отдельные предметы ювелирного убора Востока и Византии, но собственного завершенного убора ювелирной стадии не создается (рис. 10: 26, 27)⁷⁸.

⁷⁵ Волкайте-Куликаускаене Р.К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред.: М.Г. Рабинович. М., 1986. Рис. 47; 51ж, 54б; Зарина А.Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред.: М.Г. Рабинович. М., 1986. Рис. 60д; 2цв.: б.

⁷⁶ The Northern World... P. 18, 142; Костюм эпохи викингов. Исторические реконструкции / набор открыток. СПб., б. г.

⁷⁷ Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. С. 154; Классическое искусство стран ислама. Памятники мирового искусства. М., 2002. Ил. 58.

⁷⁸ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001. Вл. 5, 21.

Таким образом, у каждого мирового лидера сложилась своя сфера влияния на другие народы и страны. Влияние, изменяющее характер убора других стран, во многом обеспечивалось политической и религиозной ситуацией, распространялось преимущественно в сфере действия одной конфессии. При этом сохранялось своеобразие в формах украшений и частичном сохранении более ранних систем убора.

Замечательной параллелью для сравнения являются синхронные пути развития ювелирного убора двух стран-соседей: Древней Руси и Волжской Болгарии.

Традиции обильно-металлического убора ранних славян в Древней Руси постепенно уходили в прошлое в результате стадийного развития убора, были усилены воздействием византийской ювелирной культуры с VIII в. и – особенно – после принятия христианства в X в. Сложился свой ювелирный филигранный убор.

В Волжской Болгарии были во многом оставлены в прошлом кочевнические и финские традиции убора; в связи с развитием оседлого образа жизни и под воздействием восточной ювелирной культуры после принятия в X в. ислама сложился свой филигранный убор (рис. 10: III, 29, 30)⁷⁹.

Отдельные украшения, не связанные с системой убора, могут распространяться более свободно, под воздействием вкусов и пристрастий людей, то есть, моды. Такой интерес, независимо от политических условий и конфессий у разных народов вызывали византийские, восточные, моравские и скандинавские украшения.

В результате всех форм влияния и трансформаций у каждого народа сложился неповторимый комплект убора, соответствующий костюму.

Литература

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. // МИСО. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 311–367.

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // МИСО. Вып. 2. Смоленск: Смолгиз, 1957. С. 113–183.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190–205.

Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек Пастырского типа // СА. 1973. № 3. С. 62–72.

Амброз А.К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 1993. № 2. С. 179–184.

Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наукова Думка, 1977. 231 с.

⁷⁹ *Руденко К.А.* Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань, 2011. Рис. 19: с, b.

Волкайте-Куликаускаене Р.К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред.: М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 146–171.

Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы, в. Гавритухин, И.О. и Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. 3 / Ред.: Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова.. Москва: Спецэлектрострой, 1996. С. 36–38.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула: Гриф и К, 2000. 263 с.

Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // СС. Вып. 16. Таллинн, 1971. С. 134–146.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Восточная литература РАН, 2001. 136 с.

Древности Северо-Западной России: К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова: Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 1995. 200 с.

Дубов И.В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 82–86.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1982. 560 с.

Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Издательство Московского университета, 1991. С. 200–225.

Жилина Н.В. Древнерусские звездчатые колты (схема развития) // Научные чтения памяти В. М. Василенко. М.: ВМДПиНИ, 1997. С. 140–150.

Жилина Н.В. Русский ювелирный убор // Родина. 2002. № 11–12. С. 160–165.

Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. Монография в журнале // Stratum plus. 2005. № 5. С. 21–170.

Жилина Н.В. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // Археологические вести. 2012. № 18. С. 253–281.

Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2014. 391 с.

Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН; Гриф и К, 2008. 296 с.

Зариня А.Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред.: М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 172–189.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

Искусство раннего Средневековья, 2000. СПб.: Азбука. 384 с.

Каплан М. Золото Византии. М.: Атрель. АСТ, 2002. 176 с.

Классическое искусство стран ислама. Памятники мирового искусства. М.: Издательский дом «Искусство», 2002. 496 с.

Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 528 с.

Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплексы ювелирных изделий VIII из находки у с. Фотовиж. Stratum plus. 2011. № 5. С. 143–164.

Кондаков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1906. 123 с. VI таб.

Корзухина Г.Ф. Киевские ювелиры накануне татаро-монгольского нашествия // СА. 1950. Вып. XIV. С. 217 – 244.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 226 с.

Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi // СС. Вып. 16. Таллин, 1971. С. 123–130.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников, в. МАИЭТ. V / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435; 586–705.

Костюм эпохи викингов. Исторические реконструкции / набор открыток. СПб: Ладога-тур; Ассоциация Гардарика, б. г.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74 / ред. М.И. Артамонов. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. 328 с., 9 л. ил.

Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 126–131.

Наследие варягов. Диалог культур. Б.м.: Музеи Московского кремля; Государственный исторический музей, Стокгольм, 1996. 120 с.

Новикова Е.Ю. Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111 / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 1999. С. 47–53.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки / Ред. Егоров, В.Л. Москва: ГИМ, Калинин и Ко, 1996. 102 с.

Пушкина Т.А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 1. 1972. С. 92–94.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3. С. 41–51.

Родинкова В.Е. Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

в Суздале. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 280–285.

Руденко К.А. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.

Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Московского Кремля. М.: Советская Россия, 1984. 252 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. Москва: Издательство АН СССР, 1948. 792 с.

Рыбаков Б.А. Древние русы. СА. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.

Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.

Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 127 с.

Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный узор. Основные тенденции формирования. Санкт-Петербург: Издательство СПбИИ РАН, 2005. 384 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Скиба А.В. Фібули з дніпровських скарбів VII ст. // Археологія. 4. 2011. С. 20–31.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Отв. ред. В.В. Седов. М.: «Наука». 1987. 510 с.

Шаблавина Е.А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепропровского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Материалы Всероссийской научной конференции / Ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 308–321.

Шунаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 3. 1980. С. 110–127.

Щеглова О.А. Женский узор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312.

Beckwith J. Early Medieval Art. Carolingian. Ottonian. Romanesque. London: Thames and Hudson, 1977. 270 p.

Chropovský B. Včasnoslovanský a predveľkomoravský vývoj na území Československa // J. Poulík, B. Chropovský a kolektiv. Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha: Academia; Bratislava: Obzor, 1985. S. 81–106.

Čilinská Z. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava: Vydateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 332 s.

Čilinská Z. Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie vied, 1973. 260 s., 193 obr., map. 3.

Dostál B. Slovanská pohřebišťe ze středni doby hradištni na Morave. Praha: Akademia, 1966. 297 s., 4 l. il.

Duczko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. An analysis of the material from Björkö / Birka. Untersuchungen und Studien. Vol. 5. Stockholm: Almqvist&Wiksell International, 1985. 118 p.

Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 600 p.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und text. Neuausgabe. 1973. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft, 1973. Abb. 587. 83 S.

Krumphanslová Z. Chronologie pohřebního inventáře vesnických hřbitovů 9.–11. věku v Čechách // Památky archeologické. Ročník LXV. Praha, 1974. S. 34–110.

Lechtosalo-Hilander P.L. Ancient Finnish costumes. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 1984. 77 p.

Poleski J. Kleinpolen im 8.–10. Jahrhundert. Bemerkungen zu den Beziehungen zwischen Kleinpolen und Böhmen, Mähren, Slowakei und Ungarn // Central Europe in 8th–10th Centuries. Mitteleuropa im 8.–10. Jahrhunderts. Bratislava: Kulturministerium Der Slowakischen Re, 1997. S. 15–26.

Poulik J. Staroslowanska Morava / Monumenta archaeologica. Acta praehistorica, protohistorica et historica. T. I. Praeae: Sumptibus institute archaeologici, 1948. 215 s.

Poulik J. Mikulčice. Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha: Academia, 1975. 207 s. (32 obr.), 2 skl. příl., 48 kříd příl.

Schulze-Dorlam M. Monographien, Band. 24. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes. Mainz: Thorbecke, 1991. 134 s.

The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixom. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 576 p.

The Northern World. The History and Heritage of Northern Europe. AD 400–1100. Ed. By David M. Wilson. London: Thames & Hudson, 2003. 248 p.

Zhilina N. Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Ed. A. Zilinskaite. Vilnius.: Saulius Jokuzys Publishing Printing House, 2016. P. 87.

И. В. Исланова (Москва)

МЕСТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ ВОЛГО-БАЛТИЙСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА¹

Население прибалтийско-финской языковой группы в позднедьяковское и раннесредневековое время использовало в costume украшения с шумящими привесками, имеющие многочисленные аналоги в финно-угорских древностях, лежащих восточнее и северо-восточнее. В древнерусское время традиция использовать подобные изделия сохраняется и у их потомков. Анализ немногочисленных известных металлических деталей, относящиеся к традиционному местному costume позволяет говорить, что в раннем Средневековье на Волго-Балтийском водоразделе не происходит полной смены населения. Обращает на себя внимание факт малочисленности местной фурнитуры в погребениях культуры псковских длинных курганов. Это можно объяснить отсутствием курганной погребальной традиции у местного населения, не использовавшейся в предшествовавшей позднедьяковской культуре.

Ключевые слова: *costюм местного населения, позднедьяковская культура, культура псковских длинных курганов, предсопочная культура, древнерусская культура.*

Раннесредневековые древности на Северо-Западе лесной зоны Восточной Европы, из-за небольшой источниковой базы, остаются слабо изученными. Выделяемые здесь археологические культуры и группы древностей сложно связать с конкретным населением. Исследования последних десятилетий позволили говорить, что лесная зона Восточной Европы в третьей четверти I тыс. н.э. не являлась слабозаселенной, почти безлюдной местностью. Зафиксированные культурные импульсы из других регионов привели к возникновению в это время новых культурных групп и массивов. В дальнейшем в этом возникшем «котле» в конце I тыс. н.э. – начале II тыс. н.э. и формировалась древнерусская народность.

На Северо-Западе в раннем Средневековье обширную территорию занимала так называемая культура псковских длинных курганов (КПДК). Далее

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

остановимся только на участках восточной области этой культуры², где проведены исследования и на погребальных, и на поселенческих объектах. Анализируемая территория занимает верховья левых притоков р. Молога (левый приток Верхней Волги), верховья р. Мсты и бассейны ее правых и левых притоков (рис. 1). Параллельно с этой культурой на той же территории, но в микрорегионах с иным ландшафтом известны древности предсопочной культуры³.

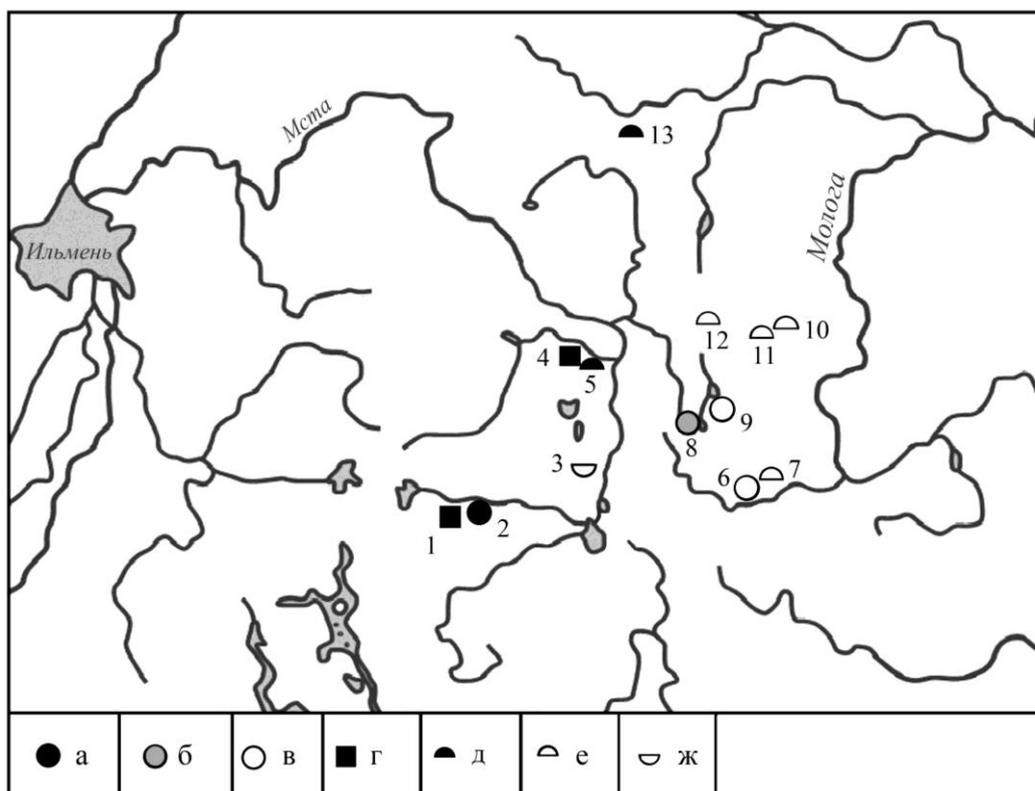

Рис. 1. Памятники позднедьяковского, раннесредневекового и древнерусского времени с местными элементами костюма

а – селище культуры псковских длинных курганов, б – селище предсопочной культуры, в – древнерусское селище, г – городище, д – могильник культуры псковских длинных курганов, е – древнерусский курганный могильник, ж – древнерусский грунтовый могильник;

1 – Варварина Гора, 2 – Городок 1, 3 – Федово, 4 – Ловницы, 5 – Берёзовский Рядок, 6 – Воронцово, 7 – Воронцово, 8 – Юрьевская Горка, 9 – Бережок, 10 – Мотыли, 11 – Сарогожское, 12 – Абаконово (Дворищи 2), 13 – Стёпаново III.

² Исланова И.В. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Раннеславянский мир. Вып. 17. М., 2016. Рис. 5.

³ Там же. С. 151–158.

Перечисленные культуры имеют некоторые различия по составу керамических наборов и по вещевому инвентарю.⁴ Однако основным существенным различием является погребальный обряд: в одном случае – это сооружение курганных насыпей, в другом – их отсутствие. Дискуссионными остаются вопросы об этнокультурном составе населения этих культур.

В рассматриваемом регионе сохранились субстратные топонимы и гидронимы, относящиеся к прибалтийско-финским языкам⁵: оз. Валдай, р. Мста, оз. Пудоро, р. Пуйга, оз. Тубос, р. Кемка, оз. Кезадро, р. Кеза, оз. Лосатынь, р. Тихомандрица⁶. Также здесь известны и балтские гидронимы (р. Шлина, оз. Шлино), а рассматриваемый регион частично включен В.Л. Васильевым в ареал распространения топонимов балтской языковой группы.⁷ Наличие многочисленных субстратных наименований указывает на то, что в регионе не происходила полная смена населения после прихода славян. Однако лингвистам не ясна хронология первых контактов с восточными славянами; открыт вопрос и о временных соотношениях финно-угорского и балтского субстратных гидронимических пластов⁸.

Как и когда происходили смена или взаимодействие разного населения частично может ответить археологический материал. Помимо керамики для решения таких вопросов можно привлечь вещи, не являвшиеся предметом импорта. Вполне допустимо, что местные (субстратные) традиции в вещевом инвентаре могли сохраняться в деталях женского костюма, являющегося консервативным индикатором, свидетельствующим о культурной принадлежности того или иного населения. Для корректного сопоставления следует рассмотреть фурнитуру не только в интересующую нас эпоху раннего Средневековья, но и в предшествующий и последующий периоды на Волго-Балтийском водоразделе.

Вторая четверть I тыс. н.э. Позднелужицкое время

Наиболее яркий рельефный и четко фиксируемый маркер присутствия местного субстрата – это, несомненно, изделия с шумящими привесками или только шумящие привески. Разнообразные шумящие привески хорошо известны в прибалтийско-финских и финно-угорских древностях смежных и более восточных регионов: на поселениях и в могильниках Верхнего и Сред-

⁴ Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken, 2014. С. 191-199; Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Автореферат ...доктора ист. наук. М., 2019. С. 29–30.

⁵ Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Издание 2. М., 2004. С. 210, 212–230.

⁶ Исланова И.В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 126.

⁷ Васильев В.Л. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 273, 277, 283.

⁸ Агеева Р.А. Указ. соч. С. 234.

него Поволжья, Прикамья, Волго-Окского междуречья, в том числе на позднедьяковских поселениях Верхнего Поволжья и Москворечья⁹.

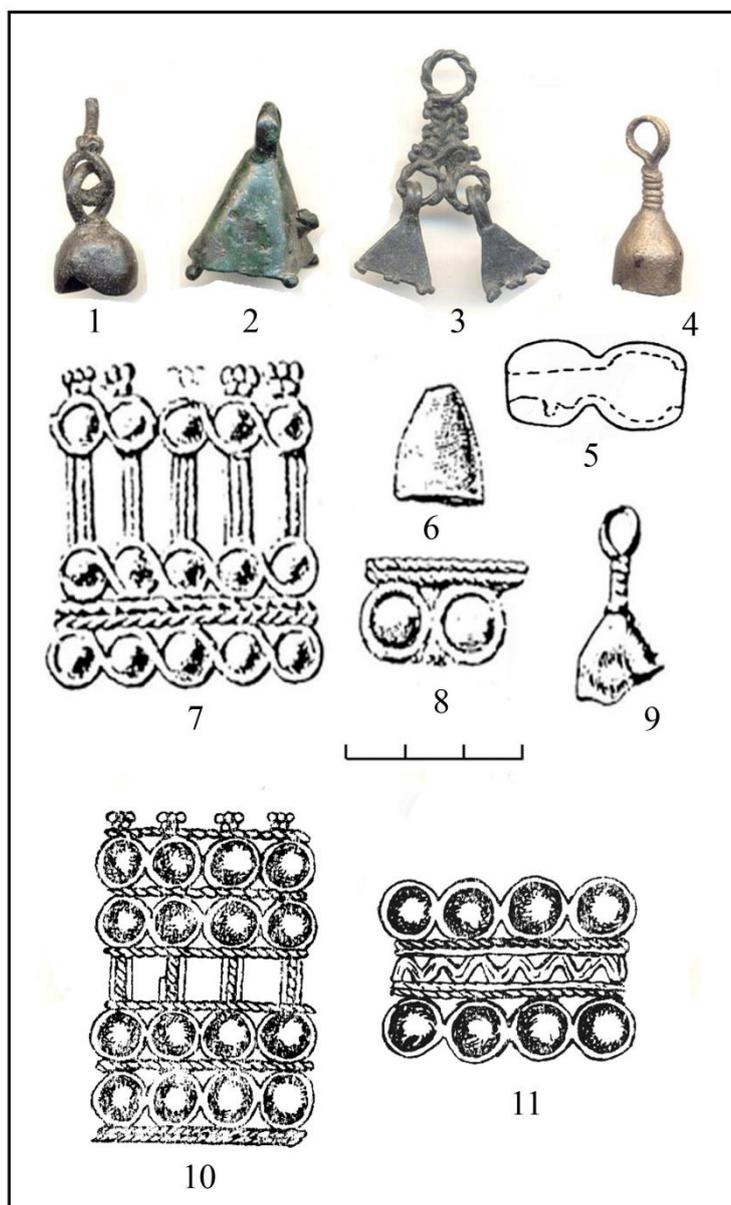

Рис. 2. Элементы местного позднедьяковского костюма второй четверти I н.э.

1–5 – городище Варварина Гора (сканы И.В. Ислановой); 5 – городище Варварина Гора (Буров В.А. Городище ... Рис. 14, 875); 6–9 – городище Ловницы (по: Тищенко А.В. Указ. соч.); 10, 11 – могильник Усть-Белая курган 3 (Башенькин А.Н. Указ. соч. Рис. 8, 1, 4), без масштаба.

⁹ См., например: Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. Рис. 35, 1–4, 7, 9; 37, 3–8, 18–24; 73; 94, 1; 95; 96, 4–6; 97, 1, 2; 101, 2; 118, 6, 10, 12, 13; 128, 1–5.

Во второй четверти I тыс. н.э. памятники анализируемой территории входили в ареал позднедьяковской культуры. Материалы стационарных исследований на поселениях в бассейне Верхней Мсты позволили отнести их к локальной группе позднедьяковских древностей типа Варварина Гора¹⁰. Погребальные объекты остаются не выявленными. Основные интересующие нас находки происходят с городищ Варварина Гора и Ловницы (рис. 1). Это разнообразны привески (рис. 2: 1–4, 6, 9): пирамидальная; коническая и конические с обмотанным нитью стержнем, завершенным петлей; бубенчик с прорезью; ажурная подвеска с пластинчатыми треугольными привесками с петлей, декорированными двойной зернью. Аналоги подвеске с привесками и привескам встречены в верхнем слое горизонта -160-210 см Дьякова городища, датируемого III – первой половиной IV в. н.э.¹¹. Близкие аналоги подвеске также известны на памятниках III–IV вв. Молого-Шекснинского междуречья¹².

На городище Ловницы найдены фрагменты ажурных пластинчатых блях (рис. 2: 7, 8). Территориально и типологически схожие бляхи (рис. 2: 10, 11) происходят из кургана № 3 с кремацией могильника III – IV вв. Усть-Белая в бассейне Мологи¹³.

С Варвариной Горы происходит крупная бронзовая пронизка или бузина (о ней см. ниже) (рис. 2, 5). Возможно, с финским костюмом связана и находка металлической круглой бляхи с отверстием в центре¹⁴. Аналог бляхе также имеется среди материалов Молого-Шекснинского междуречья (могильник Усть-Белая, курган № 1)¹⁵.

Следует отметить, что на и позднедьяковских поселениях типа Варварина Гора, и раннего Средневековья бытовала серия вещей (спиралеконечные булавки, трапециевидные подвески, спиральные браслеты и перстни), которые имели широкие культурные области распространения, связанные не только с финно-угорским, но и с балтским миром.

¹⁰ *Исланова И.В.* Позднедьяковские памятники типа Варварина Гора // РА. № 2. 2017. С. 118–129.

¹¹ *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011. С. 64, 70, 143, рис. 144: 392–82, 131–83.

¹² *Башенькин А.Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 16. Рис. 7: 16–18.

¹³ *Башенькин А.Н.* Указ. соч. С. 16, рис. 6: 1, 4.

¹⁴ *Буров В.А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М., 2003. Рис. 14: 1231.

¹⁵ *Башенькин А.Н., Васенина М.Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции. Вологда, 2004. С. 22–23.

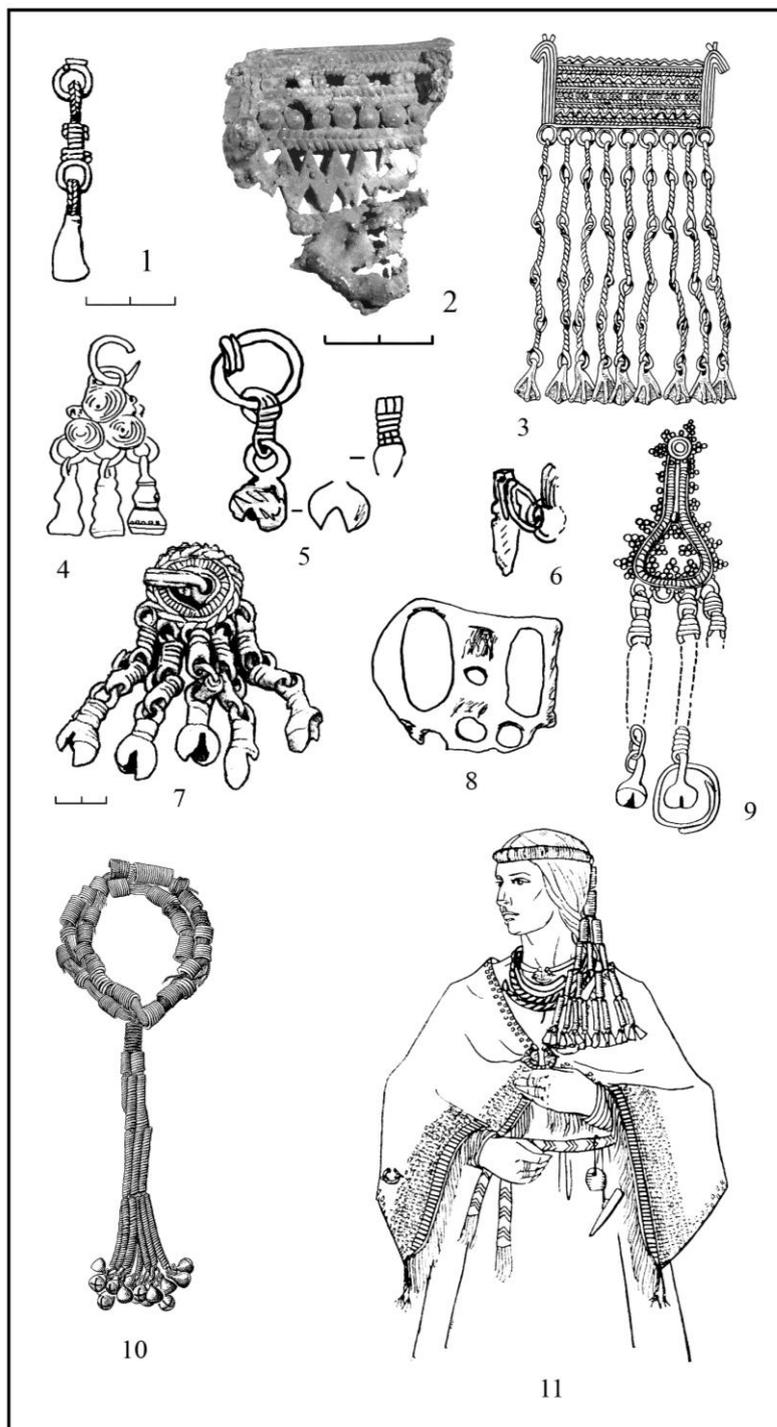

Рис. 3. Элементы местного костюма из объектов древнерусского времени.

1 – селище Бережок (Белохово 2); 2 – курганно-сопочный могильник Воронцово (фото И.В. Ислановой); 3 – Крюково-Кужновский могильник погребение 252 (по: Голубева Л.А. Мордва... Табл. XLVII, 19); 4–8 – курганы в Сорогожское или в Мотылях (6 – по: Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Указ. соч. Рис. 116, 1); 9 – курганный могильник Абаконово могила 3 (по: Голубева Л.А. Весь и славяне ... Рис. 6, 1); 10 – могильник Лудза (Люцин) (по: Седов В.В. Указ. соч. Табл. CVI, 7); 11 – могильник Айзкальне погребение 117 (по: Зариня А.Э. Указ. соч. Рис. 60, д); 3–5, 7–11 – без масштаба.

Конец I – начало II тыс. н.э. Древнерусское время.

Как ни странно, погребений и поселений этого периода на Волго-Балтийском водоразделе исследовано мало. Это в основном погребальные объекты, копавшиеся преимущественно в XIX и начале XX вв. Микрорегионы, где проводились раскопки, как правило, не совпадают с микрорегионами, где стационарно изучались древности раннего железного века и раннего Средневековья. В сопках и крупных курганах были встречены захоронения по обряду кремации с единичным сильно поврежденным инвентарем; в курганах и курганах с обкладкой из камней в захоронениях по обряду ингумации погребальный инвентарь более информативен. Раскопки заложены на единичных поселениях.

Следами сохранившихся традиций местного финского населения, постепенно растворяющегося в инокультурной среде, являются, прежде всего, вещи с шумящими привесками. Такие артефакты немногочисленны. В 1838 или 1839 гг. в курганно-сопочном могильнике Воронцово помещиком Н.А. Ушаковым была вскрыта верхняя часть насыпи высокого кургана. Среди остатков кремации находились сильно поврежденные в костре стеклянные и металлические предметы, среди которых был крупный фрагмент, видимо, бляхи (рис. 3: 2) (Фонды ГИМ Р15/17а (688))¹⁶. Схожие изделия с шумящими привесками (рис. 3, 3) известны в ингумациях X–XI вв. в мордовских могильниках (например, в Пановском и Крюково-Кужновском)¹⁷. В том же комплексе памятников в кургане с каменной обкладкой или т.н. кургане-жальнике («могиле», как его называет Н.А. Ушаков) найдена цепочка с костяной копоушкой (Фонды ГИМ Р15/366). В данном случае привеску-копоушку в погребальном костюме вполне можно связать с прибалтийско-финской или финно-угорской традициями. Например, находки копоушек весьма нередки в погребениях костромских и приладожских курганов и в Ветлужско-Вятском междуречье¹⁸.

Основные для исследуемой территории материалы происходят из могильников одного микрорайона, расположенного в бассейне р. Сарагожи. При устье р. Иловец в могильнике Абаконово (Дворищи 2) в кургане с обкладкой из камней («в 3-ей могиле»), раскопанном в 1944 г. Н.А. Ушаковым, находилась ажурная подвеска с шумящими привесками¹⁹ (Фонды МАЭ № 18) (рис. 3: 9). Из погребений в курганах археологического комплекса на р. Сарагоже происходят две подвески с шумящими привесками (рис. 3: 4, 7), пряжка с колечками, видимо, на которые могли подвешиваться привески (рис. 3: 8). На цепочке находится еще одна местная привеска (рис. 3: 5), а также костяная

¹⁶ Ушаков Н.А. О курганах Тверской губернии // Отечественные записки. Т. XXXI. Кн. 12. СПб., 1843. С. 84.

¹⁷ Голубева Л.А. Мордва / Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. Табл. XLVII: 15, 19.

¹⁸ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 82–83.

¹⁹ Ушаков Н.А. Дневник разрывания курганов Вышневолоцкого уезда близ д. Абакумова // Санкт-Петербургские ведомости. № 64. 1845; Голубева Л.А. Вель и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. Рис.6: 1.

копоушка (рис. 3: 6)²⁰. Все эти вещи были переданы в Эрмитаж (Коллекция 2852) М.Г. Анненским в 1912 г. До этого с изделиями познакомился и их опубликовал Н.И. Репников, который в 1902 г. проводил раскопки курганов в селах Сорогожское и Мотыли²¹, помимо Н.А. Ушакова и М.Г. Анненского. В начале XX в. курганные насыпи в обоих курганно-сопочных группах, как пишет Н.И. Репников, были уже «в большинстве раскопанными и распахиваемые»²². Судя по описанию переданных предметов, невозможно определить в каком конкретно курганно-сопочном могильнике (в Сарагожском или Мотылях) проводились раскопки и были сделаны находки.

В Фёдовском грунтовом древнерусском могильнике, расположенном в центральной части рассматриваемого региона, при раскопках А.А. Ширинского-Шихватова в могиле (погребении) 3 была обнаружена круглая крупная бляха с конусовидно-выпуклой частью и отверстием в центре (Фотоархив ИИМК РАН). Не исключено, что эта бляха связана с местными традициями в костюме. Найденные в других могилах в основном крестопрорезные бубенчики явно не являлись заменой шумящих привесок. В двух погребениях их было довольно много: в могиле 6 – 11 экз., в могиле 50 – 10 экз.²³ Судя по сохранившимся фото артефактов (вещи, хранившиеся в Тверском музее не сохранились) бубенчики в могиле 6 завершали изделие, где помимо бубенчиков рядом находились полые трубочки-пронизи, а далее – спирали-пронизи (Фотоархив ИИМК РАН). Можно предполагать, что это остатки женского головного убора. Схожее большое количество бубенчиков в уборе, например, известно у балтского населения современной Латвии²⁴. Многочисленные крестопрорезные бубенчики или трапециевидные пластины помещались на концах шерстяных нитей, на которые надеты спиральные пронизи или рифленые цилиндрики (за ними находилась коса), крепившиеся к жгутовым или матерчатым головным венцам (рис. 3: 10, 11).

В отличие от украшений, связанных с местными традициями и находящихся в погребениях, в культурном слое поселений приходится иметь дело в основном с вещами женского костюма в меньшем количестве. Они были утеряны или пришли в негодность, а также потому, что «закрытые» комплексы имеют иную сохранность предметов, а погребальный обряд – это наиболее консервативный элемент в культуре населения.

²⁰ Жукова Е.Н, Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь, 2010. Рис. 116: 1–3; 118.

²¹ Репников Н.И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском уездах в 1902 г. // Известия Археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 12–20.

²² Репников Н.И. Указ. соч. С. 15.

²³ Ширинский-Шихматов А.А. Фёдовский могильник // Труды II областного Археологического съезда. Тверь, 1906. С. 53–62.

²⁴ Зариня А.Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М., 1986. С. 180, рис. 60; Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. Табл. CV: 7; CVI: 7; CXIII: 9.

На селище IX–X вв. Бережок (Белохово 2), расположенном в 13 - 18 км к юго-западу от бассейна р. Сарагожи, обнаружен фрагмент шумящей привески (рис. 3: 1). Среди подъемного материала с селища Воронцово (частная коллекция), расположенного вблизи уже упоминаемого курганно-сопочного могильника, есть несколько вещей, связанных с местными древностями: обломок фибулы или конька с цепочками для шумящих привесок, металлическая привеска-копоушка, пластинчатое прорезное изображение птицы (тип I, по Е.А. Рябинину), птицевидный амулет (тип XVIII, по Е.А. Рябинину), пять подвесок – амулетов в виде полых «коньков–птиц» (тип XX, по Е.А. Рябинину)²⁵.

Итак, в предшествующее и последующее время на Волго-Балтийском водоразделе присутствовали изделия, несомненно, связанными с финскими или финно-угорскими традициями.

Третья четверть I тыс. н.э. Раннесредневековое время

Раннесредневековые материалы происходят из курганов и селища культуры псковских длинных курганов и из предсопочного селища. В первом массиве основные материалы происходят из погребальных памятников, а единичные – из поселения, во втором массиве – только из поселения.

В Удомельской группе предсопочной культуры на наиболее исследованном селище Юрьевская Горка (Стан) найдены все известные местные предметы. Аналоги двум бутылковидным подвескам без ушка (рис. 4: 11, 12) имеются в слое V–VI вв. н.э. городища Дьяково²⁶ и в поволжско-финских древностях второй половины I тыс.н.э.²⁷. Аналог подвеске с шумящими привесками (рис. 4: 10) происходит из случайных находок у д. Старково на правобережье р. Дубны в Талдомском районе Московской области (Фонды ТГОМ), а отдаленный аналог – из материалов городища Попово (Костромская область), где она датируется VII в. н.э.²⁸ Подтреугольная литая привеска с петлей и с основанием, оформленным шариками ложной зерни (рис. 4: 9) (тип VII, по И.Г. Розенфельдт) найдена в подпольной яме постройки, в качестве лома для дальнейшей переплавки. Такие привески распространены на позднедьяковских памятниках и в финно-угорских могильниках²⁹. К местным древностям можно отнести также три обломка трубочки с ободком по краю (рис. 4: 11).

²⁵ *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1-60. Л., 1981. С. 60, рис. 3.

²⁶ *Кренке Н.А.* Указ. соч. С. 72, 142.

²⁷ См., например: *Леонтьев А.Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) М., 1989. С. 83; *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980. С. 93, рис. 27: 1.

²⁸ *Леонтьев А.Е.* Указ. соч. С. 29, 89, рис. 10: 4.

²⁹ *Розенфельдт И.Г.* Указ. соч. С. 30–31.

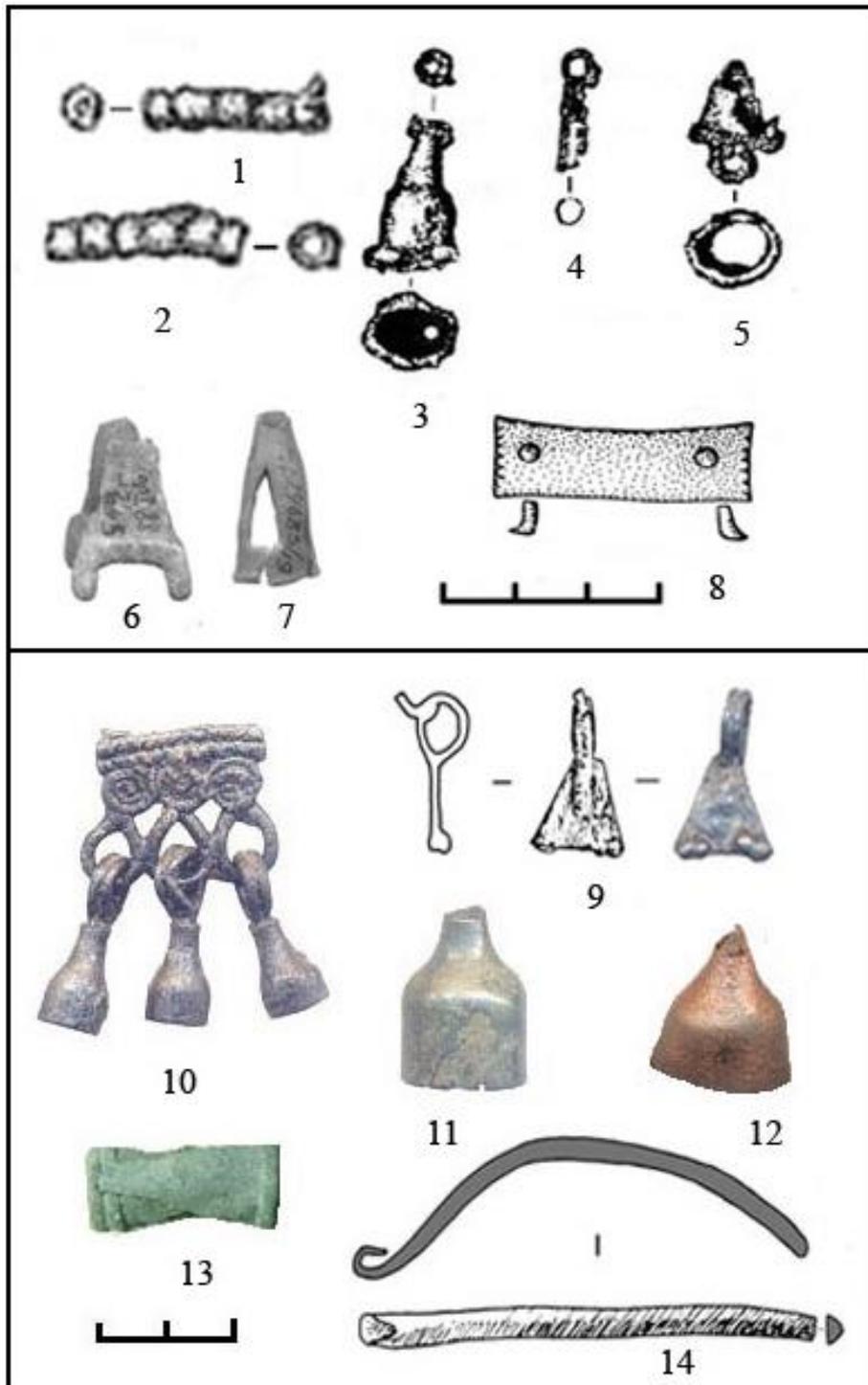

Рис. 4. Элементы местного костюма из раннесредневековых объектов. Цветной металл.

1–5 – могильник Стёпаново III курган 29, погребение 3 (по: Михайлова Е.Р. Указ. соч. Рис. 26: 1, 2; 23: 14–16); 6, 7 – селище Городок 1 (фото И.В. Ислановой); 8 – могильник Берёзовский Рядок курган 5, погребение 5 (по: Тищенко А.В. Указ соч.); 10–14 – селище Юрьевская Горка (10–12 фото И.В. Ислановой).

Видимо, фрагменты связаны с каким-то украшением или подвеской, известной в финно-угорских или позднедьяковских древностях³⁰, но может быть с окончанием гривны в виде трубочки, как у изделий, известных в Прибалтике³¹.

К интересующим нас артефактам относится фрагмент предполагаемого спирального браслета с загнутым концом (рис. 4: 14). Подобные изделия имеют аналоги в основном в поволжско-финских древностях VI–VII вв.³² На крючке таких браслетов находилось колечко. По оформлению конца, фрагмент близок также перстню, найденному в позднедьяковском слое Щербинского городища³³.

В другой группе древностей – культуре псковских длинных курганов – не встречено такого разнообразия местной фурнитуры. Несмотря на большое число исследованных погребений, изделия обнаружены только в двух курганах. Один из них находился в могильнике Берёзовский Рядок, расположенном вблизи впадения р. Березайки в р. Мсту. Это четырехугольная накладка со шпеньками для крепления к ремню из кургана № 5 погребения 5 (рис. 4: 8).³⁴ Схожие изделия известны в древностях Прикамья VI–VII вв. н.э., Поволжья и в рязано-окских могильниках, где они датируются в основном V в. н.э.³⁵.

Несколько поврежденных в огне деталей костюма находились в кургане № 29 погребении 3 могильника Стёпаново III на р. Кушавера (правый приток р. Песь, бассейн левобережной р. Мологи)³⁶. Следует отметить, что могильник расположен в северной окраинной части восточной области КПДК. В погребении было не менее трех привесок, видимо, бутылковидной формы; одна из них имеет валики в нижней и верхней частях (рис. 4: 3–5). Аналоги известны в Молого-Шекснинском регионе в «домике мёртвых» Пугино, имеющем широкую датировку от II–III до IV–VI вв. н.э.³⁷. Найденные здесь же бронзовые пронизки (рис. 4: 1, 2) отнесены Е.Р. Михайловой к бусам, которые имеют сходство с крупной двойной зонной бусиной с городища Варварина Гора (рис. 2: 5).³⁸ Однако более близкие по форме пронизки (цельнолитые с широкими псевдозавитками) известны в харинско-ломоватовской культуре³⁹.

³⁰ Розенфельдт И.Г. Указ. соч. Рис. 15: 13.

³¹ Urtans V. Senakie depoziti Latvija. Riga, 1977. S. 138, att. 44.

³² Розенфельдт И.Г. Указ. соч. С. 90.

³³ Там же. Рис. 20, 23.

³⁴ Тищенко А.В. Отчет о раскопках в 1910–1911 гг. в Новгородской губ. // Известия Археологической комиссии. Вып. 53. СПб., 1914.

³⁵ Михайлова Е.Р. Указ. соч. С. 57–58.

³⁶ Петров Н.И. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Новгород, 2006. С. 155–171.

³⁷ Башенькин А.Н. Указ. соч. С. 22, рис. 7: 26.

³⁸ Михайлова Е.Р. Указ. соч. С. 109.

³⁹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. XXIV: 15.

На исследованном несколькими раскопами селище Городок 1 обнаружены две бронзовые подвески в форме колокольчиков. Одна подвеска имеет треугольные прорези и валик в основании (рис. 4: 7). Другая – пирамидальной формы с валиком в основании и шипами (рис. 4: 6)⁴⁰. Сходные (но не аналогичные) привески происходят из погребальных памятников III–IV вв. н.э. Молого-Шекснинского междуречья: могильники Усть-Белая курган №3 и Пугино «домик мёртвых»⁴¹; а также – из нестратифицированного верхнего слоя Дьякова городища⁴².

После рассмотрения известных артефактов, относящихся к местному традиционному костюму, встреченных на памятниках позднедьяковского, раннесредневекового и древнерусского времени, можно сделать следующие наблюдения.

1. На раннесредневековых памятниках в небольшом количестве присутствуют детали фурнитуры костюма, которые можно связать с традициями местного позднедьяковского населения.

2. Присутствие изделий с шумящими привесками и иных предметов, имеющих аналоги в финно-угорских древностях невозможно соотнести с появившимся здесь в раннем Средневековье населением с балтскими и славянскими культурными традициями.

3. Наличие в предсопочной культуре и КПДК традиционных вещей, распространенных в финно-угорских и прибалтийско-финских древностях, и сохранившаяся в регионе прибалтийско-финская гидронимия позволяет говорить о присутствии в раннесредневековое время прибалтийско-финского населения или их потомков, которые тесно контактируют с появившимися здесь (не позднее начала VI в.) переселенцами из юго-западных областей⁴³.

4. На анализируемой территории не происходит полной смены населения, а использование шумящих и зооморфных изделий (возможно, в отдельных конкретных микрорайонах) в древнерусское время, указывает на длительное сохранение некоторых местных субстратных традиций.

5. Различия в составе и количестве фурнитуры, обнаруженной на предсопочном памятнике и на объектах КПДК, возможно, связаны с разной источниковой базой доступной для исследования. Следует отметить также окраинное местоположение в ареале КПДК погребального объекта (могильник Стёпаново III), где встречено наибольшее число местных элементов. На остальной территории этой культуры, несмотря на значительное число раскопанных погребений, отсутствуют детали шумящих украшений. Это можно объяснить тем, что курганный обряд был не характерен для местного населения, что зафиксировано в предшествующий период.

⁴⁰ Буров В.А. Памятники культуры длинных курганов на верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993. С. 14, рис. 2: 8, 9.

⁴¹ Башенькин А.Н. Указ. соч. С. 16, рис. 6: 9, 10; 7: 16–18.

⁴² Кренке Н.А. Указ. соч. С. 70, рис. 144: 88–81, 361–83.

⁴³ Исланова И.В. Культурно-исторические процессы... С. 35–38.

Литература

Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Издание 2. М.: УРСС, 2004. 252 с.

Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. С. 9–15.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 19–54.

Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.: Наука, 2003. 467 с.

Буров В.А. Памятники культуры длинных курганов на верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. С. 9–25.

Васильев В.Л. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 271–285.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.

Голубева Л.А. Мордва / Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 97–106.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 362 с.

Зариня А.Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред.: М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 172–189.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Автореферат ...доктора ист. наук. М., 2019. 51 с.

Исланова И.В. Позднелазаревские памятники типа Варварина Гора // Российская археология. 2017. № 2. С. 118–129.

Исланова И.В. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Раннеславянский мир. Вып. 17. М., 2016. С. 136–220.

Исланова И.В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 301 с.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) М.: ИА АН СССР, 1989. С. 5–105.

Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.

Петров Н.И. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Новгород, 2006. С. 155–171.

Репников Н.И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском уездах в 1902 г. // Известия Археологической комиссии. Вып. 6. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1904. С. 12–20.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1-60. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 123 с.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. 160 с.

Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 353–419.

Тищенко А.В. Отчет о раскопках в 1910–1911 гг. в Новгородской губ. // Известия Археологической комиссии. Вып. 53. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1914. С. 1–22.

Ушаков Н.А. Дневник разрывания курганов Вышневолоцкого уезда близ д. Абакумова // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 64.

Ушаков Н.А. О курганах Тверской губернии // Отечественные записки. Т. XXXI. Кн. 12. СПб., 1843. С. 13–15.

Ширинский-Шихматов А.А. Федовский могильник // Труды II областного Археологического съезда. Тверь: Типография Губернского правления, 1906. С. 53–62.

Urtans V. Senakie depositi Latvija. Riga: Zinātne, 1977. 283 p.

А. А. Момбекова, Н. В. Чекунина (Тверь)

НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПЕКУНОВО-2 К. И. КОМАРОВА.

Материалы раскопок курганного могильника Пекуново-2 в Кимрском р-не Калининской обл. под руководством К.И. Комарова 1971–1972 гг. мало публиковались им самим, но часто используются другими исследователями. При этом имеет место немалая путаница в публикациях этого памятника, полевых описях, археологических отчетах и учетной документации Тверского музея, где хранятся находки. Все эти материалы достойны более внимательного изучения. Эта работа была начата авторами в 2020 г. с нумизматических находок, а данная статья посвящена нагрудным украшениям с монетами.

Ключевые слова: курганы, Пекуново-2, К.И. Комаров, нагрудные украшения, денарии, дирхамы, монеты-привески, бусины, ожерелья.

Комплекс археологических памятников, расположенных близ д. Пекуново Кимрского района Тверской обл., исследуется со второй половины XIX в. Его изучение началось с курганной группы, известной как Пекуново-1. Она раскапывались местными землевладельцами купцами Мамонтовыми. Часть находок была передана ими в Тверской музей¹.

В 1930-е гг. во время разведок в зоне строительства «Москва-Волгострой» была открыта курганная группа Пекуново-2 и синхронное средневековое селище, разделяющее два могильника². В 1933 г. Николаем Петровичем Милоновым было раскопано 11 курганов Пекуново-2³. Но масштабные исследования на памятнике начались только в начале 1970-х гг. Восемна-

¹Жизневский А.К. Курганы и находки каменного века Тверской губернии. Тверь, б. д. С. 14; Плетнев В.А. Об остатках древностей и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903. С. 257–262; Научный архив ТГОМ Ф.11. Оп. 1. Д. 14. Л. 23; Д. 9. Л. 50.

²Бадер О.Н. Отчет о работах за 1932–1933 гг. // Известия ГАИМК. Вып. 109. М., 1935. С. 28–39.

³Милонов Н.П. Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги.// МИА. Вып. 13. М.; Л., 1950. С. 159–163.

дцать курганов раскопала Антонина Владимировна Успенская, один – Алексей Петрович Смирнов, и 67 – Константин Иванович Комаров⁴.

К сожалению, в работе исследователей на Пекуново-2 имела место серьезная несогласованность в действиях. Например, они по-своему нумеровали насыпи курганной группы. Материалы раскопок Пекуново-2 А.В. Успенской были изданы, в то время как исследования К.И. Комарова представлены всего одной полноценной статьей о захоронении воина⁵. Сам К.И. Комаров признавался в своих мемуарах, что у него душа не лежала к публикации материалов этого памятника после того, как к его изучению подключилась А.В. Успенская⁶.

В настоящее время материалы из раскопок К.И. Комарова хранятся в фондах ТГОМ и достойны более внимательного изучения и публикации в полном объеме. Авторы посчитали логичным начать исследование этого комплекса предметов с нумизматических находок как основного датирующего материала в археологических изысканиях. Результаты работы оформлены в виде статьи⁷, которая в свою очередь легла в основу настоящей работы.

Погребальный костюм жителей Верхневолжья X–XIII вв. уже достаточно изучен: наиболее полно тема раскрыта в работах Ю.В. Степановой⁸. Но проблема реконструкции костюма и его составляющих, в частности, нагрудных украшений, сложна и остается актуальной⁹. Исследование нагрудных украшений, имеющих в составе точный датирующий материал – монеты-привески, видится нам весьма перспективным и может стать отправной точкой для изучения нагрудных украшений схожего типа без монет.

В рамках данной статьи авторы ставили перед собой следующие задачи. Во-первых, с использованием первоисточников уточнить обстоятельства

⁴Успенская А.В. Раскопки Кимрской экспедиции // Археологические открытия 1972. М., 1973. С. 99; Успенская А.В. Раскопки Кимрской экспедиции // Археологические открытия 1973. М., 1974. С. 84; Успенская А.В. Курганы близ деревни Пекуново на Верхней Волге // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ, Вып. 51. М., 1980. С. 115–119, 190–192; Малов Д.П., Смирнов К.А. Работы Кимрского краеведческого музея. // Археологические открытия 1972. М., 1973. С. 75; Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь, 2010. С. 160–162.

⁵Комаров К.И. Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге // СА.1974. № 3. С. 251–256.

⁶Комаров К.И. Жизнь. Рассказы о минувших годах. Москва, 2014. С. 113–114.

⁷Кулешов Вяч. С., Момбекова А.А., Ушанков Е.М., Чекунина Н.В. Нумизматические находки из раскопок курганного могильника Пекуново-2 К.И. Комарова. Статья будет опубликована в 14 выпуске сборника «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» в 2022 г. Атрибуция монет (2021 г.): денарии – н. с. ОН ГИМ Е.М. Ушанков; дирхамы и подражания им – н. с. Стокгольмского университета, н. с. ИИМК РАН, доцент Тюменского университета Вяч.С. Кулешов.

⁸Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь, 2009.

⁹Степанова Ю.В. Бусы в составе женского погребального костюма Верхневолжья X–XIII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2002. Вып. 4. С. 313–320; Степанова Ю.В. Монеты в древнерусских погребениях Верхневолжья // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2011. Вып. 4. С. 15–38.

находки предметов погребального костюма из раскопок Пекуново-2 К.И. Комарова, составлявших, на наш взгляд, нагрудные украшения с монетами.

Во-вторых, восстановить их состав и облик предметов на момент находки. Последнее весьма актуально, так как монеты-привески из курганов очень хрупкие, и разрушение некоторых было зафиксировано сразу после обнаружения. Авторами работы изучались сами предметы из фондов Тверского музея, полевые шифры, полевые описи раскопок К.И. Комарова 1971 и 1972 гг., отчеты о работе Славянского отряда Верхневолжской археологической экспедиции в Кимрском районе Калининской обл. в 1971 г.¹⁰, а также – современная учетная документация Тверского музея.

В-третьих, зафиксировать признаки предметов, связанные с их бытованием в составе украшения (например, следы от утраченного ушка или остатки отверстия на обломанном крае монетного кружка). В-четвертых, реконструировать (насколько это возможно) облик нагрудных украшений с учетом сохранившихся и утраченных деталей. В-пятых, опубликовать реконструкции (или) описания украшений со всей собранной информацией о них. В-шестых, зафиксировать особенности изготовления и бытования нагрудных украшений из Пекуново-2, выявленные в результате их исследования.

К.И. Комаровым в 15 погребениях Пекуново-2 были встречены 17 монетных находок, которые разделены нами на три группы. Все они отнесены к деталям нагрудных украшений.

К первой группе отнесены восточные дирхамы и подражания им X – начала XI в. Среди них – одна подлинная монета-дирхам государства Саманидов и подражания дирхамам, имитирующие монеты этой же иранской династии. Место и время изготовления подражаний не всегда определимо. Они до сих пор остаются малоизученным нумизматическим материалом, методика датировки которых не отработана. Один подражание-брактеат, имитирующий обратную сторону монеты, видимо, был произведен в Волжской Булгарии. Другие могли быть изготовлены и в Киевской Руси. К этой же группе отнесена монетовидная пластина диаметром под куфический дирхам третьей четверти X в.

Ко второй группе причислены западноевропейские денарии с общей датировкой 922–1090 гг. Девять из десяти денариев происходят из Германии. Восемь изготовлены в Нижней Лотарингии: 5 – во Фризии (Леуварден – 1, Евер – 2, Гаррелсвер (?) – 1, Эмден – 1), 1 – в Брюсселе, 1 – в области Утрехта (Девентор) и 1 – в епископстве Утрехтском (Гронинген). Один денарий отчеканен в Швабии (Базель?). И еще одна монета изготовлена в Западно-Франкском королевстве, в Туре в 920-х гг. (?). Она – исключение среди монет этой группы и по месту чеканки, и по датировке. Пять денариев относятся к X в.: 2 – к первой половине века, 3 – ко второй. Семь монет датируются XI в.: 3 – первой половиной – серединой, 4 – второй половиной века. В обоих случаях обнаружения двух монет в одном захоронении это денарии середины XI в.

¹⁰Научный архив ТГОМ. Р-1. Оп. 1. Д.350.

В третью группу вошли неопределенные монеты и (или) монетовидные привески плохой сохранности. Эти предметы в первичной учетной документации были отнесены к монетам, но сейчас в силу своей неудовлетворительной сохранности не могут быть точно определены как таковые.

Таким образом, как нагрудные украшения с монетами нами рассматриваются и украшения с привесками из подражаний конкретным монетам или монетным типам, а также – разрушенные привески, названные автором раскопок «монетами».

Все нумизматические находки в погребениях локализуются в верхней части скелета, около головы или в области груди. По две монеты найдено в двух захоронениях, причем одна находка описана автором раскопок как «монета во рту» и характеризуется как «обол мертвых». Но монеты-привески в погребении могли значительно сместиться относительно костяка, и разделить монеты-привески и монету «обол мертвых» во время раскопок затруднительно. К сожалению, этой одной монеты в фондах ТГОМ сейчас нет, поэтому уточнить отсутствие или наличие на ней признаков внеэкономического использования, говорящих в пользу ее бытования как монеты-привески, нельзя. Но на наш взгляд, первоначальный вывод о нахождении монеты «во рту» следует оставить под вопросом, так как во всех остальных случаях монетные находки в Пекуново-2 – это монеты с признаками использования в качестве привески в нагрудных украшениях.

Все погребения с монетами Пекуново-2 были разделены нами по месту монеты в нагрудных украшениях на четыре группы, и все реконструированные ниже нагрудные украшения описаны в составе этих групп. Для описания украшений приняты следующие характеристики: 1) местонахождение предметов на момент обнаружения относительно костяка и друг друга, № кургана по нумерации К.И. Комарова; 2) учетные номера предметов убора в действующей документации Тверского музея; 3) состав украшения, определение монет со ссылками на нумизматические каталоги и указанием признаков их внеэкономического использования (наличие отверстий, ушка, петельки, граффити и др.); 4) материал и техника изготовления составляющих нагрудного украшения; 5) размер и (или) вес деталей украшения, если их возможно измерить (две хрупкие монеты были сдублированы на подложки и хранятся в таком виде до сих пор; некоторые монеты и бусины разрушены и сохранились фрагментарно, а часть бусин утрачена); 6) комментарии авторов реконструкции о бытовании нагрудного украшения.

Во избежание путаницы с исследуемой группой предметов, а также для удобства восприятия всей информации составлена таблица вещевого инвентаря погребений с нумизматическими находками из Пекуново-2 К.И. Комарова (Табл. 1).

Таблица 1. Нумизматические находки из раскопок курганного могильника Пекуново-2 К.И. Комаровым (составлена авторами).

№ кургана	височное кольцо	бусы	монеты, монеты-привески	кольца	перстни	браслет	Бляхи/привески	бубенчик	цепочка	гребень	пуговица	нож	сосуд	гвоздь	заклепка
5			1/ 744									1			
6	7	76	2/ 593, 743	1	2							1		1	1
11			1/ 690									1			
18	4	2	1/ 211		1							1	1		
19	6	27	1/ 741									1	1		
40/2	2	11	1/ 80		1							1	1		
21	2	19	1/ 251					2					1		
26	3	3	1/ 282		2					1		1			
31	1		1/ 308		1						1	1	1		
32	3		1/ 128		2							1			
43	2	24	1/ 100												
45	2	4	1/498	1			1		1			1	1		
51	1	6	1/ 39										1	1	
54	2	5	1/523		1	1							1		
66	8	24	2/ 10, 11		2	1								4	

Группа I. Монетные привески из денариев в качестве самостоятельных украшений в малоинвентарных погребениях.

1) Курган 11, на груди.

Украшение в виде самостоятельной монеты-привески с петелькой из проволоки, сложенной несколько раз (Тв. М КП № 6640/690) (рис. 1).

Монета: Германия, Нижняя Лотарингия, Область Утрехта, Девентер. Оттон III (983–1002 гг., император с 996 г.). 983–996 гг. Денарий (Pisch, 2000: 1.1.3)¹¹. Серебро, чеканка. Вес – 0,842 гр. Диаметр – 1,9 см.

2) Курган 5, под нижней челюстью.

Украшение в виде самостоятельной монеты-привески. Согласно комментарию в полевой описи: «подвеска с ушком» (Тв. М КП № 6640/744) (рис. 2).

¹¹Pisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. Die Münzprägung in den Räumen Utrecht und Friesland im 10. und 11. Jahrhundert // Jaarboek voor Munt- en Penningkunde. Bd. 84/85 (1997/1998). Amsterdam, 2000.

Монета: Германия, Нижняя Лотарингия, епископство Утрехтское, Гронинген. Епископ Вильгельм де Понте и король Генрих III/IV (1054–1076 гг.). Денарий (ср. Ilisch, 2000: 18.4–18.11)¹². Серебро, чеканка. Монета распалась, утраты фрагментов. Вес – 0,072 гр. Размер точно не определим из-за сохранности монеты.

Группа II. Привески-подражания дирхамам в качестве самостоятельных украшений в составе небольшого комплекта женских металлических украшений.

1) Курган 31, в области груди.

Украшение из подражания саманидскому дирхаму рубежа IX–X вв. с плоским ушком (Тв. М КП №6640/308) (рис. 3).

Привеска: имитация штемпеля оборотной стороны монеты, искаженные монетные легенды не читаются, но тип монеты-прототипа угадывается. Восточная Европа. Начало X в. Серебро, чеканка. Монета сдублирована на стекло. Диаметр – около 2,9 см. Приклепанное рифленое ушко.

2) Курган 32, в области груди.

Украшение изготовлено из подражания саманидскому дирхаму, имевшего плоское ушко (Тв. М КП №6640/128) (рис. 4).

Привеска: подражание дирхаму эмира Нуха ибн Насра (331–343 гг. х. / 943–954 гг.) с именем халифа ал-Мустакфи. Бухара (?). Год чеканки искажен. Восточная Европа: Волжская Булгария или Русь. X в. Серебро, чеканка. Вес – 2,424 гр. Диаметр – 3,0–3,1 см. На привеске – отверстие и след от ушка.

¹²Ilisch P. Die Münzprägung...

Рис. 1. Привеска-денарий из кургана 11 курганного могильника Пекуново-2.

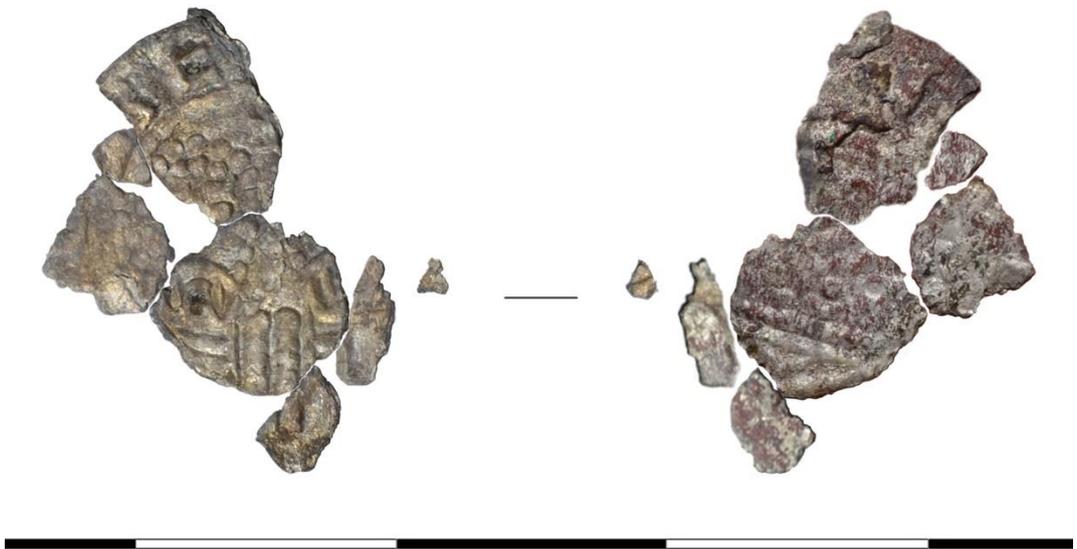

Рис. 2. Привеска-денарий из кургана 5 курганного могильника Пекуново-2.

Рис. 3. Привеска-дирхам из кургана 31 курганного могильника Пекуново-2.

Рис. 4. Привеска-дирхам из кургана 32 курганного могильника Пекуново-2.

Группа III. Монеты-привески (денарии и дирхамы) в составе малобусинных ожерелий в погребениях с женскими металлическими украшениями.

1) Курган 51, в области груди.

Сборное ожерелье из 6 бусин с привеской из саманидского дирхама с плоским ушком. Длина – 6 см (Тв. М КП №6640/39, 42–47) (рис. 5).

Привеска: Мансур I ибн Нух (350–366 гг. х. / 961–976 гг.). Дирхам аш-Шаш, 350 г. х./ 961/962 гг. с именем наместника Фа'ика. Приклепанное рифленое ушко. Серебро, чеканка. Вес – 2,788 гр. Диаметр – 3,0–3,1 см.

Изначально ушко находилось с другого края монеты, но она треснула по отверстию и распалась на две части. После этого монетный кружок был «отреставрирован»: половинки соединены, а ушко перенесено на новое место. Поэтому теперь на привеске в общей сложности шесть отверстий.

Бусины: 3 золотостеклянные большие микробусины (диаметр – 0,7–0,8 см) цилиндрические и боченковидная, одна – сердоликовая восьмигранная (1,9 x 1,1 x 0,85 см), 2 зонные малые средние бусины из заглушенного стекла оранжево-красного цвета (диаметр – 1,1 см).

Рис. 5. Ожерелье из кургана 51 курганного могильника Пекуново-2.

2) Курган 45, в области груди.

Сборное ожерелье из 4 бусин с привеской из монетовидной пластины под дирхам, имевшей плоское ушко. Длина – 4,5 см (Тв. М КП №6640/500–504, 498) (рис. 6).

Привеска: монетовидная пластина диаметром под куфический дирхам третьей четверти X в. Без признаков чеканки. Начало XI в. (?). Серебро. Предмет не взвешен (сдублирован на картон). Диаметр – 3,0–3,1 см. У края монетной пластины угадываются остатки отверстия и след от ушка.

На одной стороне монетовидной пластины – графито в виде четырехконечного креста, которое могло служить разметкой для деления предмета на более мелкие фракции как платежного средства. Предмет мог кочевать из разряда денег в разряд сокровищ, что характерно для средневековья.

Бусины: одна синяя «ягодковидная» средняя бусина малого размера (диаметр – 0,9 см), 3 хрустальные ограненные (0,7–0,8 x 0,8–1,1 см).

Рис. 6. Ожерелье из кургана 45 курганного могильника Пекуново-2.

3) Курган 18, в области груди.

Образцовое ожерелье из двух бусин с привеской из монеты-денария. Длина – 2 см (Тв. М КП №6640/211–213) (рис. 7).

Привеска: Германия, Швабия? Первая треть XI в. Денарий (ср. Dbg 972 и 976 (?))¹³. Серебро, чеканка. Вес – 0,632 гр. Диаметр – 2,1–2,2 см. С отверстием, утрата фрагмента.

Бусины: 2 золотостеклянные цилиндрические большие микробусины (диаметр – 0,8 см).

Рис. 7. Ожерелье из кургана 18 курганного могильника Пекуново-2.

¹³ *Dannenberg H.* Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Bd. I–IV. Berlin. 1876–1905.

4) Курган 54, в области груди.

Образцовое ожерелье из 5 бусин с монетовидной привеской (монетой-привеской?). Длина – 2 см (Тв. М №6640/518–523) (рис. 8).

Привеска: фрагмент монеты или монетовидной привески. Серебро, чеканка. Вес – 0,042 гр. Размер достоверно не определим из-за сохранности монеты. Комментарий в полевой описи: «монета распалась».

Бусины: 5 темно-красных зонных больших микробусин из заглушенного стекла (диаметр – 0,5–0,6 см).

Рис. 8. Ожерелье из кургана 54 курганного могильника Пекуново-2.

5) Курган 26, в области груди.

Образцовое ожерелье из трех бусин с монетовидной привеской (подражание дирхаму?) с плоским ушком. Длина – 2,5 см (Тв. М №6640/276–278, 282) (рис. 9).

Привеска: фрагмент подражания дирхаму или монетовидной привески. Серебро, чеканка. Вес – 0,820 гр. Размер достоверно не определим из-за сохранности монеты. С приклепанным рифленным ушком. По полевой описи: «монета с ушком».

Бусины: 3 золотостеклянные боченковидные большие микробусины.

Рис. 9. Ожерелье из кургана 26 курганного могильника Пекуново-2.

б) Курган 40/2, на груди.

Сборное ожерелье из 11 бусин, с привеской из подражания саманидскому дирхаму с плоским ушком. Длина – 7 см (Тв. М КП №6640/80–91) (рис. 10).

Привеска: подражание дирхаму эмира Насра ибн Ахмада (301–331 гг. х. / 914–943 гг.). Брактеат оборотной стороны. Волжская Булгария. Серебро, чеканка. Вес – 1,892 гр. Диаметр – 2,6–2,7 см. С приклепанным рифленным ушком.

На обеих сторонах монеты тонкой полосой нанесены граффити. Изображение на одной из сторон (лицевой) более глубокое и интерпретировано как ладья с парусом¹⁴. На наш взгляд, его прочтение не так однозначно. Изображение требует более внимательного изучения вместе с граффито на другой стороне монеты.

Бусины: 6 серебростеклянных больших микробусин¹⁵ лимонovidных с металлической прокладкой (диаметр – 0,55–0,75 см) и 5 призматических восьмигранных бусин (1,4–1,9 x 0,65–1,0 x 0,5–0,8 см).

Рис. 10. Ожерелье из кургана 40/2 курганного могильника Пекуново-2.

¹⁴Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 62–63, 65.

¹⁵Caïmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. Lund, 1977.

7) Курган 21, в области груди.

Образцовое ожерелье из 19 бусин с привеской из монеты-денария. Длина – 9 см (Тв.М КП 6640/251–270) (рис. 11).

Привеска: Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордольф/ Отто (1059–1071 гг.) или граф Герман (ум. 1086). 1059–1086 гг. Денарий (Dbg 595–597; Kilger, 2000: 2.2.1 Jev D) [18]. Серебро, чеканка. Монета не взвешена (сдублирована на подложку). Диаметр – 1,9 см. Согласно комментарию в полевой описи монета имела отверстие и медную петельку.

Бусины: 18 золотостеклянных боченковидных и цилиндрических средних микробусин (диаметр – 0,4–0,55 см) и одна большая зонная микробусина (диаметр – 0,8 см).

Рис. 11. Ожерелье из кургана 21 курганного могильника Пекуново-2.

Группа IV. Привески из денариев в составе больших ожерелий с большим комплектом других украшений.

1) Курган 66, в области груди.

Образцовое ожерелье из 24 бусин с одной или двумя привесками из монет-денариев. Длина – 16 см (Тв. М КП №6640/10–35) (рис. 12).

Привески:

а) Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Леуварден. Граф Бруно III (1038–1057). 1050–1057 г. Денарий (Plisch, 2000: 21.14)¹⁶. Серебро, чеканка. Вес – 0,454 гр. Диаметр – 1,7 см. Монета с двумя отверстиями. Согласно комментарию в полевой описи была с петелькой из проволоки, которая распалась. Металл монеты расслаивается, поэтому происхождение второго отверстия под вопросом.

б) Германия. Фризия. г. Эмден, гр. Герман фон Кальвелаге (около 1020–1051 гг.). Денарий. Серебро, чеканка. Монеты в фондах ТГОМ в наличии нет. По полевой описи описана как «монета во рту».

Бусины: 24 золотостеклянные большие микробусины, в том числе, 20 боченковидной, 1 – цилиндрической, 3 – ребристой формы.

Рис. 12. Ожерелье из кургана 66 курганного могильника Пекуново-2.

¹⁶Plisch P. Die Münzprägung...

2) Курган 6, под нижней челюстью, на груди.

Сборное ожерелье из 76 бусин с двумя привесками из монет-денариев. Длина – 34 см (Тв. М КП №6640/87–593, 602–672, 743) (рис. 13).

Привески:

а) Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордульф/Отто (1059–1071 гг.) или граф Герман (ум. 1086). 1059–1086 гг. Денарий (Dbg 595–597; Kilger, 2000: 2.2.1 Jev D)¹⁷. Серебро, чеканка. Вес - 0,118 гр. Диаметр – около 1,8 см. Монета распалась, утраты фрагментов. Комментарий по полевой описи: «подвеска на петельке, распалась».

б) Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Гаррелсвер? Граф Экберт II (1068–1090). Денарий (ср. Dbg 530, 536; Pisch, 2000: 22.9). Серебро, чеканка. Вес – 0,296 гр. Размер точно не определим из-за сохранности монеты. Фрагмент монеты с приклепанным гладким ушком.

Бусины: 70 золотостеклянных средних микробусин боченовидной формы, 5 аметистовых граненых бусин (1,2–1,5 x 0,9–1,3 x 0,75–0,9 см), одна аквамаринная граненая бусина (1,7 x 1,1 x 0,7 см).

3) Курган 43, в области груди.

Сборное ожерелье из 24 бусин с привеской из монеты-денария. Длина – 16–18,5 см¹⁸ (Тв. М КП №6640/100–124) (рис. 14).

Привеска: Западно-Франкское королевство, Тур. Роберт I (?) (922–923 гг.) или Рауль (923–936 гг.). Денарий (ср. Gariel, p. 287, №5, Pl. XLVIII, № 5). Серебро, чеканка. Вес – 0,512 гр. Диаметр – 1,9 см. Утрата фрагмента, следы отверстий (двух?).

Это одна из самых ранних западноевропейских монет, найденных на территории Верхневолжья. Возможно, что она попала сюда уже в конце X в. с более поздними монетами.

Бусины: 6 зонных малых среднего размера из заглушенного стекла оранжево-красного цвета, 16 серебростеклянных, 2 органических: одна крупная табличка морской лилии (0,35 x 0,9 см); одна окаменелость с отверстием (0,8 x 1,3 x 1,1 см).

¹⁷ Dannenberg H. Die deutschen Münzen...; Kilger Ch. Pfennigmärkte und Währungslandschaften. Monetarisierungen im sächsisch-slavischem Grenzland ca. 965–1120 / Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Sueciarepertis. Nova series 15. Stockholm, 2000; Gariel P. Les monnaies royales de France sous la race Carolingienne. Partie II. Strasbourg, 1884.

¹⁸ В настоящее время 16 серебростеклянных бусин не доступны для изучения, поэтому реконструкция ожерелья сделана на основе полевого описания.

Рис. 13. Ожерелье из кургана 6 курганного могильника Пекуново-2.

4) Курган 19, в области груди.

Сборное ожерелье из 27 бусин с привеской из монеты-денария. Длина – 13,5–16 см¹⁹ (Тв. М КП №6640/221–247, 741) (рис. 15).

Привеска: Германия, Нижняя Лотарингия, Брюссель. Оттон III (983–1002, император с 996) (?). Около 1000 г. Денарий (Plisch, 2014: 22.8). Серебро, чеканка. Вес – 0,59 гр. Диаметр – 1,8–1,9 см. С двумя отверстиями.

Монета с двумя отверстиями могла пришиваться к одежде, а не входить в состав ожерелья, однако, значительная разношенность одного отверстия говорит о том, что в какой-то момент монета все же была привеской.

Бусины: 20 золотостеклянных (боченковидные и цилиндрические), 2 – сердоликовые зонные, одна бирюзовая с желтыми глазками из заглушенного стекла, 4 – боченковидные из заглушенного стекла красно-коричневого цвета.

Всего нам удалось отсмотреть 158 из 201 бусины, упомянутой в отчетах К.И. Комарова, составлявших ожерелья из 11 погребений Пекуново-2. Для 43 бусин из двух ожерелий, мы располагаем только описаниями, что позволяет реконструировать общий облик этих ожерелий гипотетически.

По принципу формирования низок ожерелий исследователями выделяются три типа: образцовое – составленное продавцом из бусин одного производственного центра; основное – образцовая низка, дополненная бусинами из других производственных центров; сборное – собранное владельцем ожерелья и включающее бусины различных видов и производственных центров²⁰. В рассматриваемых комплексах сборное ожерелье сформировано путем добавления к основному набору из стеклянных бусин – каменных.

По материалу все бусины, обнаруженные К.И. Комаровым в Пекуново-2, были разделены нами на три группы.

1. Каменные бусины.

а) Сердолик. Встречены только восьмигранные бусины. Камень насыщенного цвета с прожилками (отдел III, тип I, подтип Б; X–XI вв.).

б) Хрусталь. Три битрапециодные бусины с граненым пояском в основе маленькой низки (отдел III, тип IV; X–XI вв.).

в) Аметист. Уплощенно-округлые десятигранные бусины (5 шт.). Камни от бледного серо-лилового до насыщенного марганцевого цвета.

г) Аквамарин. Одна бусина зеленоватого цвета, ограненная так же, как аметистовые.

2. Бусины из органических материалов встречены только однажды в составе сборного ожерелья из одиночной таблички морской лилии и окаменелости с естественным отверстием.

3. Стеклянные бусины:

¹⁹ В настоящее время бусины из этого погребения не доступны для изучения. Размер низки реконструирован с учетом реальных размеров бусин, встреченных в других погребениях могильника Пекуново-2.

²⁰ *Andrea P. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzeitlicher Millefiglasperlen in Europa // Acta Prachistorica et Archaeologica. No. 4. Berlin. 1975. С.103–104; Столярова Е.К. Стеклянные бусы Мякининской курганный группы // Археология Подмосковья. 2008. Вып. 4. С. 59.*

Бусины, изготовленные из прозрачного стекла с металлической прокладкой из золотой или серебряной фольги, составляют 80% всех найденных К.И. Комаровым в Пекуново-2 бусин:

- а) Лимоновидные бусины (первая половина XI в.);
- б) Золотостеклянные цилиндрические и боченовидные бусины византийского производства (X – начало XII в.);
- в) Серебростеклянные цилиндрические бусины.

Из прозрачного стекла: синяя «ягодковидная» бусина, рельеф на поверхности составлен из пересекающихся шести вертикальных и пяти горизонтальных поясков (конец X – начало XII в.).

Из заглашенного стекла: зонные оранжево-красные и темно-красная бусина. Ю.Л. Щаповой они отнесены к Византийскому производству с датировкой в пределах XI – начала XII в. По наблюдениям И.А. Сафаровой, основной период бытования этих бусин в погребальных памятниках Верхневолжья – от первой половины – середины XI до второй половины XI столетия²¹.

По сопровождающим бусы монетам видно, что хронологически бусинный материал Пекуново-2 хорошо укладывается в рамки XI – начала XII в. Это не противоречит принятой в научной литературе датировке таких разновидностей бус (Табл. 2).

Таблица 2. Состав ожерелий в монетными привесками из курганного могильника Пекуново-2 из раскопок К.И. Комарова (составлена авторами).

Курган, №	Монетные привески	Тип ожерелья	Кол-во бусин
6	2 денария второй половины XI в.	сборный	76
18	Денарий первой трети XI в.	образцовый	2
19	Денарий рубежа X–XI в.	сборный	27
21	Денарий второй половины XI в.	образцовый	19
26	Подражание дирхаму или монетовидная привеска.	образцовый	3
40/2	Подражание дирхаму первой половины X в.	сборный	11
43	Денарий первой половины X в.	сборный	24
45	Дирхам начала XI в.	сборный	4
51	Дирхам второй половины X в.	сборный	6
54	Монетовидная привеска (монета-привеска ?).	образцовый	5
66	2 денария первой половины – середины XI в.	образцовый	24

²¹ Авторы выражают благодарность И.А. Сафаровой за консультацию по теме.

Привески, входившие в состав ожерелий, позволили сделать и другие наблюдения.

Все дирхамы и подражания им из Пекуново-2 привешивались за приклепанное плоское ушко. На монетной пластине есть, как минимум, след от него. Все сохранившиеся ушки – рифленые. А денарии, как правило, имели петельку из проволоки, сложенной в 2–3 раза (у дирхамов не встречается).

Для всех групп монет предпочтения в ориентации креплений относительно изображений на монетной пластине не фиксируются. Однако, среди подражаний дирхамам есть два, повторяющие штемпель именно оборотной стороны монеты.

Также можно отметить некоторую закономерность в формировании самих ожерелий. По длине крепления привески (ушка, петли) видно, что в центральной части низки могли помещаться более крупные, значимые и яркие бусины, а сами привески выступали в качестве визуального акцента.

Для Пекуново-2 характерно женское нагрудное ожерелье с одной монетой и в целом небольшое количество монетных находок, что уже было отмечено исследователями. Вероятно, местное ювелирное производство испытывало дефицит в них. Использование подражаний дирхамам, а также «реставрированной» монеты в украшениях также может указывать на это.

В обоих случаях обнаружения двух монет в погребении – это денарии середины XI в., отчеканенные в Нижней Лотарингии (Фризия).

В целом, по нумизматическому материалу из раскопок Пекуново-2 читается, что смена восточных дирхамов на западноевропейские денарии в денежном обращении Руси могла влиять на дизайн украшений, в состав которых монеты включались. Ювелирное производство, вероятно, сразу приняло новый монетный материал и быстро к нему подстроилось.

Крепление монет в нагрудных украшениях с крупного плоского ушка на крупных дирхамах сменяется тонкой проволокой на более мелких денариях. Гладкое приклепанное ушко (не рифленое) имеет только один денарий из Пекуново-2. Характерно, что монеты и подражания им разного диаметра в ожерельях сочетаются с бусинами разного размера. Денарии встречаются в украшениях с более мелкими бусинами, и их больше по количеству, чем в ожерельях с дирхамами и их подражаниями.

Все бусины в рассмотренных нами ожерельях из Пекуново-2 с большой долей вероятности – импортные. Изменение типа монет-привесок в регионе на денарии могло увеличить спрос на соответствующие им по размеру более мелкие бусины.

Находки и дирхамов (или подражаний), и денариев в одном погребении для Пекуново-2 не зафиксированы. А по локализации мест обнаружения этих одновременных монет угадывается направление разрастания могильника с востока на запад.

Авторы надеются продолжить исследование и публикацию материалов из раскопок курганных могильников Тверской области, хранящихся в фондах ТГОМ, уже с использованием данных этой работы. Выводы и предположения, сделанные в статье, будут проверяться на более массовом материале.

Литература

- Бадер О.Н.* Отчет о работах за 1932–1933 гг. // Известия ГАИМК. Вып. 109. М., 1935. С. 28–39.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та., 1991. 189 с.
- Жизневский А.К.* Курганы и находки каменного века Тверской губернии. Тверь, б. д. 50 с.
- Жукова Е.Н., Степанова Ю.В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 364 с.
- Комаров К.И.* Погребение дружинника во втором пекуновском могильнике на Верхней Волге // СА. 1974. № 3. С. 251–256.
- Комаров К.И.* Жизнь. Рассказы о минувших летах. М.: Б.и., 2014. 336 с.
- Кулешов Вяч. С., Момбекова А.А., Ушанков Е.М., Чекунина Н.В.* Нумизматические находки из раскопок курганного могильника Пекуново-2 К.И. Комарова // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2022. Вып. 14. – в печати.
- Милонов Н.П.* Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги // МИА. Вып. 13. М.; Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1950. С. 159–163.
- Малов Д.П., Смирнов К.А.* Работы Кимрского краеведческого музея // Археологические открытия 1972. М.: Наука, 1973. С. 75.
- Плетнев В.А.* Об остатках древностей и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь: Типография Губернского Правления, 1903. 519 с.
- Степанова Ю.В.* Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 364 с.
- Степанова Ю.В.* Бусы в составе женского погребального костюма Верхневолжья X–XIII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2002. Вып. 4. С. 313–320.
- Степанова Ю.В.* Монеты в древнерусских погребениях Верхневолжья // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2011. Вып. 4. С. 15–38.
- Столярова Е.К.* Стекланные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья. 2008. Вып. 4. С. 47–61.
- Успенская А.В.* Раскопки Кимрской экспедиции // Археологические открытия 1972. М.: Наука, 1973. С. 99.
- Успенская А.В.* Раскопки Кимрской экспедиции // Археологические открытия 1973. М.: Наука, 1974. С. 84.
- Успенская А.В.* Курганы близ деревни Пекуново на Верхней Волге // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 115–119, 190–192.

Andrea P. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefiglasperlen in Europa // *Acta Præhistorica et Archaeologica*/ No. 4. Berlin. 1975. S. 103–104.

Caiimer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. Lund, 1977. p. 229.

Dannenbergh H. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Bd. I–IV. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1876–1905. 1120 s.

Gariel P. Les monnaies royales de France sous la race Carolingienne. Partie II. Strasbourg: A. Fischbach, 1884. 364 p.

Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. Die Münzprägung in den Räumen Utrecht und Friesland im 10. und 11. Jahrhundert // *Jaarboek voor Munt- en Penningkunde*. Bd. 84/85 (1997/1998). Amsterdam. 2000: Koninklijk Nederlandsch Genootschap voor Munt- en Penningkunde, 2000. P. 1–272.

Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. Die Münzprägung im südwestlichen Niederlothringen und in Fladern im 10. und 11. Jahrhundert // *Jaarboek voor Munt – en Penningkunde*. Bd. 100. Amsterdam: Koninklijk Nederlandsch Genootschap voor Munt- en Penningkunde, 2014. 3. 1–383.

Kilger Ch. Pfennigmärkte und Währungslandschaften. Monetarisierungen im sächsisch-slawischen Grenzland ca. 965–1120 / *Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis*. Nova series 15. Stockholm: Royal Swedish Acad. of Letters History and Antiquities, 2000. 391 S.: Illustrationen, Diagramme, Karten.

Ю.В. Степанова (Тверь)

БУЛАВКИ В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ XI–XVII ВВ.

В статье рассматриваются различные виды булавок, использовавшихся в костюме населения Верхневолжья с домонгольского периода до конца XVII в. Охарактеризованы виды булавок, выделенные по форме изделий. В костюме населения Верхневолжья домонгольской эпохи одежные булавки мало использовались, о чем свидетельствует малое число находок. В XIV в. происходят изменения в составе костюма населения Руси. Крупные одежные булавки выходят из употребления, более широко используется одежда с пуговицами. В то же время наблюдается обилие мелких булавок типа «пущейпи». Специфическими для Твери являются булавки с навершиями в виде птички. Мелкие булавки в позднесредневековом костюме могли служить для скалывания частей женского головного убора и прически.

Ключевые слова: костюм, ювелирные изделия, застежка, булавка, украшение, археология, средневековье, Древняя Русь, Россия.

В домонгольском костюме населения Руси широко использовались булавки различных форм. Это были булавки относительно крупного размера, которые предназначались для застегивания накидок. Употреблялись различные формы булавок, в том числе кольцевидные, характерные для костюма скандинавского населения¹ и булавки с навершиями сложной формы². Некоторые типы булавок с фигурными навершиями продолжали употребляться и во второй половине XIII – XIV в.

В бассейне Волги от ее верховьев до Углича и на сопредельных территориях, в бассейнах ее притоков и на водоразделе Мологи и Мсты исследованы раскопками сотни погребений и десятки поселений, но находки одежных булавок единичны. Единственная в Верхневолжье крупная бронзовая кольцевидная

¹ Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. (Контактные зоны и взаимодействие культур): доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории, Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г. СПб., 2006. С. 130–140.

² Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 73–83; Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм // Новгород и новгородская земля. История и археология / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Г. Гайдуков. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 181–191.

булавка была обнаружена на селище Абрамово-3 (рис. 1: 1)³. Бронзовая булавка с навершием в виде головы хищной птицы происходит из слоя селища Холмово (Суходол) X–XII вв. (рис. 1: 2)⁴. В курганном могильнике Глинники в кургане № 50 в женском погребении в области пояса была найдена железная булавка⁵. Назначение ее неясно. Лишь в одном погребении обнаружены, предположительно, парные булавки, характерные для балтского костюма: в материалах раскопок XIX в. кургана у д. Гульцово (Ржевский уезд) описываются цепочки, соединенные с «двумя привесками в виде граненых остроконечных костыльков»⁶.

Но поселении Митрошино-2 в Удомельском Поозерье в слое X–XIII вв. обнаружен железный стержень с кольцом из крученого дрота – возможно, булавка (рис. 1: 3)⁷.

Булавки с фигурными навершиями происходят из городов. В Торжке найдена булавка, относящаяся к типу I, варианту 3, по Л.В. Покровской (рис. 1: 7)⁸. В Новгороде такие булавки происходят из слоев XIII в., в том числе начала и второй четверти. В Торжке она найдена в слое усадьбы, погибшей в пожаре 1238 г.⁹ Еще одна булавка из Торжка относится к типу с загнутым стержнем и навершием в виде крылатого зверя (ВИЭМ) (рис. 1: 8). Большинство таких булавок относится ко второй половине XIII – началу XIV в. По поводу назначения булавок с загнутым стержнем высказывались разные точки зрения. Предполагалось их применение для скрепления прически и головного убора, либо в качестве обрядовых предметов¹⁰. М.В. Седова указала на их сходство с булавками, использовавшимися в румынском костюме XVI в. В женском уборе Трансильвании XVI–XVII вв. похожие булавки с фигурными навершиями на относительно тонких стержнях служили для скрепления вуали и прически¹¹, однако у них изогнут не кончик, а, скорее, вся булавка. Интересно, что в этнографическом румынском костюме сохраняются крупные булавки с массивными навершиями, скрепляющие вуаль по бокам (рис. 3: 1).

³ Фехнер М.В. Отчет об археологических работах в Калининской области в округе г. Кимры и в г. Костроме в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р-1. № 3566. Рис. 16.

⁴ Дашкова И.А., Дворников А.С., Хохлов А.Н. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985–1987 годах // Археологические памятники на Верхней Волге / под ред. Ф.Х. Арслановой. Тверь, 1993. С. 93, рис. 3: 14.

⁵ Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь, 2010. С. 75.

⁶ Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь, 1903. С. 57–58.

⁷ Лагуткина Е.В. Археология Удомельского Поозерья в контексте истории Новгородской земли (по материалам полевых исследований Тверского госуниверситета) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2018. № 4. С. 140, рис. 4: 9.

⁸ Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм... С. 183, рис. 1.

⁹ Малыгин П.Д. Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999–2001 гг.). Тверь, 2011. С. 35–36, рис. 13: 4.

¹⁰ Седова М.В. Указ. соч. С. 82.

¹¹ Tătaru C., Martin T.A. Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / сост., отв. ред. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов. Кишинэу, 2020. С. 107–118, рис. 2: 1, 2.

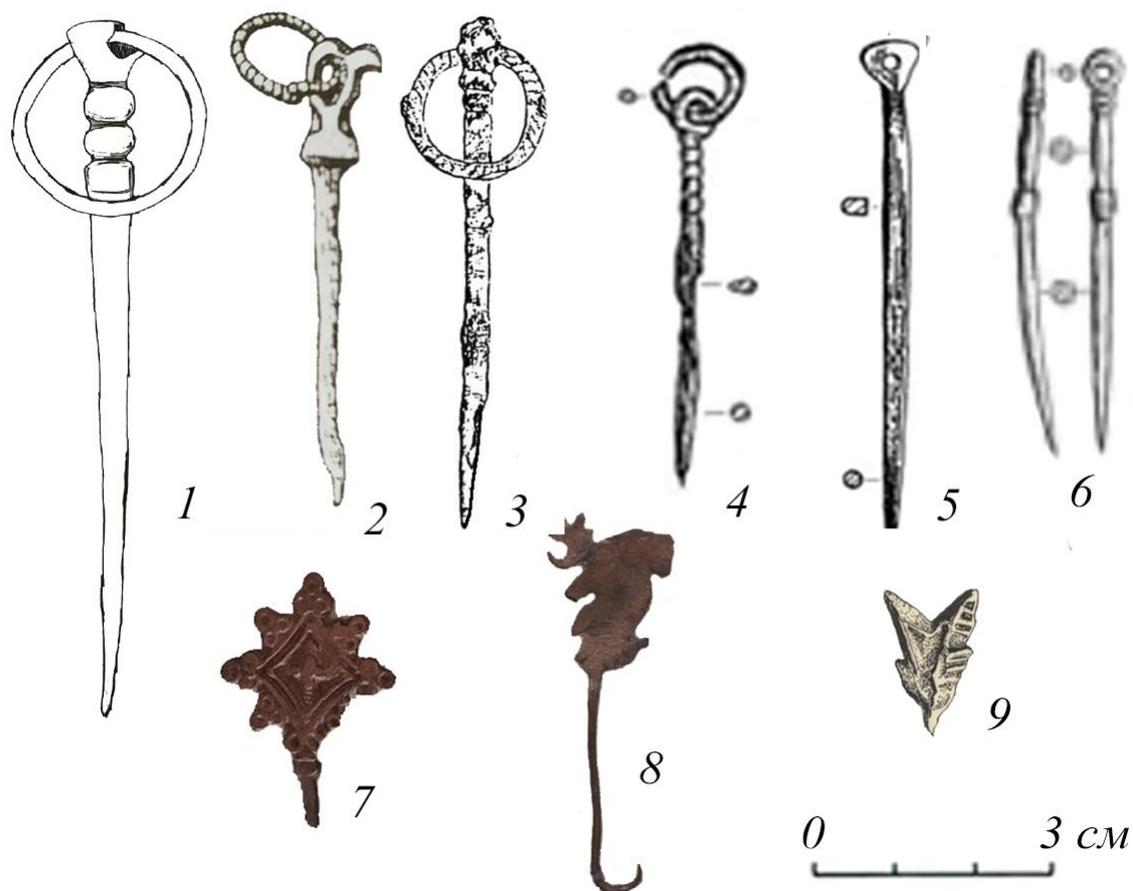

Рис. 1. Одежные булавки из погребений и поселений XI–XII вв. и культурного слоя XIII–XIV вв. городов Верхневолжья.

1 – селище Абрамово-3 (Фехнер, 1967. Рис. 16); 2 – селище Холмово (Суходол) (Дашкова, Дворников, Хохлов, 1993. Рис. 3: 14); 3 – поселение Митрошино-2 (Лагуткина, 2018. Рис. 4, 9); 4–6 – Тверь (Лапшин, 2009. Рис. 98: 4, 5, рис. 67: 11); 7 – Торжок (Малыгин, 2011. Рис. 13: 4); 8 – Торжок (ВИЭМ, экспозиция); 9 – Старица (Воронин, 1949. Л. 13, рис. 45).

Находки из Торжка относятся к булавкам новгородских типов¹².

Единичны находки крупных одежных булавок и в комплексах и слоях XIII–XIV вв. Твери. В слое XIV в. обнаружены бронзовые кольцевидная булавка, датируемая по новгородской шкале XII – серединой XIII в. (рис. 1: 4), и булавка с уплощенной головкой (рис. 1: 5)¹³. В слое конца XIII – XIV в. найдена железная булавка (кольцо утрачено) (рис. 1: 6)¹⁴.

В составе дореволюционной коллекции Тверского музея находилась «толстая медная булавка», найденная в Твери, с фрагментированным навершием, от

¹² Покровская Л.В. Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. Ред. Н.А. Макаров. М., 2003. С. 309.

¹³ Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 103.

¹⁴ Там же. С. 95.

которого сохранилось «полукружие из трех полумесяцев»¹⁵. Вероятно, предмет можно соотнести с булавками с геометрическими навершиями, оформленными мелкими лунницами¹⁶.

На городище г. Старица в слоях предматерика с керамикой XIII в. найден обломок бронзового изделия, который может являться навершием булавки (рис. 1: 9)¹⁷.

Как видим, крупные булавки домонгольского периода, обнаруженные в курганах и на сельских поселениях XI–XII вв. – это застежки одежды – относительно крупные изделия, длиной до 15 см, с толщиной стержня до 0,5 см. Городские булавки XIII–XIV вв. с фигурными навершиями и более тонким стержнем могли иметь более широкие функции – скалывать и одежду, и элементы головного убора.

В XIV в. на смену крупным булавкам со сложными навершиями приходят небольшие изделия, количество которых значительно превышает число находок булавок в слоях XIII в. Наиболее распространенным типом булавок в городах и на сельских памятниках Тверского Верхневолжья XIV–XVII вв. являются булавки «пус-йеппи» – металлические стержни длиной до 5 см, диаметром 0,1–0,2 см с небольшим шарообразным или сплюснутым навершием. Наименование «пус-йеппи», буквально означающее «головные булавки», распространилось в археологической литературе на все находки этого типа из этнографии народов Поволжья. В этнографическом костюме народов Поволжья так назывались булавки, скреплявшие между собой детали головного убора. Они служили для прикалывания масмака (начельника) или позатыльника к основной части головного убора, либо скрепления сурпана – полотчатого головного убора (рис. 3: 2)¹⁸. Иногда такие булавки в чувашском костюме имели отверстие в головке и соединялись между собой лентой или цепочкой. В XIX в. подобные булавки использовались в головном уборе финноязычного населения Южной Финляндии для скрепления шапочки, одеваемой поверх пучка волос (рис. 3: 3)¹⁹. Отметим, что булавами прикалывалась к пучку волос и одевавшаяся на него шапочка-«каблучок» в составе характерного для Тверского Поволжья XVIII–XIX вв. головного убора «каблучок с ряской» (рис. 3: 4)²⁰. В костюме вепсов XIII–XVI вв. «пус-йеппи» служили для закалывания на затылке головного убора (платка?)²¹.

¹⁵ Научный архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 56, № 13431.

¹⁶ Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм. С. 186.

¹⁷ Воронин Н.Н. Отчет о раскопках в 1949 г. в г. Старице // Архив ИА РАН. Р-1. № 358. Л. 13, рис. 45.

¹⁸ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 166–171.

¹⁹ Lehtinen I, Sihvo P. Rahwaan puku (Folk costume). Helsinki, 2005. P. 139, fig. 174.

²⁰ Вершинский А.Н. Материалы по истории древнерусских одежд. Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии // Тверская старина. 1913. № 1. С. 20–24; Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1999. С. 275.

²¹ Васенина М.Г. Женский убор финно-угорского населения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века и средневековья // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 г. Вологда, 2006. С. 42.

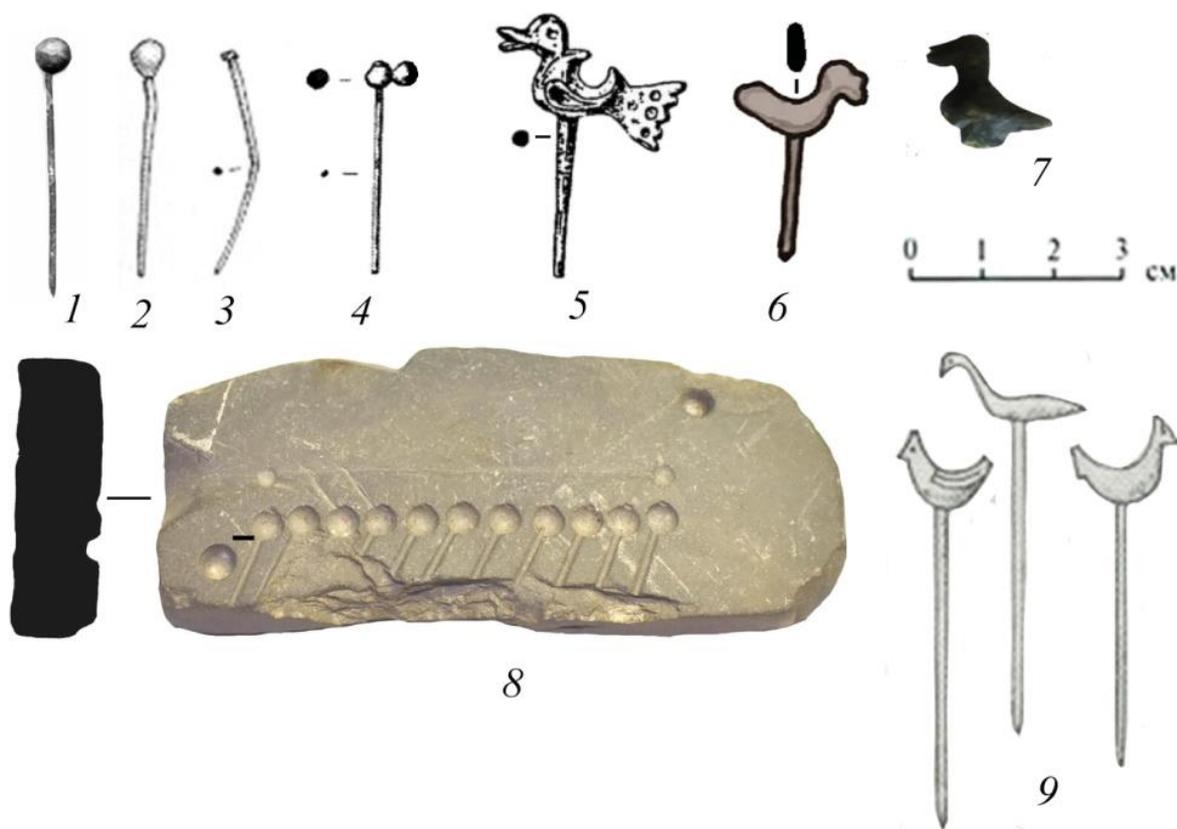

Рис. 2. Булавки с навершием в виде птички XIV–XV вв.

1 – поселение Беседы (Лагуткина, Степанова, 2001. Рис. 7: 5); 2, 3 – Тверь, Затьмацкий посад (Солдатенкова, 2008. Рис. 1: 2, 3); 4 – отливка булавки, Тверь, Затьмацкий посад (Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2011. Рис. 5: 3); 5 – поселение Троица-1 (Лагуткина Е.В. Рис. 3: 3); 6 – Тверь (ТГОМ КОФ 13373/62); 7 – Тверь (Романова, 2010–2011. № 560); 8 – Тверь (Лагуткин, Лагуткина, Степанова, 2021. Рис. 3: 10); 9 – булавки татарского костюма (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987. Рис. 26).

В Новгороде пус-йеппи встречаются в слоях XIV–XV вв.²² Они найдены в большом количестве на памятниках Северо-Восточной Руси²³. Появление булавок на Руси в начале XIV в. исследователи связывают с модой, принесенной монголами с Востока²⁴, однако, убор с булавками на Северо-Западе мог формироваться и под влиянием традиции, существовавшей у финно-угров.

В Твери найдено значительное количество таких булавок. Так, на Затьмацком посаде Твери в постройке, предположительно, принадлежавшей княже-

²² Седова М.В. Указ. соч. С. 158.

²³ Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 84.

²⁴ Седова М.В. Указ. соч. С. 158; Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий. Автореф... дис. канд ист. наук. М., 2006.

скому дружиннику, найдены 47 булавок «пус-йеппи» (рис. 2: 2, 3)²⁵. Имеются находки на Загородском (рис. 2: 7)²⁶ и Заволжском²⁷ посадах Твери. В 2020 г. на Затьмацком посаде в раскопе по ул. Ефимова была найдена литейная форма из серого сланца для изготовления сразу 11-ти булавок «пус-йеппи» (рис. 2: 8)²⁸. Отливка булавки обнаружена на том же посаде в раскопе № 7 (рис. 2: 4)²⁹. Находки форм для отливки таких булавок известны в Новгороде и Москве. По данным писцовых книг Твери начала XVII в. известно, что на Затьмацком посаде находился двор Ивашки Булавошника, правда, высказано предположение, что он занимался изготовлением игл, а не булавок в современном понимании³⁰.

В книгах поступлений Тверского музея XIX – начала XX в. имеются сведения о находках серии булавок с шарообразными головками, найденных в Твери и Старице³¹. В общей сложности из Твери происходит не менее 70 находок. «Пус-йеппи» найдена на поселении Беседы-2 в слое постройки XV – первой половины XVI в. (рис. 2: 1)³².

По форме головки среди булавок выделяются виды с шарообразной головкой (рис. 2: 1, 2) и с приплюснутой дисковидной головкой, придающей булавке вид небольшого гвоздика (рис. 2: 3). Среди найденных булавок многие согнуты, что, вероятно, является следствием их использования. Обилие булавок «пус-йеппи» свидетельствует об их широком использовании в позднесредневековом костюме. Если пуговицы, в большом количестве встречающиеся в культурном слое XIV–XVII вв., служили для застегивания одежды, то булавки «пус-йеппи» в русском костюме позднего средневековья, по-видимому, использовались так же, как и в этнографическом костюме народов Поволжья – для скрепления деталей женского головного убора. Они могли служить как для крепления позатыльников, так и для укрепления убруса³³.

²⁵ Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 6, т. II. С. 358.

²⁶ Исланова И.В. Работы на городище Отмичи и в Твери // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 132–133; Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Свиринов К.М. Работы Тверского государственного университета в г. Твери и Тверской области // АО 2017 года. М., 2019. С. 54–56.

²⁷ Кобозева Е.В. Охранные археологические исследования в Твери // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 135–136.

²⁸ Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. Новые материалы рубежа XII–XIII – XVII в. из раскопок Затьмацкого посада Твери 2020 г. // КСИА. 2021. Вып. 264. Рис. 3: 10.

²⁹ Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосквья. 2011. Вып. 7. Рис. 5: 3.

³⁰ Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Работы отряда экспедиции ТГОМ на Затьмацком посаде Твери // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 167–169.

³¹ Научный архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4, № 1718; Д. 25, № 9362; Д. 26, №№ 11744–11765.

³² Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // Тверской археологический сборник. 2001. Вып. 4, т. II. С. 134, рис. 7: 5.

³³ Жилина Н.В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 160.

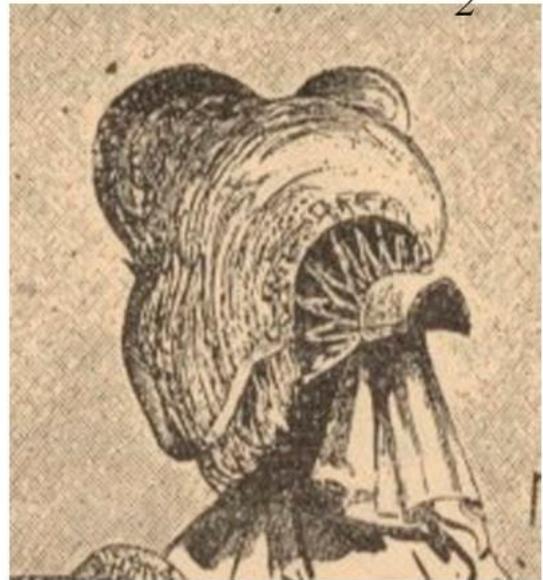

Рис. 3. Булавки в женском головном уборе народов Европы Нового времени.

1 – Румыния (Romania. Din tezaurul potrului popular traditional. București, Editura Sport-Turism, 1977. Рис. 156); 2 – чуваша, сурпан (https://kopilkaurokov.ru/istoriya/presentatii/priezientsiia_k_issliedovatiel_skoj_rabotie_zhi_enskiie_gholovnyie_ubory); 3 – использование булавки в головном уборе населения Южной Финляндии, рисунок Е. Нордстрём, 1880 г. (Lehtinen I, Sihvo P., 2005. Fig. 174); 4 – головной убор «каблучок с ряской» (Вершинский А.Н., 1913. Вклейка).

Вероятно, в XVI–XVII вв. появляются мелкие булавки с эмалевым декором. В Тверском музее хранилась подобная булавка длиной 1/8 вершка с тремя углублениями для эмали на навершии³⁴.

Другим типом позднесредневековых булавок являются небольшие изделия с навершиями в виде птицы. Коллекция таких булавок существовала в Тверском музее еще в начале XX в. В.И. Колосов в «Кратком описании Тверского музея» указывает, что в витрине восемнадцатой музея было помещено «довольно большое количество медных птичек небольшой величины» с заостренными шпёнками, указывающими, что это навершия булавок³⁵. В книгах поступлений Тверского музея содержатся сведения о таких булавках. Например, булавка с навершием в виде «петуха» поступила в музей в 1889 г.³⁶ В коллекции ТГОМ (хранение «Быт») имеется бронзовая булавка с плоским навершием, напоминающим утку (КОФ 13373/62) (рис. 2: 6). Булавки с навершием в виде птички была найдена на Загородском посаде Твери (рис. 2: 7)³⁷. Бронзовая булавка высотой 3,5 см с навершием в виде птички с распущенным хвостом обнаружена на поселении Троица-1 в Удомельском Поозерье (рис. 2: 5). Скорее всего, ее можно отнести к XV вв., судя по обнаруженным в этом же слое перстню-печатке, пряжке трапецевидной формы, альмандиновой вставке³⁸.

Аналогичные булавки с навершиями в виде птичек использовались в costume населения степной зоны Восточной Европы золотоордынского времени (рис. 2: 8)³⁹. Таким образом, и пус-йеппи, и булавки с птичками могут рассматриваться как результат золотоордынского влияния в costume Верхневолжья эпохи позднего средневековья.

Как видим, в costume населения Верхневолжья домонгольской эпохи булавки, характерные для costume прибалтийско-финского и скандинавского населения X–XII вв., использовались очень мало. По формам булавок прямые аналогии в Новгороде имеют предметы из Торжка, являвшегося частью Новгородской земли. В XIII–XIV вв. происходят изменения в составе costume населения Руси. Если в домонгольский период использовались крупные булавки, служившие наряду с фибулами для застегивания одежды, то в период после монгольского нашествия они постепенно выходят из употребления – вероятно, в связи с все большим внедрением застежек на пуговицы. В то же время наблюдается обилие мелких булавок, которые могли служить скорее для скалывания относительно небольших деталей costume, прежде всего, частей женского головного убора. Соответственно, можно говорить о дальнейшем формировании сложного многосоставного головного убора, который достаточно полно характеризуют письменные источники периода средневековья. Большинство терми-

³⁴ Архив ТГОМ.Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. № 3948.

³⁵ Колосов В.И. Краткое описание Тверского музея. Третья комната музея. Тверь, 1912. С. 117.

³⁶ Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. № 5108.

³⁷ Лаврова Г.А. Исследования в Твери и Тверской области // АО 2007 года. М., 2010. С. 140; Романова Е.А. Отчет об охранных и научных археологических исследованиях на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2010–2011 гг. (раскоп Козьмодемьянский-5) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 30482. № 560.

³⁸ Лагуткина Е.В. Указ. соч. С. 136, рис. 3: 3.

³⁹ Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С. 93, рис. 26: 10.

нов берестяных грамот XII–XV вв., относящихся к женскому костюму, обозначают детали головного убора: чело, убрус, повоец, привитка⁴⁰. В XVI–XVII вв. вариантов головных уборов и их деталей становится больше. Кика, подубрусник, подзатыльник, волосник, головное покрывало должны были скрепляться между собой. В целом для костюма периода позднего средневековья характерны съемные, пристежные детали: ожерелья, зарукавья, запястья, карманы. Сами булавки в русских письменных источниках обозначаются терминами «заноски (занозок)» и «репьи»⁴¹. Ассортимент булавок, происходящих из памятников Тверского Верхневолжья XIV–XVII вв., характеризуется наличием не только широко распространенных «пус-йеппи» с шарообразной и уплощенной головкой, но и предметов с навершиями в виде птички.

Отметим, что в погребальном обряде XIV–XVII вв. на северо-востоке и северо-западе Руси булавки встречаются редко, как и другие металлические детали костюма. Однако отдельные находки все же есть. Например, в некрополе XVI–XVII вв. на Охтинском мысу, оставленном разноэтничным русским и прибалтийско-финским населением, булавки «пус-йеппи» найдены в женских и детских погребениях на теменной части черепа⁴². Их местоположение подтверждает, что булавки пус-йеппи использовались для скрепления головного убора. Вероятно, в Верхневолжье в XIV–XVII вв. шло формирование головного убора с жесткой основой типа «каблучка» XIX века, одевавшегося на скрученные волосы, для скрепления которого с прической и вуалью были необходимы небольшие булавки.

Литература

Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Татарское книжное издательство, 1987. 166 с.

Васенина М.Г. Женский убор финно-угорского населения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века и средневековья // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 г. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2006. С. 37–47.

Вершинский А.Н. Материалы по истории древнерусских одежд. Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии // Тверская старина. 1913. № 1. С. 20–24.

Воронин Н.Н. Отчет о раскопках в 1949 г. в г. Старице // Архив ИА РАН. Р-1. № 358.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.

⁴⁰ *Степанова Ю.В.* Древнерусский костюм по письменным и археологическим источникам X–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 91.

⁴¹ *Жабрева А.Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. М., 2016. С. 392, 401.

⁴² *Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И.* Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 2013. № 5. С. 110, рис. 5: 1.

Дашкова И.А., Дворников А.С., Хохлов А.Н. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985–1987 годах // Археологические памятники на Верхней Волге / под ред. Ф.Х. Арслановой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. С. 89–142.

Жабрева А.Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. М: Петербургское востоковедение; БАН, 2016. 479 с.

Жилина Н.В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 362 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Исланова И.В. Работы на городище Отмичи и в Твери // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 132–133.

Кобозева Е.В. Охранные археологические исследования в Твери // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 135–136.

Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий. Автореф... дис. канд ист. наук. М.: МГУ, 2006. 22 с.

Колосов В.И. Краткое описание Тверского музея. Третья комната музея. Тверь: Губернская типография, 1912. 144 с.

Лаврова Г.А. Исследования в Твери и Тверской области // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 138–140.

Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Свиринов К.М. Работы Тверского государственного университета в г. Твери и Тверской области // Археологические открытия 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 54–56.

Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. Новые материалы рубежа XII–XIII – XVII в. из раскопок Затьмацкого посада Твери 2020 г. // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 255–269.

Лагуткина Е.В. Археология Удомельского Поозерья в контексте истории Новгородской земли (по материалам полевых исследований Тверского государственного университета) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2018. № 4. С. 127–146.

Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // Тверской археологический сборник. 2001. Вып. 4, т. II. С. 125–138.

Латишин В.А. Тверь в XIII–XV вв. вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Малыгин П.Д. Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999–2001 гг.). Тверь: Творческая мастерская Л. Юга, 2011. 152 с.

Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. (Контактные зоны и взаимодействие культур): доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории, Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г. СПб.: Нестор-История; ИИМК РАН, 2006. С. 130–140.

Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 6, т. II. С. 345–368.

Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Работы отряда экспедиции ТГОМ на Затьмацком посаде Твери // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 167–169.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосковья. 2011. Вып. 7. С. 155–167.

Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1903. 519 с.

Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм // Новгород и новгородская земля. История и археология / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Г. Гайдуков. Новгород, Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1995. Вып. 9. С. 181–191.

Покровская Л.В. Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2003. С. 304–314.

Романова Е.А. Отчет об охранных и научных археологических исследованиях на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2010–2011 гг. (раскоп Козьмодемьянский-5) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 30482.

Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб.: Искусство, 1999. 400 с.

Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 76–90.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Солдатенкова В.В. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 153–169.

Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И. Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 2013. № 5. С. 103–113.

Степанова Ю.В. Древнерусский костюм по письменным и археологическим источникам X–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 84–92.

Lehtinen I., Sihvo P. Rahvaan puku (Folk costume). Helsinki: Museovirasto, 2005. 280 pp.

Tătaru C., Martin T.A. Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...»: Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / сост., отв. ред. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов. Кишинэу: Stratum Plus, 2020. С. 107–118.

С. М. Смирнова, Р. А. Оруджев, А. В. Царицын (Тверь)

СЕРЬГИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК СЕЛИЩА ЗАЛУЧЬЕ 2 (ОСТАШКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ, ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье публикуются данные о находках серёг XVIII – начала XIX вв. из раскопок селища Залучье 2 Осташковского городского округа Тверской области. Серьги происходили из заглублённой в грунт части постройки, что позволяет рассмотреть находки украшений в контексте синхронных предметов. Приводятся также аналогичные ранее не публиковавшиеся находки из раскопок других сельских памятников на территории Тверского края.

Ключевые слова: украшения, серьги, серьги с ажурными щитками, археология, XVIII – начало XIX в., Селигер.

Летом 2021 г. экспедицией РГУ им. А.Н. Косыгина были проведены спасательные археологические работы в д. Залучье Осташковского городского округа Тверской области на северном берегу оз. Селигер. Раскопки проводились в рамках реализации программы газификации Тверской области. В ходе исследований был изучен комплекс, датируемый XVIII – началом XIX в., в котором были найдены две серьги с ажурными щитками.

Селище Залучье 2 было выявлено в 2004 г. О.Е. Рыбаковой и представляет собой поселение, датируемое XVII–XIX вв.¹ Памятник расположен на северном берегу Берёзового плёса оз. Селигер (рис. 1), вдоль уреза воды в восточной части деревни и приурочен к моренной гряде северного берега озера.

Исследования велись в границах траншей газопровода, которые проходили вдоль улиц деревни, таким образом, был получен стратиграфический разрез значительной части деревни. Особенностью планировки большого количества деревень является то, что после расширения деревенских улиц в XX в. практически все существующие дома были перемещены вглубь усадеб, дальше от дороги. Поэтому в ходе исследования часто удаётся зафиксировать остатки построек, которые располагались ближе, часто под современной дорогой.

Именно такой комплекс был исследован в д. Залучье, среди материалов которого были найдены две серьги. Комплекс представлял собой остатки постройки, которая, вероятно, погибла при пожаре, о чём свидетельствует наличие большого количества угля и ошлакованных фрагментов керамики в слое. Вместе с серьгами в постройке были найден также ряд других индивидуальных находок. Все предметы

¹ Археологическая карта России. Тверская область. М., 2012. Часть 4. С. 110.

происходили из слоя разрушения, сложенного в основе своей тёмно-коричнево-серой супесью с включением угля, тлена, красной обожжённой глины и обожжённых мелких камней.

Рис. 1. Топографическая межевая карта Тверской области Осташковского уезда. Из атласа, составленного в 1853 г. чинами Межевого Корпуса и Офицерами Топографов военного подданства под наблюдением генерал-майора Менде. Стрелкой указано место проведенных исследований.

Серьга 1 (рис. 2: 1). Серьга с привеской-щитком. Щиток бронзовый фигурный, близок к трапециевидной форме с 12-ю сквозными округлыми и овальными отверстиями. Щиток оканчивается пятью петлями, две из которых обломаны. В петлях сохранились три дополнительные привески в виде металлических стержней, обмотанных проволокой (длиной 0,6–0,7 см), на них, вероятно, были нанизаны бусины. Размеры щитка – 1,1–1,9×1,9 см, размеры ушка для кольца – 0,6×0,5 см, вес изделия – 1,86 г. В ушке серьги сохранились остатки проволочного кольца. Какие-либо изображения на щитке отсутствуют.

Серьга 2 (рис. 2: 2). Серьга с привеской-щитком. Щиток бронзовый фигурный, близок к трапециевидной форме с одиннадцатью сквозными округлыми отверстиями. Щиток оканчивается пятью петлями, одна из которых обломана, дополнительные привески не сохранились. Размеры щитка – 1,1–2,2×1,9 см, размеры ушка для кольца – 0,4×0,4 см, вес изделия – 1,23 г. Какие-либо изображения на щитке отсутствуют.

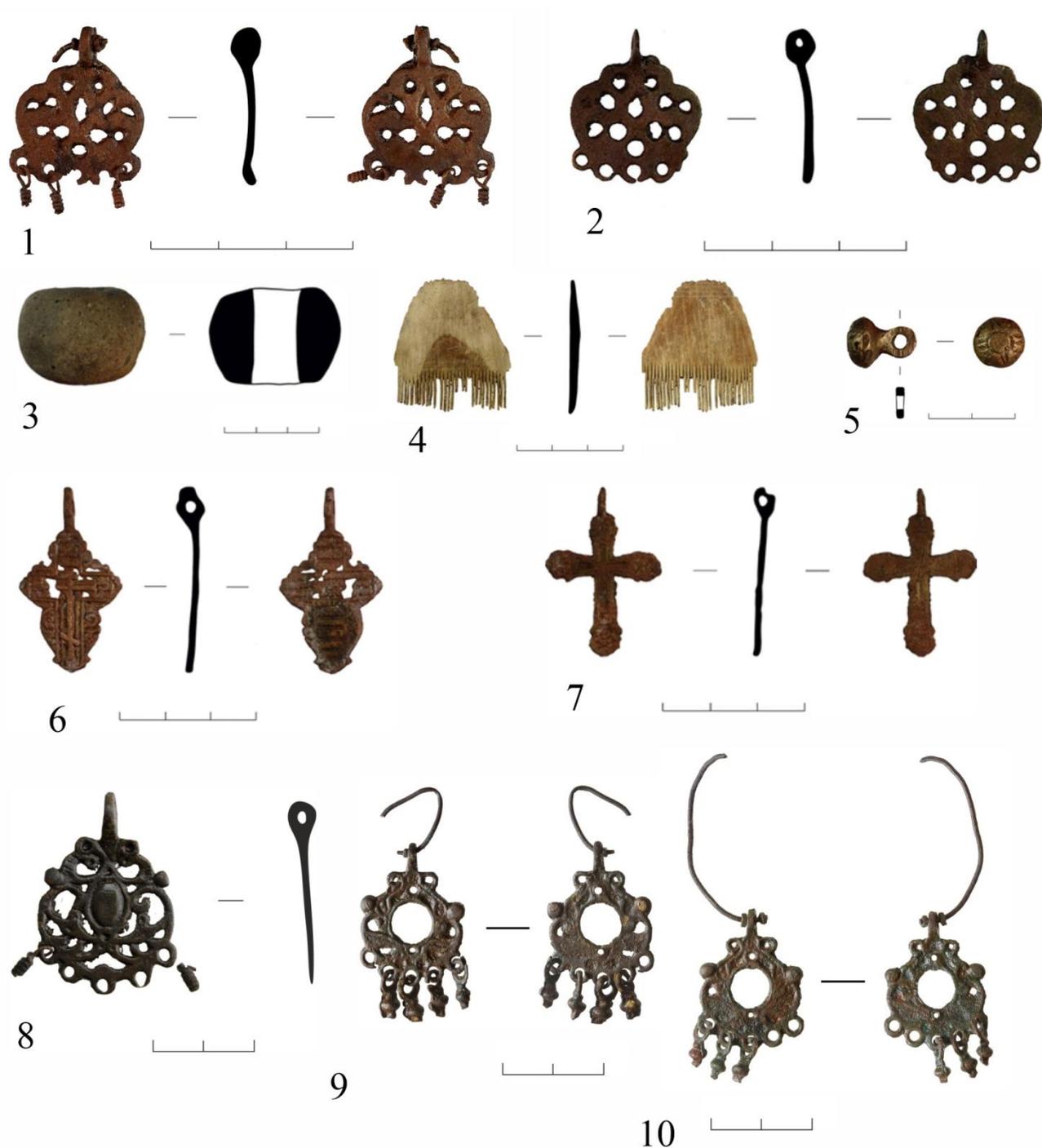

Рис. 2. Серьги и сопутствующие находки XVII–XIX вв. из раскопок сельских поселений Тверской области.

1–7 – находки из раскопок селища Залучье 2: 1–2 – серьги с ажурным щитком, 3 – грузило керамическое рыболовное, 4 – гребень костяной, 5 – пуговица цветного металла; 6–7 – кресты-тельники; 8 – серьга цветного металла с ажурным щитком из раскопок селища Медное 4; 9–10 – серьги цветного металла с ажурным щитком из раскопок селища Мигалово.

Найденные серьги, на первый взгляд, выглядели парными, однако при внимательном рассмотрении выяснилось, что в их конструкции есть небольшие различия. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в погибшей постройке были две разные пары серёг. Можно предположить и то, что серьги являются парными, а различие связано с небрежным изготовлением украшений. Создается впечатление, что при изготовлении серьги 2 мастер не рассчитал размещение отверстий, и одно из них во втором ряду не поместилось.

В погибшей постройке в одном слое с серьгами были найдены и другие предметы быта. Часть из них имеет довольно широкую датировку: два черешковых ножа, три керамических рыболовных грузила (рис. 2: 3), костяной гребень (рис. 2: 4), две пуговицы-гирьки (шаровидные пуговицы)² (рис. 2: 5).

Вместе с тем, в слое были найдены три нательных креста. Два из них относятся к так называемым «листовидным» или «копьевидным» крестам, имеющим достаточно широкую датировку XVII–XIX вв.³ (рис. 2: 6). Один крест со своеобразным оформлением оконечностей лопастей в виде трилистника с округлыми лепестками и простым ушком можно датировать XVIII в.⁴ (рис. 1: 7).

В целом, учитывая массовый керамический материал и индивидуальные находки, а вместе с ними и найденные серьги, комплекс можно датировать XVIII – началом XIX в.

В качестве аналогий найденным украшениям можно привести серьги, обнаруженные на территории Твери О.М. Олейниковым и Е.А. Романовой⁵. Кроме того, близкие к аналогичным серьги были найдены и на территории сельских памятников. В частности, в ходе археологических раскопок селища Медное 4⁶, в слоях XVIII в. была найдена близкая по стилю и форме серьга (рис. 1: 8) с ажурным щитком и вставкой в центре. Этим же периодом датируются и серьги, найденные в ходе археологических работ на селище Мигалово⁷ (рис. 1: 9,10).

Малочисленность находок украшений Нового времени на сельских памятниках, выявленных в ходе систематических археологических исследований, требует расширения введения в научный оборот новых данных. Серьги, найденные при раскопках селища Залучье 2, должны пополнить ряд вещей, которые расширят наши знания о костюме сельских жителей периода Нового времени.

² Жилина Н.В. Пуговицы в костюме Московской Руси XVII – начала XVIII века // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. М., 2020. Вып. 16. С. 297–311.

³ Колпакова Ю.В. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2003. С. 69–70; Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. №7. С. 164–178.

⁴ Там же.

⁵ Степанова Ю.В. Серьги из археологических памятников Верхневолжья XIV–XVIII веков // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2021. №1(57). С. 41–62.

⁶ Авторы статьи выражают признательность за ценные советы и рекомендации А.Н. Пичугиной, а также за разрешение публикации материалов археологических исследований селища Медное-4.

⁷ Благодарим О.И. Богуславского за возможность публикации материалов из раскопок селища Мигалово.

Литература

Археологическая карта России. Тверская область. М.: ИА РАН, 2012. Часть 4. С. 110.

Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. №7. С. 164–178.

Жилина Н.В. Пуговицы в costume Московской Руси XVII – начала XVIII века // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., 2020. Вып. 16. С. 297–311.

Колтакова Ю.В. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2003. С. 69–70.

Степанова Ю.В. Серьги из археологических памятников Верхневолжья XIV–XVIII веков // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2021. №1(57). С. 41–62.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОСТЮМ В ПИСЬМЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

Д. А. Ляпин (Елец)

КОСТЮМ ЖЕНЩИНЫ ЮЖНОРУССКОЙ КРЕПОСТИ В XVII в.

Аннотация: статья посвящена некоторым элементам костюма женщины южнорусской крепости в XVII в., главным образом, во второй половины столетия. Работа построена на документах местных приказных изб – основных органов местного управления. Основу документальной базы составили материалы Государственного архива Воронежской области (ГАВО). Автор представляет статистические результаты, полученные в ходе анализа упоминаний различных элементов женской одежды. Представленные сведения носят обобщающий характер, но они отражают специфику костюма жительницы крепости в целом.

Ключевые слова: женский костюм, юг России, крепость, кодман, сорока, монисто, рубаха женская, ширинка.

Юг европейской России в XVII в. занимал территорию современного Центрального Черноземья и являлся пограничной зоной со степью. Географически сюда можно отнести земли правого берега Оки, включая бассейны Дона, Оскола и Северского Донца. До XV в. эти пространства были заселены русским населением, входившим в состав мелких разрозненных княжеств. Затем, в первой половине этого столетия татары, оставшиеся после распада Золотой Орды без единого центра власти, вытеснили русских за Оку регулярными грабительскими нападениями. Только во второй половине XVI в. начинается процесс нового движения русского населения на юг, что было связано с расширением границ единого Московского государства. Вначале была организована патрульная служба и налажена разведка в обширных степных пространствах, а с 1586 г. началось интенсивное строительство крепостей на важных участках пограничья¹. За 15 лет здесь были сооружены: Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (сегодня – Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599).

Построенные во второй половине XVI в. крепости должны были, прежде всего, предотвращать нападения крымских татар на центральные уезды страны и обеспечивать оборону своего региона. Это были типичные военные

¹Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. Воронеж, 1991. С. 93–187.

поселения – форпосты Москвы на далекой окраине степи. Процесс превращения крепостей в полноценные города происходил параллельно с ростом численности местного населения на протяжении всего XVII в. Особенно интенсивным этот процесс стал после посадских реформ Б.И. Морозова в 1646–1648 гг. и строительства единого комплекса военно-оборонительных сооружений – Белгородской черты – в это же время². Урбанизация южной окраины сопровождалась не только изменениями в социальной структуре местного общества (ростом числа неслужилого населения) и хозяйственным развитием уездов, но и сменой образа поведения местных жителей: изменялись ценности, идеалы людей различных поколений³.

Переселенцами в южнорусский регион в большинстве своем были выходцы с территории Верхней и Средней Оки. Небольшой процент населения составляли также черкасы – выходцы из украинских земель Речи Посполитой⁴. Однако черкасы практически не смешивались с русским населением и жили обособлено, поэтому нельзя говорить об их значимом влиянии на традиции и культуру региона⁵.

Исторические особенности присоединения южных степных пространств к России были связаны с ведением здесь постоянных боевых действий, которые вынуждали правительство предпринимать много усилий для того, чтобы одновременно и защищаться, и двигаться вперед. Жизнь местного населения была подчинена войне, и основную массу жителей здесь составляли служилые люди – стрельцы, городовые казаки, а также мелкие помещики. Служилое население представляло 80% всех жителей этого края, а в большинстве крепостей оно полностью преобладало⁶.

В делопроизводственных материалах местных приказных изб (главных органов местного управления) сохранилось большое число дел, связанных с тяжбами между семьями, с воровством, передачей имущества, наследственными и брачными делами. В этих документах часто упоминаются и описываются предметы женской одежды и украшения, с указанием их количества, цвета и состояния. Основной массив документации связан с материалами ГА-ВО (Ф. И–182). Приведем несколько примеров на эту тему.

Однажды воронежский стрелец Панкрат Махин украл золотой перстень у воеводы Бориса Григорьевича Бухвостова⁷. Перстень он сразу продал на рынке, а на вырученные деньги купил сестре «красные сапоги» (короткие, не

² *Ляпин Д.А.* Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 57–64.

³ *Ляпин Д.А., Жиров Н.А.* Социальная организация и формы поведенческих моделей населения южнорусского общества в контексте урбанизации Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // История: Факты и символы. 2017. № 4. С. 7–14.

⁴ *Брезгунова В.М.* Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 201–208.

⁵ См.: *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII вв.: городовые воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.

⁶ *Ляпин Д.А.* Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 57–64.

⁷ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 452.

доходящие голенищем до колен, они были самым популярным видом этой обуви⁸). Его товарищ по службе, Петр Мещеряков, заметил эту обновку и заинтересовался, откуда же Махин взял деньги, и тот запросто рассказал о краденном перстне. Вечером 23 декабря 1672 г. товарищи вместе дежурили и из-за чего-то «побранились». Громко ругаясь, они подошли к Съезжей избе, где должны были заступить на караул. В темноте, думая, что их никто не слышит, обиженный Мещеряков припомнил товарищу его кражу. Однако в то же время у избы стоял «новоприбранный» стрелец Нестер Гончаров, который, услышав о краже перстня, немедленно донес воеводе.

Вскоре стрельцы были арестованы и доставлены для суда. На допросе Махин сознался, что украл перстень для того, чтобы купить сапоги сестре, но воевода не только требовал вернуть ему деньги за перстень, но и назвать того, кому он его продал. Градоначальник не верил, что на вырученные деньги стрелец купил сестре только лишь сапоги. Тот действительно сознался, что хотел было приобрести сапоги и себе, но передумал и взял на рынке для сестры еще и новый синий кодман. К сожалению, имя торговца, который приобрел воеводский перстень, Махин «пропамятовал», и даже долгие попытки никакого результата не дали.

В другом эпизоде елецкий посадский человек Савелий Никитин подал жалобу на своего соседа, Федора Кирилловича Красова, где писал: *«В прошлом де в 134 году (т. е. 1626. – Д. Л.) после Светлого воскресенья на пятой недели в пятницу шел я сирота из лавчонки домой, и как я был у его федорова двора, и тот Федор вышел со двора с товарищи своими пьяны и меня сироту бил и грабил, а бив покинул замертво, и снял с меня 40 рублей денег, да зипун лазорев настрафильной⁹ цена 3 рубля, да полукафтанье красное сукно аглицкое, цена 2 рубли с полтиною, да кушак солковой (т. е. шелковый. – Д. Л.), 40 алтын, да шапка червчята изпод соболя с пухом (т. е. с мехом. – Д. Л.), цена – 2 рубля 10 алтын»¹⁰.*

Особую ценность представляют описания дворов, которые составлялись, пока обвиняемые сидели в тюрьме, с целью фиксации имеющегося у них имущества. Показательным в этом отношении является дело о краже бочки меда и всякой «рухляди» в Воронеже у Ивана Семенцова в январе 1676 г.¹¹ 9 января воронежский воевода Парфен Павлович Сомов приступил к расследованию этого дела, и уже на следующий день виновные были найдены. Приведем примеры описания дворов, которые были составлены в ходе этого дела.

«На дворе изба, напротив ее клеть, а промеж избы и клетки сени, забор; да в клетке юфть кожей красных: две казины да ласинка деланые, да 30 аршин холсту посканова¹², пищаль завесная с борошнем¹³, тулуп бараней, два

⁸ Политковская Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI–XVII веках. М., 2004. С. 129.

⁹ Настрафильный – то есть сшитый из настрафили, особого сукна. См.: Щитова О.Г. Лексико-семантическая группа названий тканей в томских деловых документах XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 55–62.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1 Д. 16. Л. 350.

¹¹ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 428. Л. 7–34.

¹² Посконовый – сшитый из посконоины, домотканого холста из волокна конопли.

полога¹⁴ пасконные ветхи, короб, а в нем шапка мужская с соболем вершок красной, да семь холстов мерою 70 аршин, 4 холста аленых мерою 40 аршин, да три софьяна красных¹⁵, да софьян вишневый, да софьян жёлтый, да софьян лазоревый, рубаха желтая, аленая скатерть, да два мотка, да два клубка // черных шёлку, да моток желтого шёлку, да моточик зеленого шёлку, денег 12 алтын 2 деньги, да серьги серебряные, мониста со кресты¹⁶, 5 крестов серебряных, 4 перстни серебряных женских, цепь серебряная, плат кисейной¹⁷, 2 плата аленых, ширинка¹⁸ аленая шита шелком, братина каменная¹⁹, 2 сороки²⁰ золотых : одна новая, а другая ветха ; да в другой коропке два холста посконных, 4 ширинки шиты шелком, 2 платка шапочных аленых белых, 6 сапог скроенных говаяжьих решетных, 2 клубка пряжи, один панской²¹, другой аленой, да на дворе корова рыжа, да свинья, да котел мерной в 6 гривенок»²².

«На дворе изба, а в избе жерновы, коробка, а в ней 4 холста посконных, остаток холстины аленой, платок кисейной, скатерть посконная, покрашена червчатой, понева²³ деланка, рубаха женская льняная, 2 рубахи женские конопные²⁴, 5 моток пряжи суконной синей, полка браная женская, три перстня серебряных женские, железа конские, 6 серпов, 4 блюда деревянные, 3 лошадей: мерин гнедой, кобыла игреня, мерин рыж, 9 овец, 2 коровы, 2 теленка, в гумне хлеба одоня²⁵ ржи копен с 10, одоня гречихи телег с десять»²⁶.

Нами был проведен анализ подобного рода материалов на основе документов ГАВО, а также отдела рукописей РГБ (ОР РГБ. Ф. 204), где хранятся документы приказных изб крепостей Яблонова, Корочи и Карпова. Обработка материалов нами были собраны сведения о предметах одежды жительницы южнорусской крепости. Женское население не уступало по численности мужскому, поскольку подавляющее большинство служилых людей были женаты. В документах обычно упоминаются такие предметы одежды как кодман, посконные и конопляные рубахи, сапоги, паневы, платки, а также персти, «цепи», монисты, головные уборы (шапки, ширинки, сороки).

Статистические данные по женской одежде представлены в диаграмме 1. Эти данные отражают в некоторой степени популярность предметов женской одежды, но, конечно, они носят относительный характер, отражающий

¹³ Пищаль завесная с борошнем – пищаль, которая имела ремень, позволяющий вешать ее за спину.

¹⁴ Полог – большой кусок материи.

¹⁵ Сафьян – особый вид выделанной кожи.

¹⁶ Монисто – ожерелье.

¹⁷ Кисейный – те есть сделанный из кисеи, тонкой прозрачной ткани.

¹⁸ Ширинка – женский головной убор наподобие полотенца. См. подробнее о головных уборах женщин: Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.

¹⁹ Братина – посуда для подачи на стол и питья алкогольных напитков.

²⁰ Сорока – дорогой головной убор замужних женщин, род кички.

²¹ Панской – то есть польский.

²² ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 571. Л. 7–8.

²³ Понёва – женская шерстяная юбка, состоящая из нескольких кусков ткани.

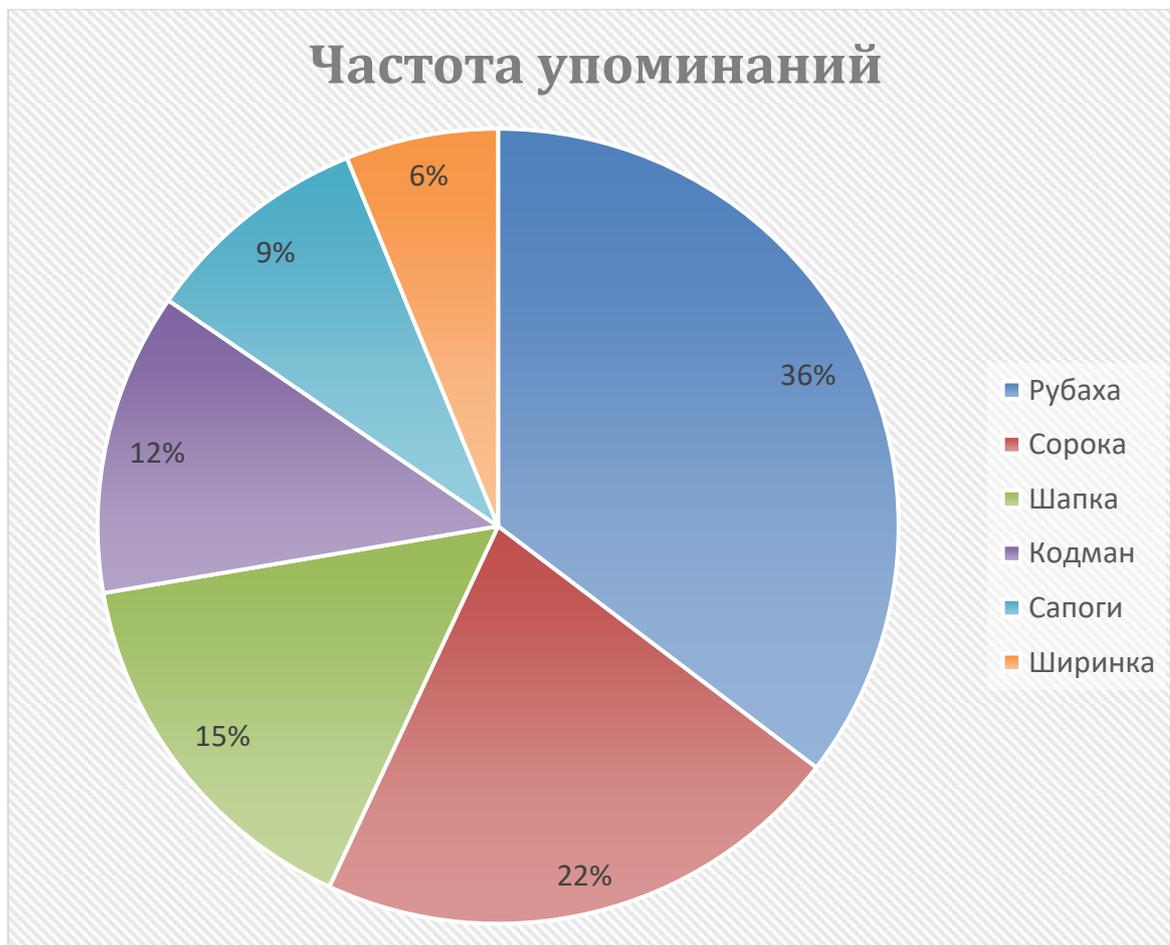
²⁴ Конопные – т. е. конопляные.

²⁵ Одоня (одонья) – способ укладки сена в круглые копыны.

²⁶ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 571. Л. 14.

общие тенденции. Обращает на себя внимание присутствие кодмана – верхней одежды, нехарактерной для центральных и северных регионов страны²⁷.

Диаграмма 1. Части женского костюма (частота упоминаний в процентном соотношении).

Приблизительные представления о том, как мог выглядеть кодман, можно получить, если обратиться к данным государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации (<https://goskatalog.ru/portal/>). В качестве приложения к статье мы приводим иллюстрации из этого собрания.

Итак, самым распространенным элементом женской одежды была рубаха (рис. 1). Представленный на рисунке экспонат относится к концу XIX – началу XX вв., географически он связан с Тульской губернией. Эта рубаха из хлопчатобумажной ткани, с применением тесьмы и кумача, методом ручного ткачества, а вышивка выполнена вручную. Размер рубахи составляет 60 x 71 см, длина рукава – 55 см. Рубаха экспонируется в Тульском областном музее государственного учреждения культуры Тульской области «Тульское музейное объединение».

²⁷ Политковская Е.В. Указ. соч.

Рис. 1. Рубаха женская. Тульский областной музей.

Вторым по частоте упоминаний в документах являлся головной убор сорока (рис. 2). На данном рисунке представлена сорока конца XIX в. из собрания ФГБУК «Российский этнографический музей». География ее происхождения к сожалению, неизвестна.

Кодман (рис. 3) как элемент женского костюма, на наш взгляд, заслуживает отдельного исследования. Из документов мы знаем, что он имел конкретную цветовую характеристику – был синим или красным, однако конкретного описания кодмана XVII в. не сохранилось. Ниже мы приводим фотографию из собрания государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Согласно описанию кодман изготовлен из льна техникой закладного ткачества и аппликации, его длина 52 см, место происхождения – Рязанская область, Сасовский район, с. Салтыково. Время его создания неизвестно. Хранится он в фондах ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалостина».

Рис. 2. Сорока. РЭМ.

Рис. 3. Кодман. Рязанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалостина

Ширинка (рис. 4) представляла собой особый головной убор или широкий платок. На рисунке представлен образец, относящийся к последней трети XIX в. из фондов ФГБУК «Российский этнографический музей». Он создан из холста, льняных и хлопчатобумажных нитей, длина ширинки – 45 см, а ширина – 42 см.

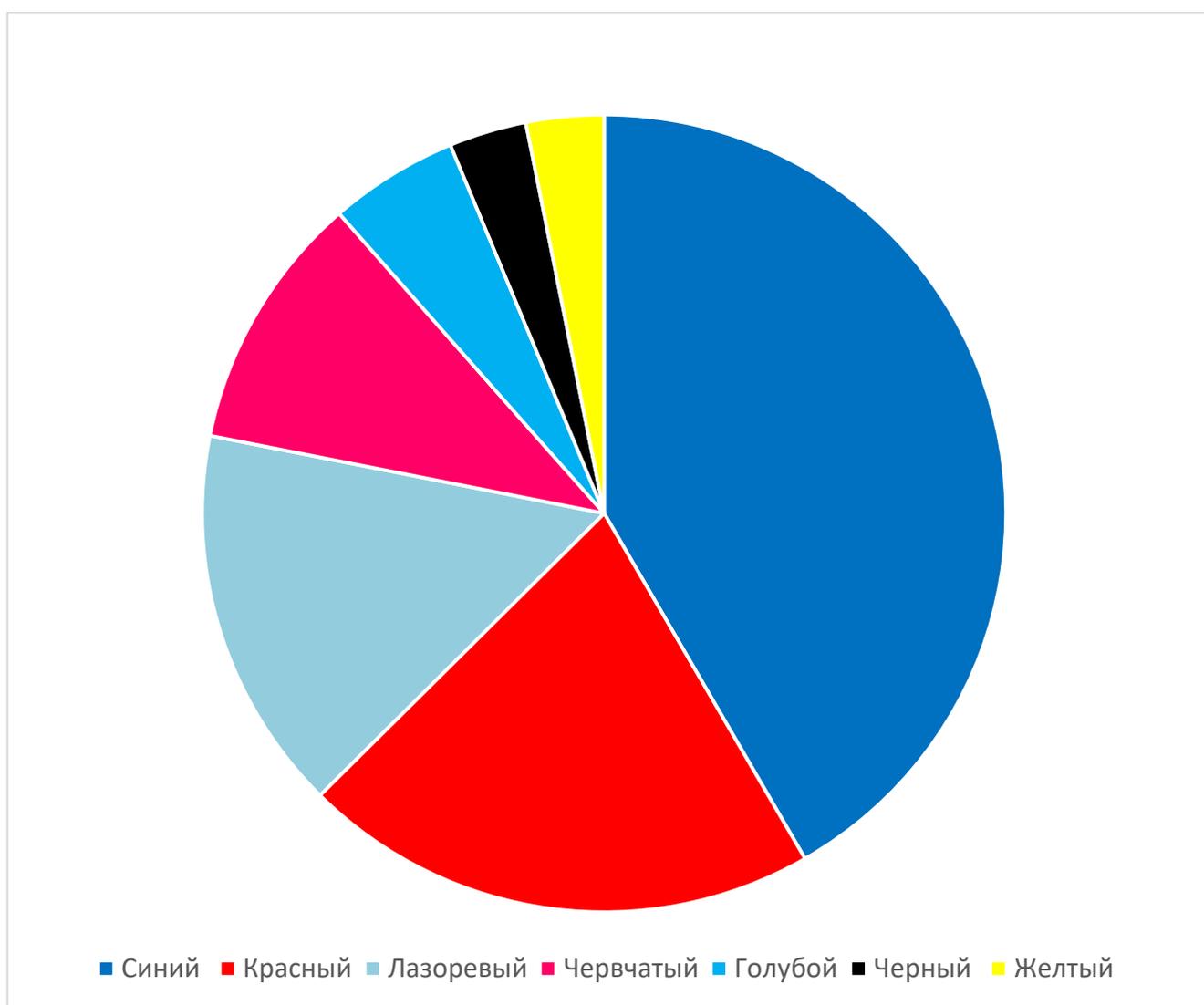

Рис. 4. Ширинка. РЭМ.

Мы не приводим изображения украшений, в частности, монист, крестов и перстней, поскольку типы и виды их были слишком разнообразны, чтобы найти нечто типичное. Монисто, к примеру, могло быть сделано в виде бус, а могло иметь форму подвесного украшения с монетами. Определить, как именно выглядело монисто в южнорусской крепости, пока не представляется возможным.

Вызывают интерес данные цветовой классификации предметов женской одежды: чаще всего встречаем синий, красный, лазоревый, чревчатый (багряный) цвета, реже упоминаются голубой, черный и желтый. Обращает на себя внимание отсутствие зеленого цвета. Вероятно, это связано с отсутствием необходимой краски. Цветовая палитра предметов женского костюма представлена на диаграмме 2.

Диаграмма 2. Цветовая палитра элементов женского костюма.

Яркие цвета народной одежды вообще были весьма характерны для XVII в. Немецкий посланник А. Олеарий в своем сочинении о России отмечает, что русские отдают предпочтение разноцветным одежаниям, а женщины обильно используют косметику²⁸. В свою очередь, голландский путешественник Ян Стрейс писал, что верхняя одежда «москвитов» изготавливается из темно-зеленого, коричневого, фиолетового и красного сукна, также он упоминал о разноцветных зимних шапках простолюдинов²⁹.

²⁸Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 348–352. См. также: Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии / сост. А. Либерман; послесл. С. Шокарев. М., 1997. С. 345.

²⁹Стрейс Ян. Третье путешествие // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреев. М., 2000. С. 333–334.

В целом, из имеющихся документов видим, что население южнорусской крепости предпочитало броские наряды, подчеркивающие индивидуальность. Так, например, у елецкого казака в 1592 г. были похищены: «*однорядка синяя настрафильная..., да кафтан голуб аглинское сукно*»³⁰. В 1677 г. воронежец охарактеризовал украденную у него шапку так: «*вершок синий сермяжной ветхой, а испод овечный*»³¹. В 1678 г. в том же Воронежском уезде украли «*кафтан кумачной черной, а другой кафтан красной*»³². Вспомним, что служилый человек, укравший у воеводы перстень, купил сестре «красные сапоги» и новый синий кодман. В 1626 г. в Ельце была украдена «*шапка червчята изпод соболя с пухом*»³³. В 1627 г. рядовой елецкий пушкарь жаловался, что у него грабители отняли «*шапку вишинёву, цена полтора рубли, да перстень серебряной, цена три гривны, да сорвали крест серебряный позолочен, а промена кресту четыре гривны, да сняли зипун лазорев, цена три рубли, да кушак – полтина*»³⁴. Из описания дворов простых воронежских посадских людей видно, что почти у всех хранились дома выделанные кожи (сафьян), рубахи и скатерти: «*софьян вишневый, да софьян желтый, да софьян лазоревый, рубаха желтая, алая скатерть*»³⁵. В 1592 г. елецкий стрелец жаловался, что у него украли «*платья зеньдень лазорева, да шапка женская тафтяна червчята, да серьги черввец на серебре*»³⁶. Даже посуда имела яркий цвет, например, елецкий помещик в 1592 г. описывал свое имущество: «*15 блюд красных, да 5 братин красных больших, да 10 ставцов красных*»³⁷. У простого стрельца в крепости Короча в 1659 г. были украдены дорогие серебряные вещи³⁸.

На этом фоне яркая женская одежда вполне отражала свою эпоху и прекрасно в нее вписывалась. Хотя она не отличалась типовым разнообразием, но, вероятно, внутри каждого типа была своя индивидуальность. Все это говорит о том, что даже в трудных условиях военного пограничья, в стенах кре-

³⁰ Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / подгот. текста и коммент. В.Н. Глазьев, А.В. Новосельцев; вступ. статья В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001. С. 178.

³¹ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 430. Л. 1.

³² Там же. Д. 315. Л. 8.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 350. Существовала традиция дополнительно украшать головные уборы. Так, шотландский военачальник Патрик Гордон упоминает в своем дневнике, что один избитый солдатами дьяк лишился шапки, унизанной жемчугом, и целой шейной ленты, сделанной также из жемчуга. См.: *Гордон П. Дневник // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреев. М., 2000. С. 158.*

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 317.

³⁵ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 428. Л. 12

³⁶ Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / подгот. текста и коммент. В.Н. Глазьев, А.В. Новосельцев; вступ. статья В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001. С. 43; Зеньдень – хлопчатобумажная ткань, произведенная на Востоке. О серьгах см.: *Жилина Н.В. Серьги в уборе Московской Руси // Археология Подмосковья. 2018. Вып. 14. С. 278–306.*

³⁷ Российская крепость на южных рубежах... С. 87.

³⁸ Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. М., 1859. Кн. 2. С. 21.

пости, женщины стремились сохранить свой традиционный уклад, представления о красоте, индивидуальность и привлекательность.

Литература

Брезгунова В.М. Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 201–208.

Гоголева А.А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII вв.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж: Истоки, 2008. 207 с.

Гордон П. Дневник // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 147–312.

Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 269 с.

Ляпин Д.А. Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 57–64.

Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Социальная организация и формы поведенческих моделей населения южнорусского общества в контексте урбанизации Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // История: Факты и символы. 2017. № 4. С. 7–14.

Политковская Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVII веках. М.: Флинта, 2004. 165 с.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16.

Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии / сост. А. Либерман; послесл. С. Шокарев. М.: Рита–Принт, 1997. С. 231–406.

Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / подгот. текста и коммент. В. Н. Глазьев, А. В. Новосельцев; вступ. статья В. Н. Глазьев, Н. А. Тропин. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. 275 с.

Стрейс Ян. Третье путешествие // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 313–468.

Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. М.: Университетская типография, 1859. Кн. 2. С. 1–256.

А. Э. Жабрева (Санкт-Петербург)

**КОСТЮМ АННЫ БРЕТОНСКОЙ
В ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЖАНА БУРДИШОНА:
К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

В статье рассматриваются миниатюры из «Большой книги часов Анны Бретонской», «Стихотворных посланий Людовика XII и Анны Бретонской» и «Гэнуэзского похода», созданные выдающимся французским художником рубежа XV–XVI вв. Жаном Бурдишоном. Написанные реалистично, с большой точностью и вниманием к деталям, эти изображения позволяют восстановить внешний облик и костюм бретонской герцогини и французской королевы Анны (1477–1514), представлявших собой переходный этап от позднеготических форм к ренессансным. Особое внимание привлекает головной убор королевы, вошедший в историю костюма под названием «бретонского чепца».

Ключевые слова: история костюма, Анна Бретонская, миниатюры рукописей, изобразительные источники

Анна Бретонская (1477–1514) – одна из немногих женщин своего времени, чье имя вписано в мировую историю. Дочь герцога Бретани Франциска II, уже в одиннадцать лет она стала правительницей одной из крупнейших стран Европы. На ее руку претендовали могущественные европейские государи; заочно она была выдана замуж за императора Священной Римской империи, но в результате сложных политических комбинаций последовательно оказалась женой двух французских королей, сначала Карла VIII (1470–1498), а затем его кузена и преемника герцога Людовика Орлеанского (1462–1515), взошедшего на престол в 1498 г. под именем Людовика XII. Причем эта вторая женитьба была оговорена в первом брачном договоре и была основным условием, согласно которому Людовик мог занять французский трон. Дважды коронованная французская королева Анна Бретонская оставалась одновременно и правительницей своей родной страны – герцогства Бретани, и всю жизнь боролась за ее максимальную независимость от французской короны.

Умная, образованная, энергичная женщина, Анна покровительствовала искусствам – по ее заказам работали живописец Жан Бурдишон (1457–1521), скульптор Мишель Коломб (ок. 1430 – после 1512), поэт Жан Маро (1483–1526); любила музыку, собирала шпалеры и роскошные декоративные ткани, драгоценные камни и рукописи, сама умела шить и вышивать. Женская судьба

ее была драматична: лишь во втором браке выжили две ее дочери, старшая из которых стала следующей королевой Франции.

Анна не была особенно красива, но это была истинная правительница с чувством собственного достоинства и величия, что особенно ярко проявилось во время ее второго замужества. Несмотря на частые роды, ее талия оставалась тонкой, а грудь маленькой. Головной убор из черного бархата с вышивкой оттенял белизну ее лица. В качестве гербовой фигуры она использовала фамильные бретонские горностаи и шнур (кордельер) Франциска Ассизского, который носила в качестве пояса¹.

Имя Анны Бретонской вошло и в историю костюма: она впервые надела на свадьбу белое платье, которое в то время считалось траурным², явилась родоначальницей ортопедической обуви, поскольку, имея одну ногу короче другой, носила на ней обувь на толстой подошве; будучи исключительно преданной своей родине, всю жизнь ходила в «бретонском чепце», чем способствовала его введению во французскую и общеевропейскую моду³. Для высоко нравственных вдов в 1498 г. королева основала Орден Шнура, или Орден опоясанных дам (*Ordre de la Cordilière*)⁴. Исследование изобразительных источников позволяет уточнить некоторые из этих утверждений.

Надо заметить, что короткая, около 37 лет, но полная событий жизнь Анны Бретонской постепенно обросла легендами, стала предметом многих научных исследований и литературных сочинений⁵. Так, диссертация К. Мишель Хирни полностью построена на изучении текстов и миниатюр трех рукописей – «Описание коронавания и въезда в Париж Анны Бретонской», «Жизнеописание известных женщин» и «Генуэзский поход»⁶. Чрезвычайно интересен документальный и иллюстративный материал, опубликованный в альбоме-каталоге выставки, приуроченной к 530-летию со дня рождения Анны (Замок бретонских герцогов – музей истории г. Нанта, 2007 г.)⁷. В этом издании воспроизведены портреты королевы и ее супругов, документы, книжные миниатюры, свидетельства современников и др. Текстовая часть каталога разделена на несколько глав, среди которых «Была ли красавицей Анна Бре-

¹ Bertière S. Les reines de France au temps des Valois. Paris, 1994. [Pt. 1] "Le beau XVIe siècle". С. 135–136.

² См. например: Костюмы народов с древности до XIX века: иллюстрации А. Кречмера. М., [Б.г.]. С. 124; Суржанская В.Р., Докучаева Т.Ю., Мурашова Н.В. Формозадающие конструкции свадебных платьев // Всероссийская научно-практическая конференция «Диск-2018»: сб. материалов. М., 2018. Ч. 1. С. 36.

³ Например: Le Roux de Lincy A. Détails sur la vie privée d'Anne de Bretagne, femme de Charles VIII et de Louis XII // Bibliothèque de l'école des chartes. 1850. Т. 11. С. 163.

⁴ Anne de Bretagne: une histoire, un myth. Paris [etc.], 2007. С. 57.

⁵ Например: Виляр де Монфокон. Анна Бретонская, или Любовь без слабости: ист. повесть: пер. с фр. СПб., 1765; *Tourault Ph.* Anne de Bretagne. Paris, 2004. 336 p.; *Gabory É.* Anne de Brétagne, duchesse et reine: l'union de la Brétagne a la France. Paris, 1941

⁶ *Hearne K.M.* Anne de Bretagne (r. 1491–1514): images of medieval queenship in early modern France : dissertation ... doctor of Philosophy in Art History in the Graduate School of Binghamton University. New York, 2002; *Козандей Ф.* Анна Бретонская и монархические церемонии: репрезентация королевы Франции на рубеже XV–XVI веков (пер. А.В. Стоговой) // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 49–61.

⁷ Anne de Bretagne: une histoire, un myth. Paris [etc.], 2007.

тонская» и «Иллюминированные рукописи Анны Бретонской: драгоценные книги или инструменты пропаганды», содержащие важную информацию для данной работы.

Внешний облик Анны Бретонской запечатлен в живописи (миниатюрный портрет работы Жана Перреалея, 1495 г., Национальная библиотека Франции⁸; парные портреты Карла VIII и Анны Бретонской неизвестного мастера, Замок Ланже, Франция); медальерном искусстве (барельеф на медали, посвященной ее бракосочетанию с Людовиком XII, 1499⁹); скульптуре (надгробие в аббатстве Сен-Дени – усыпальнице французских королей) и др. В собрании Государственного Эрмитажа находятся выполненные с натуры два карандашных рисунка работы Бурдишона, запечатлевшие Карла VIII и Анну Бретонскую после их бракосочетания в замке Ланже (1491 г.)¹⁰.

Изображения королевы попали и на страницы иллюминированных рукописей, в том числе «Описания коронации и въезда в Париж Анны Бретонской»¹¹. Существуют несколько экземпляров рукописной книги с описанием ее торжественного погребения, которое отличалось невиданной ранее пышностью¹². Характеристика одного из них дана Хеленой М. Блём¹³. Перечень оригинальных, в основном прижизненных изображений Анны Бретонской собрал и опубликовал еще в 1936 г. французский историк Эмиль Габори (1872–1954)¹⁴, автор одного из фундаментальных исследований о ней¹⁵.

Предметом настоящего исследования являются портреты Анны Бретонской на книжных миниатюрах, сделанных французским придворным художником и рисовальщиком Жаном Бурдишоном, который считается учеником знаменитого Жана Фуке (ок. 1420–1481). Художник оформлял придворные празднества, был автором алтарных картин, портретистом и видным представителем французской школы книжной миниатюры. Историк искусства С.Ф. Кудрикова справедливо отметила, что «многие композиции Ж. Бурдишона отличаются подробным описанием деталей обстановки, предметов повседневного обихода, костюмов, оружия, что позволяет рассматривать их как своеобразные художественно-исторические документы эпохи»¹⁶.

⁸ Полностью портрет опубликован в изд.: *Anne de Bretagne: une histoire, un myth.* Paris [etc.], 2007. С. 43. Портрет в обрезанном виде опубликован в изд.: *Кудрикова С.Ф.* Франция, XV–XVIII века: биограф. слов. СПб., 2010. С. 79. Редкая публикация в цвете парных портретов короля и королевы осуществлена в каталоге: *Avril F., Reynaud N.* Les manuscrits à peintures en France, 1440–1520. Paris, 1993. С. 367.

⁹ Опубликованы в изд.: *Anne de Bretagne: une histoire, un myth.* Paris [etc.], 2007. С. 45.

¹⁰ Опубликованы в изд.: *Кудрикова С.Ф.* Указ. соч. С. 35; *Мальцева Н.Л.* Французский карандашный портрет XVI века. М., 1978. С. 41.

¹¹ *Description du couronnement et de l'entrée à Paris d'Anne de Bretagne.* Paris, vers 1505.

¹² Об этом подробнее в изд.: *Anne de Bretagne: une histoire, un myth.* Paris [etc.], 2007. С. 95–96.

¹³ *Bloem H.M.* The processions and decorations at the royal funeral of Anne of Brittany // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance.* 1992. Т. 54, № 1. С. 131–160.

¹⁴ *Gabory É.* Iconography d'Anne de Bretagne // *Bulletin de la Societe Archeologique et Historique de Nantes et de la Loire-Inferieure.* 1936. Т. 76. С. 93–103.

¹⁵ *Gabory É.* Anne de Brétagne, duchesse et reine: l'union de la Brétagne a la France. Paris, 1941.

¹⁶ *Кудрикова С.Ф.* Указ. соч. С. 34.

Одной из главных работ Бурдишона в качестве иллюстратора стала «Большая книга часов Анны Бретонской»¹⁷ – иллюминированная рукопись, создававшаяся приблизительно в 1503–1508 гг. (Национальная библиотека Франции). Кодекс, написанный на пергамене, содержит 476 страниц, 49 больших миниатюр и более 300 изображений животных, растений и насекомых на полях. На миниатюрах представлены сцены из Евангелия, изображения святых, портреты короля и королевы, собирательные образы мужчин и женщин. Тщательно и реалистично выписаны детали одежд, фактуры и узоры тканей, отделки и застежки, формы головных покрывал и много другого чрезвычайно ценного для понимания особенностей костюма той эпохи. И судя по тому, как точно художник запечатлел растения и насекомых, изображениям костюмов можно тоже доверять.

Рукопись уже почти два века привлекает к себе внимание. Французский историк, архивист Альбер Лесуа де Ля Марш (1839–1897) определил имя ее создателя, опираясь на документ о выплате Бурдишону в 1508 г. вознаграждения за создание Книги часов для королевского употребления¹⁸. Он высоко оценил художественные достоинства памятника, в частности миниатюры с портретом королевы Анны, коленопреклоненной во время молитвы (рис. 1).

Этот портрет помещен на второй миниатюре кодекса. С.Ф. Кудрикова писала: «Бурдишон правдиво запечатлел черты лица Анны (высокий лоб, крупный нос, большие глаза с тяжелыми веками, двойной подбородок), однако, смягчив их, акцентировал задумчивый, сосредоточенный взгляд королевы, чтобы придать ее облику благородный и возвышенный характер»¹⁹. Сравнивая это портрет с карандашным рисунком, хранящимся в Эрмитаже (рис. 2), нетрудно заметить их чрезвычайное сходство. На миниатюре, конечно, женщина выглядит более эффектно, как того требовала эстетика рубежа XV–XVI вв.: королева не могла быть некрасивой ибо внешняя красота отождествлялась с внутренним благородством, достоинством и высоким положением²⁰. Рассмотрим внимательнее костюм Анны Бретонской.

¹⁷ *Horae ad usum Romanum, dites Grandes Heures d'Anne de Bretagne*. Tour, 1505–1510.

¹⁸ *Lecoq de la Marche A. Les manuscrits et la minianure*. Paris, s.a. [1890]. С. 240–243, 242.

¹⁹ *Кудрикова С.Ф. Указ. соч.* С. 35.

²⁰ Подробнее об этом: *Anne de Bretagne: une histoire, un myth*. Paris [etc.], 2007. С. 40–47.

Рис. 1. Жан Бурдишон. Анна Бретонская за молитвой. Миниатюра из рукописи «Большая книга часов Анны Бретонской», 1505–1510. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52500984v/f1.image.double>.

Рис. 2. Жан Бурдишон. Портрет Анны Бретонской. По изд.: Мальцева Н.Л. Французский карандашный портрет XVI века. М., 1978. С. 41.

Наряд молодой женщины многослоен. Белоснежная сорочка едва видна в линии декольте и на запястьях, но очевидно, что она сделана из тончайшего полотна, ее рукава свободные и длинные, собраны в мелкие складочки. Следующий слой – бордового цвета платье-корт, лишь рукава которого видны зрителю. Они тоже достаточно свободные и придерживаются узкой манжетой из золотой ткани или галуна. Верхнее платье (роб или сюркотт²¹) сшито из драгоценной золотой ткани с мелким волнистым орнаментом. Узкий лиф плотно и ровно охватывает торс, нивелируя линии тела, вырез сделан в форме каре, горизонтальная линия которого слегка выгнута кверху, а углы немного опущены. Юбка роб довольно свободная, с небольшим шлейфом. Мягкость и глубина драпировок свидетельствует об отсутствии жесткого каркаса под ней. Платье подбито коричневым, вероятно, собольим мехом, который виден в заломах шлейфа и нешироких отворотах крылообразных рукавов. Линия талии подчеркнута сиреневатым пояском. Шею королевы украшает ожерелье: черные камни и белые жемчужины равномерно размещены на золотой пластине. Такое же, но бордового цвета платье Анны Бретонской показано на небольшой миниатюре, которая иллюстрирует месяц апрель в этой же Книги часов (рис. 3).

Кисти Бурдишона принадлежат также миниатюры из рукописи начала XVI в. «Стихотворные послания Людовика XII и Анны Бретонской» (Российская национальная библиотека, С.-Петербург)²². Рукопись, заказанная, как предполагается, самой королевой, включает 112 листов, 11 полностраничных миниатюр. Некоторые из них опубликованы в изданиях Российской национальной библиотеки²³. Миниатюры предваряют одиннадцать стихотворных текстов, написанных разными авторами, эти рисунки необычайно ценны для истории материальной культуры и костюма рассматриваемого периода.

На первой из миниатюр изображена королева, сидящая за складным столом в своей опочивальне²⁴ (рис. 4). Утирая слезы белым платком, она пишет письмо супругу, находящемуся в Италии. Королева одета в платье-роб из черного бархата, его юбка и отвороты рукавов подшиты пушистым темно-коричневым мехом. Небольшой шлейф мягкой юбки лежит на полу, на нем уютно устроилась белая собачка – символ супружеской верности. Декольте

²¹ Даже в хрестоматийном труде М.Н. Мерцаловой (*Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: [в 4 т.]. М.; СПб., 1993. Т. 1. 543 с.*) нет единообразия в употреблении этих терминов: в основном тексте, посвященном характеристике костюма начала XVI в. верхнее платье названо словом «роб» (с. 376), а в описании миниатюры «Аристократы» Бурдишона употреблено «сюркотт» (с. 369).

²² *Epistres en vers françois dediees a Anne de Bretagne et Louis XII: manuscript. Tour, vers. 1512.* Манускрипт представляет собой сборник стихов, имитирующих переписку королевы и Людовика XII. Подробная характеристика этой рукописи приведена в статье: *Маршандис А., Дюмон Д.* Рукопись FR. F. V. XIV, 8 из Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга: литературный и исторический анализ // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2013. № 3 (33). С. 33–51.

²³ *Voronova T. P., Sterligov A.* Western European illuminated manuscripts of the 8th to 16th centuries in the National Library of Russia, St Petersburg. Bournemouth: St Petersburg, 1996. С. 244–251; *French miniatures 13th–16th centuries = Французская миниатюра XIII–XVI веков.* Л., 1984. 1 л. обл., 16 откр.

²⁴ *Voronova T, Sterligov A.* Указ. соч. С. 248.

квадратной формы обшито золотой тесьмой, из-под него виден край белой сорочки. На талии виден узел синего шнура. Шею украшает крупная подвеска на цепочке.

Рис. 3. Жан Бурдишон. Анна Бретонская плетет венок для Людовика XII. Миниатюра из рукописи «Большая книга часов Анны Бретонской», 1505–1510. Фрагмент. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52500984v/f1.image.double>

Головной убор представляет собой бретонский чепец с дополнением в виде прямоугольного куса бархата, закрепленного на темени и спускающегося на лоб. Представленный на данной миниатюре наряд можно рассматривать как повседневный, но, конечно, не траурный. Исследователи отмечали скромность повседневных нарядов королевы и что дамы, желавшие ей угодить, носили такие же²⁵. Сложилась даже своеобразная придворная униформа. Сидящие неподалеку дамы и девицы из свиты Анны Бретонской, одеты аналогичным образом в сиреневатые и коричневые платья, декольте которых обрамлены широкими вставками черного бархата. Отвороты рукавов черного или белого цвета. Головные уборы, бретонские чепцы из черного сукна или бархата, отделаны по переднему краю золотыми накладками или шитьем; под ними закреплены полосы белой или черной материи также с отделкой. У многих на груди золотые цепи разной ширины или цепочки с крестами.

²⁵ *Quicherat J.* Histoire du costume en France depuis temps les plus reculés jusqu'a la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1875. С. 338.

Рис. 4. Жан Бурдишон. Анна Бретонская пишет письмо Людовику XII. Миниатюра из рукописи «Стихотворные послания Людовика XII и Анны Бретонской». Ок. 1510 г. По изд.: French miniatures 13th–16th centuries. Л., 1984.

На миниатюре, помещенной перед пятым фрагментом из «Стихотворных посланий», Анна представлена в платье аналогичного кроя, но сшитом из светлых материалов²⁶ (рис. 5). Бурдишон изобразил платье-роб королевы сделанным из золотисто-желтой парчи с красноватыми узорами в виде цветов граната, а отвороты рукавов и опушку подола – из меха горноста. Узкой полоской того же меха обшито каре выреза, а его край обработан черной полосой. На голове Анны ее излюбленный «бретонский чепец». На этом миниатюре он сдвинут к темени и открывает светлые волосы надо лбом. Собственно чепец изготовлен из красной ткани, обшит черной полосой с золотыми заклепками и белой тканью вокруг лица. Черное покрывало по лицевой части тоже украшено золотыми круглыми заклепками. На шее массивное ожерелье. Придворные дамы, сидящие у ног королевы, одеты в такие же красные и коричневые платья, отличающиеся лишь формой вставок на декольте и цветом отворотов рукавов. Все заняты рукоделием. Любопытно, что на одной из миниатюр манускрипта аллегорическое изображение Благодетельства практически повторяет облик Анны Бретонской. Черты лица несколько изменены, и бретонский чепец заменен золотистой сеткой, но платье повторено полностью: цвет и орнамент ткани, фасон платья, горностаевый мех рукавов²⁷.

Надо заметить, что подобный же наряд в качестве образцового для высокопоставленных дам запечатлен Бурдишоном на миниатюре «Аристократы» в рукописной книге «Четыре сословия общества» («*Quatre états de la société*»). Высшая национальная школа изящных искусств, Париж) (рис. 6). Мать и дочь изображены в одинаковых платьях и головных уборах, точь-в-точь повторяющих костюм Анны Бретонской²⁸. Отметим, что женский костюм этого времени состоял из следующих деталей: шоссов (штанов), чулок и подвязок к ним, туфель, сорочки, домашнего/нижнего платья-кот, выходного платья-роб, чепца, пояса, воротника или шейной накидки и дополнений (кошелька, кольца, ножика, перчатки, гребня и др.)²⁹ (рис. 7).

На миниатюре, предваряющей третье письмо из «Стихотворных посланий», изображено выходное платье королевы с разрезной юбкой³⁰ (рис. 8). Анна Бретонская сидит в золоченом кресле под балдахинном и вручает послание коленапреклоненному гонцу. Рядом с ним стоит один из вельмож, за ним толпятся придворные дамы. Королева одета ярко и роскошно. На этот раз юбка ее верхнего платья не зашита спереди, поэтому нижнее платье из серебряной парчи выступает четким треугольником и дополняет цветовую гамму костюма. Платье-роб сшито из алой ткани, отвороты рукавов и подкладка из плотной золотой парчи. Жесткий лиф и мягкая юбка, бретонский чепец, подвеска на груди, окантовка декольте черной тканью – все это детали устоявшегося женского костюма французского двора начала XVI в. К сиреневатому шнуру на поясе прикреплены крупные четки.

²⁶ *Voronova T, Sterligov A.* Указ. соч. С. 248.

²⁷ Там же. С. 247.

²⁸ *Мерцалова М.Н.* Указ. соч. С. 364.

²⁹ *Quicherat J.* Указ. соч. С. 334–337.

³⁰ *Добиаши-Рождественская О.А.* История книжного искусства. История письма в средние века. М., 1987. С. 267, ил. 63; *Voronova T, Sterligov A.* Указ. соч. С. 248.

Рис. 5. Жан Бурдишон. Анна Бретонская пишет письмо Людовику XII. Миниатюра из рукописи «Стихотворные послания Людовика XII и Анны Бретонской». Ок. 1510 г. По изд.: Voronova T, Sterligov A. Western European illuminated manuscripts of the 8th to 16th centuries in the National Library of Russia, St Petersburg. Bournemouth: St Petersburg, С. 248.

Рис. 6. Жан Бурдишон. Аристократы. Миниатюра из рукописи «Четыре состояния общества». По изд.: Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: [в 4 т.]. М.: СПб., 1993. Т. 1. С. 364.

Рис. 7. Дама, одетая по моде 1490 г. и дама, одетая по моде 1510-х гг. Прорисы миниатюр из манускриптов Национальной библиотеки Франции. По изд.: Quicherat J. Histoire du costume en France depuis temps les plus reculés jusqu'а la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1875. С. 338.

Похожая по композиции сцена изображена на выходной миниатюре манускрипта «Генуэзский поход» (ок. 1508 г. Национальная библиотека Франции) – стихотворного описания победоносной осады Генуи Людовиком XII в 1507 г., автором которого был придворный поэт Жан Маро, а миниатюры написаны Бурдишоном³¹. Миниатюры изображают отдельные эпизоды битвы, Людовика XII в парадных доспехах, генуэзцев. На выходной миниатюре королева представлена сидящей на троне, а коленопреклоненный автор вручает ей книгу³² (рис. 9). Анна облачена в котт из золотой парчи, ее роб – из пунцовой ткани, с разрезной спереди юбкой, полы которой, также как и отвороты рукавов, отделаны темно-коричневым мехом. Ее шею украшает богатое ожерелье. В таком же стиле оформлена отделка переднего края черного покрыва-

³¹ *Marot J. Le Voyage de Gênes. Tour, vers 1507–1508.*

³² Миниатюры этой книги частично опубликованы в разных изданиях. Описываемая здесь миниатюра публикуется редко. Она обнаружена в цветном исполнении в каталоге (Anne de Bretagne...С. 89) и в виде гравюры (Histoire populaire de la France. Paris, s.a. Т. 2. С. 135). В настоящее время книга оцифрована.

ла на голове. Чепец выполнен из золотой и алой материй или галуна. Талия опоясана синим поясом, к которому прикреплены крупные, возможно, коралловые четки с золотой кистью внизу.

Историк французского костюма Ж.Э.Ж. Кишра (1814–1882) писал, что первые платья-роб, разрезные от подола до талии, появились 1500 г., а их длина уменьшилась до пола³³. Но, судя по изображениям на миниатюрах из «Стихотворных посланий», «Генуэзского похода» и других изобразительных источников, такая распашная юбка была привилегией только королевы Анны. Ни одна другая дама, даже ее дочери, не запечатлены в разрезных робах. Можно предположить, что эта исключительная форма юбки изначально делалась для облегчения движений королевы, имевшей одну ногу короче другой.

Обратим внимание на то, что Анна на всех своих портретах изображена в головном уборе, так называемом «бретонском чепце» (также «темплет», «шаперон», «куаф»). Он состоит из двух деталей. Собственно чепец, видимо, достаточно жесткий, прикрывал темя, затылок и уши и отделялся по переду полосой белоснежной плюсовой ткани, а также золотым галуном или круглыми нашивками. Вторая часть состояла из черного бархатного или суконного покрывала, гладко покрывающего голову и спускающегося к плечам и на спину. Покрывало спереди окаймлено галуном или ювелирными розетками с вставками черного поделочного камня вдоль переднего края. Другие изображения Анны и ее придворных дам помогают понять длину этого головного убора, который или кроился по-разному, или укладывался разными способами на голове. Боковые части (более короткие, чем заднее полотнище) оказываются то разложенными на плечах, то подоткнутыми под ожерелье, то ровными, то скругленными. На некоторых миниатюрах темплет дополняется третьей деталью – черной тканью, сложенной прямоугольником, которая закреплялась на темени и спускалась на лоб и на затылок.

Бретонским назван наряд Анны в целом у А. Лесуа де ля Марша³⁴. Но крупные исследователи французского костюма Ж.Э.Э. Кишра (1814–1882) и А.Ш. Расинэ (1825–1893) этот термин не используют³⁵. Прижившийся при дворе королевы Анны, этот головной убор стал рассматриваться как французский и под этим названием фигурирует в некоторых изданиях по истории костюма, например, у Л. Кибаловой³⁶. К.М. Хирни по-английски называет его «coif» («куаф»), то есть чепец. Бретонским назвала аналогичный убор испанской принцессы Хуанны Безумной ведущий исследователь костюма М.Н. Мерцалова³⁷.

³³ *Quicherat J.* Указ.соч. С. 337.

³⁴ *Lecoq de la Marche A.* Указ. соч. С. 242.

³⁵ *Quischera J.* Указ.соч.; *Racinet A.* Le costume historique. Т. 4: Planches et notices 201 à 300. [л. 241об – 242]. Комментарии к иллюстрациям «Europa XV–XVIe siècle».

³⁶ *Kybalova L., Herbenova O., Lamarova M.* Das Grosse Bilderlexikon der Mode; vom Altertum zur Gegenwart. Praha, 1981. С. 151, ил. 202.

³⁷ *Мерцалова М.Н.* Указ. соч. С. 337.

Рис 8. Жан Бурдишон. Анна Бретонская вручает послание гонцу. По изд.: Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века: руководство к изучению лат. палеографии. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 267, ил. 63.

Рис. 9. Жан Бурдишон. Жан Маро вручает Анне Бретонской книгу «Генуэзский поход». Выходная миниатюра из кн.: Marot J. *Le Voyage de Gênes*. Tour, vers 1507–1508. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8427230m/f1.planchecontact>.

Действительно головные уборы на многих женских портретах последней четверти XV – начала XVI в. полностью или частично повторяют «бретонский чепец». Например, в похожем уборе запечатлена юная Маргарита Австрийская (Мастер из Мулена, 1490. Нью-Йорк, коллекция Леман)³⁸: нижняя деталь плотно облегает темя и спускается на уши, верхняя представляет собой покрывало из золотистой сетки с кисточками по нижнему краю. Черная бархатная полоса с отделкой из драгоценных камней в обрамлении золотых нитей является то ли отворотом этой сетки, то ли отдельной деталью, совсем узкой на темени с плавным расширением к плечам. Поскольку в 1490 г. Анна Бретонская не являлась еще французской королевой, ее влияния, как герцогини Бретани, находящейся на грани завоевания, едва ли хватило бы для создания такой специфической моды. К 1500 г. относится портрет девушки (Мастер и Мулена. Париж, Лувр), запечатлевший юную особу в чепце сходной формы, но чрезвычайно простом по материалам, что говорит о распространении его не только в аристократической среде³⁹.

Данный фасон своим прообразом имеет, очевидно, тот отворот из черной ткани, которым дополнялись позднеготические эннены, запечатленные на портретах Марии Бургундской (ок. 1480 г.)⁴⁰ и Жанны де Лаваль (ок. 1479 г.)⁴¹: тульи конусообразной или скругленной формы прикрыты отвернутыми кверху и спускающимися на спину полостями черного бархата. Дальнейшая эволюция убора привела к ликвидации боковин и формированию вокруг головы жесткой детали в виде небольшого кокошника с черной вуалью, называвшегося французским чепцом («френч-худ»).

На всех рассмотренных изображениях заметен пояс, похожий на кусок веревки синего или сиреневатого цвета. Мотив шнура, или веревки (фр. «corde», «кордельер»), служившей поясом монахам-францисканцам, появился в Бретани во времена герцога Франциска I (1414–1450), деда Анны Бретонской. Он украшал интерьеры, щиты, книги бретонских герцогов и стал персональным знаком герцогини. К нему королева прикрепляла четки, свисавшие длинной кистью по переднему полотнищу юбки. Этот шнур синего цвета встречается и на других изображениях Анны Бретонской. Он служил особым символом королевы, так же как цепь Ордена св. Михаила была регалией короля⁴². Другие дамы носили золотые цепочки. Впоследствии термин «кордельер» стали использовать для обозначения богатого украшения в виде длинной золотой цепочки, обвивавшей талию и спускавшийся почти до подола юбки⁴³. Такая драгоценность бытовала в аристократическом костюме XVI в.

Подводя итоги, следует сказать, что портреты королевы Анны, сделанные Жаном Бурдишоном, выявлены в трех манускриптах: «Большая книга часов Анны Бретонской», «Стихотворные послания Людовика XII и Анны Бретонской» и «Генуэзский поход». Все они относятся ко времени второго заму-

³⁸ Опубликовано в изд.: *Мальцева Н.Л.* Указ. соч. С. 45.

³⁹ Опубликовано в изд.: *Мальцева Н.Л.* Указ. соч. С. 5, ил. 44.

⁴⁰ *Мерцалова М.Н.* Указ. соч. С. 221.

⁴¹ *Кудрикова С.Ф.* Указ. соч. С. 11.

⁴² *Anne de Bretagne: une histoire, un myth.* Paris [etc.], 2007. С. 57.

⁴³ *Bradley C.G.* Western world costume: an outline history. London, 1954. С. 174.

жества Анны, т.е. к первому десятилетию XVI в., и, вероятно, заказаны ею самой. Можно предположить, что художник согласовывал с королевой свою работу, руководствовался ее пожеланиями в изображении ее внешности и нарядов. Как бы то ни было, мастерство одного из лучших живописцев своего времени позволяет говорить о высокой достоверности изображений и рассматривать их как надежный изобразительный источник по истории костюма начала XVI в.

Бурдишон запечатлел костюм, переходный от готического к ренессансным: на смену треугольному вырезу пришло каре, линия талии опустилась на естественное место, узкий рукав стал расширяться книзу, приобретая крылообразную форму и большой отворот. Но если лиф уже делался жестким, создавая идеальные пропорции ровно сужающегося к талии стана, то юбка еще оставалась мягкой, драпированной, с небольшим шлейфом по старой традиции. Вариант с разрезной юбкой верхнего платья, в то время был, судя по миниатюрам, привилегией королевы: ни одна дама, даже ее дочери, не изображены в подобном наряде. В дальнейшем разрезная юбка прочно войдет в аристократический дамский европейский костюм.

Миниатюры Бурдишона послужили источниками для создания гравюр, опубликованных в изданиях по истории и искусству Франции⁴⁴, ряда костюмных гравюр первой трети XIX в.⁴⁵ Таким образом, начало XVI в. в истории костюма прочно ассоциируется с именем Анны Бретонской.

Литература

Виляр де Монфокон. Анна Бретанская, или Любовь без слабости: ист. повесть: переведена с фр. СПб.: [тип. Сухопут. кад. корпуса], 1765. [4], 156 с.

Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века: руководство к изучению лат. палеографии. 3-е изд., доп. М.: Книга, 1987. 319 с. (История книжного искусства: моногр. и очерки).

Козандей Ф. Анна Бретонская и монархические церемонии: репрезентация королевы Франции на рубеже XV–XVI веков / пер. А.В. Стоговой // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 49–61.

Кудрикова С.Ф. Франция, XV–XVIII века: биогр. слов. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика» 2010. 592 с.

Мальцева Н.Л. Французский карандашный портрет XVI века. М.: Искусство, 1978. 239 с.

Маршандис А., Дюмон Д. Рукопись FR. F. V. XIV, 8 из Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга: литературный и исторический анализ // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. 2013. № 3 (33). С. 33–51.

⁴⁴ *Lecoq de la Marche A.* Указ. соч. С. 242; *Quicherat J.* Указ. соч. С. 338; *Histoire populaire de la France.* Paris, s.a. T. 2. С. 135. В этом издании помещены и другие изображения Анны Бретонской, созданные художниками XIX в.

⁴⁵ *Anne de Bretagne: une histoire, un myth.* Paris, 2007. С. 188.

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: [в 4 т.]. М.: Акад. моды; СПб.: Чарт пилот. 1993. Т. 1. 543 с.

Суржанская В.Р., Докучаева Т.Ю., Мурашова Н.В. Формозадающие конструкции свадебных платьев // Всероссийская научно-практическая конференция «Диск-2018»: сб. материалов / ФГБОУ ВО «Рос. гос. ун-т им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); редкол.: О.В. Кащеев и др. М., 2018. Ч. 1. С. 36–39.

Anne de Bretagne: une histoire, un myth: [a l'occasion de l'Exposition produite par le Château des duc de Bretagne – Musée d'histoire de Nantes]. Paris [etc.]: Somogy, éd. d'art [etc.], 2007. 206 p.

Avril F., Reynaud N. Les manuscrits à peintures en France, 1440–1520: [publ. à l'occasion de l'expos. “Quand la peinture était dans les livres. Les manuscrits enluminés en France, 1440–1520”, Bibl. nat., 16 oct. 1993 – 16 jan. 1994]. Paris: Flammarion: Bibl. nat. de France, 1998. 440 p.

Bertière S. Les reines de France au temps des Valois. [Pt. 1] “Le beau XVIe siècle”. Paris: Editions de Fallois, 1994. 417 p.

Bloem H.M. The processions and decorations at the royal funeral of Anne of Brittany // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1992. Т. 54, № 1. P. 131–160. URL: <https://www.jstor.org/stable/20679245> (дата обращения: 6.10.2021).

Bradley C.G. Western world costume: an outline history. London: Peter Owen Ltd, 1954. 451 p.

Description du couronnement et de l'entrée à Paris d'Anne de Bretagne: [manuscript] / enlumineur: Maître de la Chronique scandaleuse. Paris, vers 1505.

Epistres en vers françois dediees a Anne de Bretagne et Louis XII: manuscript / J. Lemaire de Belges, F. Andrelibni etc., enlumineur: J. Bourdichon. Tour, vers. 1512. 112 f.

French miniatures 13th–16th centuries = Французская миниатюра XIII–XVI веков: [набор откp.] / Гос. Публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; авт.-сост. Т. Воронова. Л.: Аврора, 1984. 1 л. обл., 16 откp.

Gabory É. Anne de Brétagne, duchesse et reine: l'union de la Brétagne a la France. Paris: Pilon, 1941. 289 p.

Gabory É. Iconography d'Anne de Bretagne // Bulletin de la Societe Archeologique et Historique de Nantes et de la Loire-Inferieure. 1936. Т. 76. P. 93–103.

Hearne K.M. Anne de Bretagne (r. 1491–1514): images of medieval queenship in early modern France: dissertation ... doctor of Philosophy in Art History in the Graduate School of Binghamton University: [электрон. ресурс] / State University of New York. New York, 2002. 378 p. UMI number: 3074488. URL: <https://www.proquest.com/pqdtglobal/docview/305434631/D91B3B8B957F45C5PQ/1?accountid=28464> (дата обращения: 12.08.21).

Histoire populaire de la France. Paris: Ch. Lahure, 1862. Т. 2. 416 p.

Horae ad usum Romanum, dites Grandes Heures d'Anne de Bretagne: manuscript / enlumineur J. Bourdichon. Tour, 1505–1510. 238 f. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52500984v/f1.image.double> (дата обращения: 2.08.21).

Kybalova L., Herbenova O., Lamarova M. Das Grosse Bilderlexikon der Mode: vom Altertum zur Gegenwart. Praha: Artia, 1981. 608 s.

Le Roux de Lincy A. Détails sur la vie privée d'Anne de Bretagne, femme de Charles VIII et de Louis XII // Bibliothèque de l'école des chartes. 1850. T. 11. P. 148–171. URL: https://www.persee.fr/docAsPDF/bec_0373-6237_1850_num_11_1_452255.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

Lecoy de la Marche A. Les manuscrits et la minianure. Paris: Alcid Picard, s.a. [1890]. 357 p.

Marot J. Le Voyage de Gênes: [manuscrit] / enlumineur: Jean Bourdichon. Tour, vers 1507–1508. A-C + 44 f. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8427230m/f1.planchecontact> (дата обращения: 9.12.2021).

Quicherat J. Histoire du costume en France depuis temps les plus reculés jusqu'à la fin du XVIIIe siècle par J. Quicherat directeur de l'école des Chartes: ouvrage contenant 481 gravures dessinées sur bois d'après les document authentiques par Chevignard, Pauquet et P. Sellier. Paris: Librairie Hachette et Co, 1875. 680 p.

Racinet A. Le costume historique: cinq cents planches, trois cents en couleurs, or et argent, deux cents en camaïeu: types pittoresques du vêtements et de l'intérieur de l'habitation dans tous les temps et chez tous le peuples, avec de nombreux détails sur le mobilier, les armes, les objets usuels, les moyens de transport, etc.: 6 т. Paris: Firmin Didot, 1888. Т. 4: Plances et notices 201 à 300.

Tourault Ph. Anne de Bretagne. Paris: PERRIN, 2004. 336 p.

Voronova T.P., Sterligov A. Western European illuminated manuscripts of the 8th to 16th centuries in the National Library of Russia, St Petersburg: France, Spain, England, Germany, Italy, The Netherlands / ed. M. Grigorieva; transl. M. Faune. Bournemouth: St Petersburg: Parkstone, Aurora, 1996. 287 p.

Б. Л. Шапиро, Б. А. Цацашвили (Москва)

ПЛАТЬЕ АННЫ ДЕ ВЕЛАСКО (1603 г.): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В центре внимания – парадный портрет испанской грандессы доньи Анны де Веласко-и-Хирон кисти придворного портретиста Хуана Пантохи де ла Круса (1603 г.). Подробно изучается историко-культурный фон эпохи, обстоятельства жизни доньи Анны и создания ее портрета. Основное внимание уделяется специфическому «испанскому» крою богатого парадного платья Анны, его ювелирному и вышитому декору, роскошным ювелирным украшениям, огромному кружевному воротнику. Выявлены и проанализированы аналоги некоторых из указанных предметов, сохранившиеся в музейных собраниях и частных коллекциях.

Ключевые слова: Габсбурги, Филипп III, Испания, Португалия, Хуан Пантоха де ла Крус, придворная живопись, история моды, история костюма, ювелирные украшения, кружево.

В 1598 г. на испанский престол взошел молодой король Филипп III Габсбург. К этому времени Испания уже прошла пик своего политико-экономического величия: он пришелся на время правления его предшественников – Карла V Габсбурга (император Священной Римской империи в 1519–1556, король Испании в 1516–1556) и его сына и наследника Филиппа II (король Испании в 1556–1598). Более столетия страна удерживала политическое и господство в Западной Европе. Кульминационным моментом истории габсбургской Испании как самого могущественного государства Европы и великой морской державы стала аннексия Португалии (1580)¹. Лиссабон был одним из крупнейших портов Атлантики, мировым центром торговли, складом для товаров из Азии; под власть испанского монарха попала не только сама Португалия, но и все ее колониальные владения.

Но Филиппу III досталось непростое наследство: с конца 1580-х гг. страна была вовлечена в военные конфликты и, несмотря на постоянно ввозимые из Нового света колоссальные богатства, шла к ослаблению и разорению². Неудачная попытка вторжения в Англию в 1588 г. окончилась разгромом Непобедимой армады, наметила пределы испанского могущества и стала

¹ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. Т. 2. М., 1951. С. 73; *Сим Н.М.* Эскориал – идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 63–64.

² *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003. С. 232.

началом упадка испанских Габсбургов³. Главной задачей культурной политики Испании стало поддержание идеи о великой и могущественной державе, все еще претендующей на центральное место в международной жизни Европы и Нового Света.

Одним из важных звеньев этой работы был главный придворный художник, диктующий визуальную концепцию возвеличивания монархии, монарха и его ближайшего окружения в своих живописных произведениях – главным образом, в парадных портретах. Стоит учесть, что, согласно ренессансной философии (идея принадлежит итальянским мыслителям, но ренессансная Испания училась у современной ей Италии весьма активно, заимствуя в литературе, поэзии, изобразительном искусстве и философии⁴), материально-телесная красота, отраженная в придворном портрете, ценна не сама по себе, а как некий знак внутренней гармонии: душа, прекрасная своей добродетелью, нравственностью, интеллектом, могла быть заключена только в красивом внешне теле (материальное есть тень и образ духовного)⁵.

В этом и состояло главное назначение официального придворного портрета: в Испании уходящего «Золотого века» он получил подчеркнуто репрезентативный характер, изображению необыкновенного богатства одеяний портретируемого придается гипертрофированное значение⁶.

«Что стоили бы жемчуг, серебро и золото
Без прекрасной живописи, которая показала
Изящную работу и оправу»,

– восклицал драматург Ф. Лопе де Вега, хорошо знакомый с творчеством своего приятеля – официального придворного живописца Филиппа III Хуана Пантохи де ла Круса⁷.

Х. П. де ла Крус (1553–1608) был учеником в мастерской Алонсо Санчеса Коэльо; именно здесь впервые был выработан канон испанского придворного портрета. Следуя примерам, унаследованным от учителя, он продолжил его живописную традицию, сохранив такие стилевые особенности школы, как чувство пропорции фигуры, нейтральный фон и тщательно прорисованные до мелочей детали одеяний, колористическую изысканность.

Жизнь Х. П. де ла Круса не была особенно богата на события, а его творчество исследовано до обидного мало – как и многие другие художники эпохи Филиппа III, он остался в тени мастеров грядущего «Золотого века» испанской живописи. Но сплав сухой объективности в передаче деталей, реалистичного сходства портретируемых и специфически-испанской декоративности придворного парадного портрета превратило портреты кисти этого живо-

³ Лалагуна Х. Испания: История страны. М.; СПб., 2009. С. 128.

⁴ Шестаков В.П. Ренессансная теория любви, ее отражение в живописи и поэзии // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М., 2008. С. 37.

⁵ Кудрявцев О.Ф. Учение о любви и красоте Марсилио Фичино // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М., 2008. С. 44.

⁶ Прикладова М.А. Образ испанского правителя в искусстве XVI – XVII веков // Классика в искусстве сквозь века. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 22. С. 50.

⁷ Каганэ Л.Л. Хуан Пантоха де ла Крус. Л., 1969. С. 27.

писца в «бесценный документ эпохи»⁸. Художник работал в Мадриде и Вальядолиде (соответственно, новой и старой столицах Испании); портреты королей и грандов расходились по королевским резиденциям и аристократическим домам Испании, а также по королевским дворам Европы (известны «оптовые» отправки в Германию, Фландрию, Англию)⁹.

Композиции парадных портретов кисти Х. П. де ла Круса каноничны, фигуры портретируемых монументальны, их жесты и позы статичны, а лица величавы и горделивы. Перед зрителем предстают хозяева мира, чьи пышные наряды, обильно украшенные драгоценностями небывалой ценности, подчеркивают их недостижимое для всего мира положение. Излюбленный формат портрета – в полный рост либо по колени (в три четверти). Эффекта величественности художник добивался за счет приближения фигуры к переднему плану; этот прием также дает возможность рассмотреть все детали парадного костюма: богатый орнамент ткани и позумента, ажурный рисунок кружева, огранку драгоценных камней.

Одна из самых аттрактивных работ Х. П. де ла Круса периода расцвета его творчества – портрет доньи Анны (Аны) де Веласко-и-Хирон, герцогини де Браганса (1603)¹⁰ в богатом придворном платье (рис. 1). Парадный портрет закончен спустя 5 месяцев после замужества Анны (согласно записям художника, 22 декабря 1603 г.). Женихом 18-летней Анны стал вдвое ее старший преемник «железного герцога» Альба на посту коннетабля Португалии Теодозию II де Браганса, из старинного рода португальских королей¹¹.

Заказчиком портрета – и, возможно, инициатором брака – был сам король Испании Филипп III¹²; он же дал за невестой щедрое приданое в 110 000 испанских золотых эскудо (около 100 000 дукатов), еще 300 000 дукатов на свадебные вещи, и еще 30 000 эскудо для доставки невесты к жениху. Это было второе по размеру приданое в Испании десятилетия 1599-1608 гг., после приданого сестры королевы Марии Магдалины Австрийской. Отец невесты, давший разрешение на брак – испанский гранд, наследственный коннетабль Кастилии (второй человек в Кастилии после короля) и губернатор Миланского герцогства Хуан Фернандес де Веласко-и-Товар, 5-й герцог де Фриас, также получил щедрый подарок – место в Государственном совете Испании¹³.

⁸ Кошкина О.Ю. «Портрет Диего де Вильямайора» Хуана Пантохи де ла Круса: аналитическая интерпретация картины представителями группы «Эрмитаж» // Научные труды. 2016. № 39. С. С. 261–262.

⁹ Каганэ Л.Л. Хуан Пантоха де ла Крус. С. 91–95.

¹⁰ Первоначально картина хранилась в собрании герцогов де Фриас в Мадриде. Ныне она находится в личной коллекции испанской аристократки Алисии Копловиц (© Collection Alicia Koplowitz).

¹¹ *Rivarola y Pineda J.F.F.* Monarquía Española, Blason de su Nobleza. Vol. 1. Madrid, 1736. P. 44.

¹² Каганэ Л.Л. Хуан Пантоха де ла Крус. С. 93.

¹³ *Cabrera de Córdoba L.* Relaciones de las cosas sucedidas en la Corte de España desde 1599 hasta 1614. Madrid, 1857. P. 92, 140, 149, 203.

Рис. 1. Хуан Пантоха де ла Крус. Портрет доньи Анны де Веласко.

Особое внимание художник уделяет выражению лица доньи – это прекрасная молодая девушка, готовая покинуть свою семью ради династического брака. Как истинная дочь католической Испании, Анна позирует художнику, сложив пальцы правой руки в традиционном жесте, который прослеживается в европейской живописи на протяжении долгого времени – жесте, символизирующем божественное спасение и символ передачи бессмертия от Богородицы людям. Этой же рукой она придерживает длинную тонкую жемчужную нить круглого белого жемчуга.

Известно, что Колумб, открыв испанцам дорогу в Новый свет (1492), открыл и «Великую жемчужную лихорадку»¹⁴: одной из первых его значительных находок стал именно жемчуг. С тех пор в Европу вывозится баснословное количество жемчуга: так, только в одном из отчетов о колонизации (1539) говорится, что 300 лошадей и 900 человек не хватило бы для его транспортировки. За один год через Севильский порт было ввезено более 320 кг жемчуга. Середина столетия дала испанцам потрясающую «Перегрину» (*La Peregrina*) – самую крупную жемчужину за всю известную к тому времени историю добычи жемчуга; она стала коронной драгоценностью Испании (ее неотчуждаемой собственностью), ее символом. Жемчуг, соотносившийся с духовным богатством и чистотой Девы Марии еще с раннехристианского времени, в Испании эпохи колониальной экспансии приобрел еще одно, дополнительное, значение – силы и власти.

Жемчужное ожерелье – традиционная деталь испанского женского парадного портрета, начиная с портрета королевы Изабеллы Португальской, супруги императора Священной Римской империи и короля Испании Карла V (Тициан, 1548). Нить жемчуга обозначала линии женской груди, сплюсненной металлическим корсетом и скрытой глухим воротом испанского придворного платья. «На какой только ад не готовы женщины, чтобы сделать фигуру подлинно испанской», – восклицал М. Монтень (1580)¹⁵.

Еще одной истинно испанской проблемой был круглый кружевной воротник горгера (грангола) гигантских размеров (иногда диаметром свыше полуметра), заставляющий грандессу держать спину прямо, а голову высоко. Такой воротник значительно ограничивал подвижность шеи и головы, и его носительница выглядела величественно поневоле.

Часто такие воротники стоили не меньше всего остального костюма. Они будут запрещены как предметы роскоши только в 1623 г.¹⁶, но на рубеже XVI – XVII громадные плюсовые воротники-жернова на пике моды¹⁷. Отдельные модели получали оригинальные названия, такие как «голова Иоанна Крестителя», когда голова казалась лежащей на блюде¹⁸ (можно предположить, что на портрете Анны изображен именно такой).

¹⁴ *Dirlam D.M., Misiorowski E.B., Thomas S.A.* Pearl Fashion through the Ages // Gemological Institute of America. *Gems & Gemology*. 1985. Vol. 21 (Summer). № 2. P. 67–70.

¹⁵ *Захаржевская Р.В.* История костюма. М., 2005. С. 86.

¹⁶ *Дефурно М.* Повседневная жизнь Испании Золотого века. М., 2004. С. 74.

¹⁷ *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. Т. 1. М., 1993. С. 324.

¹⁸ *Комиссаржевский Ф.Ф.* История костюма. Цит. по: *Аксёнова-Шабловская Л.В.* Испанский воротник XVI века как актуальная деталь костюма в современных подиумных кол-

Воротник выполнен из двух сортов кружева. Зубцовое кружево внешнего края горгеры, вероятно, выполнено в технике ретичелла (*reticella*) – это окончательная и наиболее сложная форма техники «шов по прорези». Орнамент такого кружева преимущественно геометрический, в виде кругов, звезд и розеток; именно так оформляются зубцы раннего кружева. Для работы в технике ретичелла нити льняного полотна частично удаляются, а оставшиеся нити формируют каркас будущего кружева, для чего обшиваются различными вариациями петельного стежка. Получившийся «скелет» дополняется узором иглой. Первое документальное упоминание ретичелла относится к 1493 г.; своего расцвета эта техника достигает к рубежу XVI – XVII вв., когда издаются многочисленные альбомы ее узоров. Орнаменты этого времени отличаются наличием сегментированных кругов и треугольников.

Также возможно, что это «стежок в воздух» – чуть более поздняя форма кружева. Этот вид уже не имел под собой текстильной основы. Узор выполнялся иглой, которой прокладывались связки из петельного шва, согласно рисунку, нанесенному на пергамент. Обе формы очень похожи между собой внешне и различаются только техникой изготовления. Общность этих двух родственных техник объясняется преемственностью развития кружева. Важно, что и ретичелла, и стежок в воздух имели общие схемы построения рисунка и применялись в одном изделии, дополняя друг друга¹⁹.

Внутренняя часть кружевного полотна горгеры выполнена, вероятно, в более дешевой и примитивной технике мережки, хорошо известной и в России. Два типа кружева соединялись в одно ажурное полотно, которое затем крахмалилось, вытягивалось и выглаживалось щипцами, укладывалось разнообразными волнами и складками, а затем укреплялось на металлическом каркасе-подпорке (к этому времени испанцы научились извлекать из картофеля крахмал, который использовался не только в кулинарии, но и повлиял на форму воротников)²⁰.

В итоге на портрете Анны из огромной плоской крахмальной чаши воротника-жернова выступает ее лицо, неподвижное, и вместе с тем, живое, с задумчивым взглядом²¹. Из всех портретов, выполненных художником, этот, несомненно, один из самых трогательных.

Фоном служит платье «вестидо» из черного тяжелого бархата, плотно расшитого серебром; узор вышивки – сочетание растительных и геометрических форм, она выполнена высоким рельефом, типичным для Западной Европы рубежа XVI – XVII вв.²². Линии края скрыты серебряным галуном, чей узор повторяет рисунок вышивки платья. Силуэт платья – два конуса, малый (лиф) и большой (юбка), пересекающиеся вершинами на линии талии.

лекциях // *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XXI международной научной конференции.* СПб., 2018. С. 430.

¹⁹ *Шапиро Б.Л.* История кружева как культурный текст. М., 2018. С. 25–27.

²⁰ *Arnold J.* *Patterns of Fashion 4. Cut and Construction of Linen Shirts, Smocks, Neckwear, Headwear and Accessories for Men and Women c. 1540–1660.* London, 2008. P. 126–127.

²¹ *Каганэ Л.Л.* Хуан Пантоха де ла Крус. С. 56.

²² *Верховская А.С.* Западноевропейская вышивка XII – XIX вв. в Эрмитаже. Л., 1961. С. 13.

Платье каркасное, включающее корсет и вертюгаль (колоколообразный каркас юбки). Каркасный костюм, скрывающий живые формы тела за геометрической четкостью форм и ясностью линий, был обязанностью и привилегией испанских аристократок²³: корсет, как уже отмечалось, сплющивал грудь и живот, сужал талию, а «страж добродетели»²⁴ вертюгаль надежно скрывал очертания ног.

Плечи платья прямые, за счет накладных крылышек, оформленных в виде фестонов, скрывающих окат рукава. Этот прием, зрительно расширяющий плечи и усиливающий впечатление величия, был заимствован из испанского мужского костюма, который, в свою очередь, в качестве образца восходил к военной металлической кирасе. Покрой такого лифа получил название «а ла хубон»²⁵. Юбка вестидо нераспашная (глухая). Фальшивая застежка вестидо украшена парчовыми аксельбантами (бантами-завязками), завершающимися пунтасами (металлическими наконечниками типа эглет, но более сложного и дорогого ювелирного декора)²⁶; аналогичный декор расположен и на рукавах вестидо.

Рукава вестидо очень широкие, баллонообразные, с поперечным разрезом на уровне локтя и откидной декоративной частью, подобной крыльям. Такой покроем типичен для испанского придворного платья рубежа XVI – XVII вв.; за пределами Испании он назывался собственно «испанским»²⁷. Из-под тяжелых откидных рукавов вестидо выглядывают узкие рукава нижнего платья «котт» из серебряной парчи; ткань зрительно уподобляется металлу.

Платье Анны представляет образец не только портновского, но и ювелирного искусства. Главным украшением служит золотой пояс в виде цепи – это кордельер, модный во времена позднего Ренессанса²⁸. Он составлен из звеньев двух чередующихся форм; украшением золота служат красная эмаль, крупный круглый белый жемчуг и темные, почти черные драгоценные камни, ограненные «столиком» (алмазной таблицей, т.е. октаэдром с одним стесанным шипом²⁹) и оправленные в глухую оправу типа «безель». Огранка и оправка – одни из базовых, характерные для ювелирных изделий XVI–XVII вв.³⁰

Аналогичные драгоценные вставки украшают и прочие детали костюма Анны: ювелирные розетки платья (броши), пунтасы, браслет и кольца.

²³ Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. С. 326, 328.

²⁴ Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М., 1970. С. 78.

²⁵ Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. С. 353.

²⁶ Елохин К.А. К вопросу об испанских женских портретах королевской семьи второй половины XVI века // Латиноамериканский исторический Альманах. 2018. № 19. С. 233.

²⁷ Arnold J. Patterns of Fashion 3. The Cut and Construction of Clothes for Men and Women c. 1560–1620. New York, 1985. P. 7.

²⁸ Кибалова Л, Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986. С. 490.

²⁹ Милашев В.А. Алмаз. Легенда и действительность. Л., 1981. С. 22.

³⁰ Шапиро Б.Л. Алмазные и бриллиантовые шпаги XVIII в. Терминологические вопросы. Анализ собраний музеев-сокровищниц // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, 7–9 октября 2020 г. Тула, 2021. С. 561.

Драгоценные камни, украшающие наряд Анны, визуально не идентифицируются. Бриллианты этого времени – светлые, но могут казаться темными, если представляются на подложке из темной фольги. Такой прием применялся в те годы довольно часто, для придания камню нужного оттенка. Среди темных камней испанским ювелирам Ренессанса были доступны следующие темные камни (месторождения некоторых из них были расположены в Новом Свете, либо даже в самой Испании): черный оникс, черный кварц (морион), темно-синий, почти черный сапфир, гематит, гагат (черная яшма) и черный агат. Последний особо ценился еще с античности, т.к. верили, что он способствует счастливому разрешению от бремени³¹. В момент завершения картины Анна была беременна на 5-м месяце первенцем, будущим королем Португалии Жуаном II³². Этот момент особенно важен, если учесть, что Анна и ее современницы были вынуждены рожать ежегодно или почти ежегодно (Анна родила четверых детей за 4,5 года брака, после чего умерла в ноябре 1607 г. в возрасте 22 лет; ее судьба очень близка судьбе ее современницы, испанской королевы Маргариты Австрийской, умершей восьмью родами в возрасте 26 лет в 1611 г.).

Некоторое представление об украшениях Анны могут дать похожие образцы, сохранившиеся до настоящего времени в музеях и частных собраниях. Это:

1) золотое кольцо с эмалью и раухтопазом (дымчатым кварцем); Испания (возможно); первая половина XVII в.; огранка «октагоном». Музей Виктории и Альберта³³.

2) золотое кольцо с темно-синим сапфиром, XVI в.; огранка «столиком». Антикварный салон Berganza³⁴.

3) золотое кольцо, щедро украшенное разноцветной эмалью, большими литыми золотыми масками-гротесками и волютами, а также бриллиантом; Европа; XVI в.; огранка «октагоном». Художественный музей Уолтерса³⁵.

4) золотая нашивка на одежду (позднее переделана в брошь). Золото, многоцветная эмаль (красная, синяя, голубая, зеленая), жемчуг и кажущийся темным бриллиант; огранка «столиком». Южная Германия; 1610–1620-е гг. Музей Виктории и Альберта³⁶.

Источниковая база испанского женского придворного костюма рубежа XVI – XVII вв. имеет свои особенности: до настоящего времени в музеях и

³¹ Плиний Старший Г. Естественная история. Кн. 37. Драгоценные камни и изделия из них. Цит. по: *Ахметова Г.Л., Ахметов С.Ф.* От авантюрина до яшмы. М., 1990. С. 13.

³² *Cabrera de Córdoba L.* Relaciones de las cosas sucedidas en la Corte de España desde 1599 hasta 1614. P. 214.

³³ Enamelled gold ring [Электронный ресурс] URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O118812/ring-unknown/> (дата обращения 02.08.2021)

³⁴ Tudor sapphire ring [Электронный ресурс] URL: https://www.berganza.com/Tudor-sapphire-ring-circa-16th-century.html?feature_id=68 (дата обращения 02.08.2021)

³⁵ Diamond Ring [Электронный ресурс] URL: <https://art.thewalters.org/detail/24789/diamond-ring/> (дата обращения 02.08.2021)

³⁶ Brooch [Электронный ресурс] URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O114902/brooch-unknown/> (дата обращения 02.08.2021)

частных коллекциях сохранилось сравнительно небольшое количество деталей костюма, это чаще произведения ювелирного искусства, чем предметы одежды (текстиль)³⁷. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что проблема научной реконструкции этого типа женского костюма стоит довольно остро.

Крайне полезной можно назвать выставку «Испанская мода в Золотой век» (“La Moda Española en el Siglo de Oro”), которая проходила в мае-июне 2015 г. в Музее де Санта-Круз г. Толедо (Испания)³⁸. Выставка была организована в честь 400-летия публикации второй части «Дон Кихота» М. де Севантеса – наиболее известного испанского романа. На выставке было представлено 260 предметов из коллекций различных музеев: ювелирные украшения, светские и религиозные костюмы, портреты, гравюры, книги и т.д. Значительное место в экспозиции было отдано придворному костюму. В т.ч., было представлено парчовое платье из бежевого, золотого и зелёного шелка, подаренное дочерью короля Филиппа II Изабеллой Кларой Евгенией монастырю Сан-Клементе в Толедо. Также были представлены архивные документы, швейные инструменты, руководства по шитью, выкройки.

Изучение вопроса осложняется трудностью перевода информации из изобразительных источников (испанского парадного портрета рубежа XVI – XVII вв., представленного очень широко) в описательную (вербализованную) форму, т.к. для «прочтения» необходимо не только знание и понимание культурно-исторического фона, но и грамотная дешифровка системы изобразительных принципов и методов, а также системы костюма и технологии его изготовления, присущих эпохе создания источника. Данная информация в значительной мере является закодированной (скрытой).

Таким образом, можно надеяться, что предложенный ниже материал станет полезным для специалистов по научной реконструкции костюма и всех, интересующихся историей Испании «Золотого века» и историей ее костюма.

Таблица «Костюм Анны де Веласко» (видимая на портрете часть)

Головной убор	Диадема в виде причудливо изогнутой дорожки из золота (?), выложенной белым круглым жемчугом среднего размера
Верхнее платье «вестидо а ла хубон» с откидными рукавами	Черный бархат, вышитый серебром, узор – сочетание растительных и геометрических форм Галун, тканый серебром, узор аналогичный узору вышивки
Нижнее платье «КОТТ»	Узкие рукава из серебряной парчи в полоску. Рукава заканчиваются кружевными манжетами из од-

³⁷ Museo de las Alhajas (Музей ювелирных изделий в Ла-Баньеса), Museo del Traje (Музей костюма в Мадриде), Museu del Disseny (Музей дизайна в Барселоне) и др.

³⁸ *Lorenzo V de. Spanish Fashion in the Golden Age (La Moda Española en el Siglo de Oro), Museo de Santa Cruz, Toledo, Spain, March 26–June 14, 2015 // Fashion Theory. 2016. № 20 (5). P. 575–588.*

	нослойного льняного кружева; рисунок узора геометрический, край зубцовый
Воротник «горгера»	Верхний слой составлен из двух частей: наружная из более дорогого сорта льняного кружева ретичелла (вероятно) с зубцовым краем, внутренняя – примитивное кружево «шов по прорези» или мережка Нижний слой – плотная ткань (?), вероятно, на металлическом каркасе-подпорке, обрамленном мелкими подвесками заостренной формы
Ювелирные украшения	Аксельбанты (банты, 5 шт.). Эглеты (пунтасы, 4 пары) в виде заостренных наконечников, перевитых круглым белым жемчугом; поверхность украшена плотным декором из золота, красной эмали, драгоценных камней (бриллиантов?), ограненных «столиком» (таблицей) в глухой оправе «безель». Крепятся попарно на аксельбанты из тонкой гладкой серебряной парчи репсового переплетения. Браслет из чередующихся прямоугольных и ромбовидных звеньев. Золото, драгоценные камни в глухой оправе «безель» Броши (нашивки) на платье, 10 шт.; золото, красная эмаль, драгоценные камни (бриллиант?), ограненные «столиком» (таблицей) в глухой оправе «безель» Ожерелье из круглого белого жемчуга, собранного через узелок либо через небольшую круглую жемчужину. Размер зерен средний (меньше диаметра стандартной радужки глаза в 11-12 мм) Кольца, 4 шт. на правой руке и 3 шт. на левой. Золото, драгоценные камни в глухой оправе «безель» Серьга из очень крупного белого жемчуга каплевидной формы (вероятно, пара серег) Пояс типа «кордельер», составленный из звеньев двух чередующихся сложных форм; завершается более крупной и сложной подвеской. Золото, красная эмаль, крупный круглый белый жемчуг, драгоценные камни (бриллианты?), ограненные «столиком» (таблицей) в глухой оправе «безель»

Литература

Аксёнова-Шабловская Л.В. Испанский воротник XVI века как актуальная деталь костюма в современных подиумных коллекциях // *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XXI международной научной конференции.* СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 429–433.

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Т. 2. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1951. 360 с.

Ахметова Г.Л., Ахметов С.Ф. От авантюрина до яшмы. М.: Знание, 1990. 176 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.

Верховская А.С. Западноевропейская вышивка XII–XIX вв. в Эрмитаже. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. 128 с.

Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. М.: Молодая гвардия, 2004. 344 с.

Елохин К.А. К вопросу об испанских женских портретах королевской семьи второй половины XVI века // Латиноамериканский исторический Альманах. 2018. № 19. С. 231–241.

Захаржевская Р.В. История костюма. М.: Рипол Классик, 2005. 288 с.

Каганэ Л.Л. Хуан Пантоха де ла Крус. Л.: Советский художник, 1969. 112 с.

Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Арттия, 1986. 608 с.

Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Комиссаржевский Ф.Ф. История костюма. М.: АСТ, 2005. 336 с.

Кошкина О.Ю. «Портрет Диего де Вильямайора» Хуана Пантохи де ла Круса: аналитическая интерпретация картины представителями группы «Эрмитаж» // Научные труды. 2016. № 39. С. 257–272.

Кудрявцев О.Ф. Учение о любви и красоте Марсилио Фичино // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М.: Наука, 2008. С. 39–52.

Лалагуна Х. Испания: История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. 352 с.

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. М.: АО Академия моды, 1993. 542 с.

Милашев В.А. Алмаз. Легенда и действительность. Л.: Недра, 1981. 160 с.

Прикладова М.А. Образ испанского правителя в искусстве XVI–XVII веков // Классика в искусстве сквозь века. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 22. С. 48–54.

Сим Н.М. Эскориал – идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 63–78.

Шапиро Б.Л. Алмазные и бриллиантовые шпаги XVIII в. Терминологические вопросы. Анализ собраний музеев-сокровищниц // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, 7–9 октября 2020 г. Тула: Тульский государственный музей оружия, 2021. С. 560–564.

Шапиро Б.Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.

Шестаков В.П. Ренессансная теория любви, ее отражение в живописи и поэзии // *Образы любви и красоты в культуре Возрождения*. М.: Наука, 2008. С. 5–38.

Arnold J. *Patterns of Fashion 3. The Cut and Construction of Clothes for Men and Women c. 1560–1620*. New York: Drama Publishers, 1985. 128 p.

Arnold J. *Patterns of Fashion 4. Cut and Construction of Linen Shirts, Smocks, Neckwear, Headwear and Accessories for Men and Women c. 1540–1660*. London: Macmillan, 2008. 128 p.

Brooch [Электронный ресурс] URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O114902/brooch-unknown/> (дата обращения 02.08.2021).

Cabrera de Córdoba L. *Relaciones de las cosas sucedidas en la Corte de España desde 1599 hasta 1614*. Madrid: Junta de Castilla y León, 1857. – 655 p.

Diamond Ring [Электронный ресурс] URL: <https://art.thewalters.org/detail/24789/diamond-ring/> (дата обращения 02.08.2021).

Dirlam D.M, Misiowski E.B., Thomas S.A. *Pearl Fashion through the Ages // Gemological Institute of America. Gems & Gemology*. 1985. Vol. 21 (Summer). № 2. P. 63–78.

Enamelled gold ring [Электронный ресурс] URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O118812/ring-unknown/> (дата обращения 02.08.2021).

Lorenzo V de. *Spanish Fashion in the Golden Age (La Moda Española en el Siglo de Oro)*, Museo de Santa Cruz, Toledo, Spain, March 26–June 14, 2015 // *Fashion Theory*. 2016. № 20 (5). P. 575–588.

Rivarola y Pineda J.F.F. *Monarquía Española, Blason de su Nobleza*. Vol. 1. Madrid: Alfonso de Mora, 1736. 376 p.

Tudor sapphire ring [Электронный ресурс] URL: https://www.berganza.com/Tudor-sapphire-ring-circa-16th-century.html?feature_id=68 (дата обращения 02.08.2021).

SUMMARY

Nataliia V. Zhilina (Moscow)

GENERAL PATTERNS IN THE DEVELOPMENT OF THE MEDIEVAL DECORATION IN CONNECTION WITH THE COSTUME

The comparing of the decorations from different peoples is important to identify the general patterns in their development. The criteria for comparison are the stages of development of clothing (draped, sewn and cut) and decoration: natural; plentiful metal and jewelry. Based on historical facts and specific archaeological material, models of processes that occurred during the interaction of cultures and their own development are distinguished: 1) their own development of a world sample; 2) mastering advanced jewelry technology and the birth of a form of jewelry on local soil; 3) imitation of the form of foreign decoration at the level of simpler technology; 4) the appearance of jewelry in another territory with its carriers; 5) use in the local decoration of original foreign jewelry; 6) long-term influence due to a global change in cultural orientation, the emergence of new forms of culture:

I. Byzantine-European zone. Byzantine costume and jewelry culture influenced the development of jewelry dressing of Western European (German) and Eastern European peoples and countries: Slavic and Volga-Kama Finns.

II. North European zone. The plentiful and metal attire and preservation of the draped clothes are characteristic of the Baltic-Finnish people, Balts, Scandinavians, the Scandinavian countries became the leader of jewelry culture here.

III. Eurasian zone. The stage of jewelry decoration from ancient times is characteristic of the countries of the East: Iran, Syria, Egypt. This highest level is further developed by the Muslim world (not without interaction with Byzantine traditions). The norms of the eastern jewelry system were related to nomadic peoples.

Each world leader has its own sphere of influence on other peoples and countries. The influence that changes the nature of the harvesting of other countries was largely ensured by the political and religious situation, spread mainly in the sphere of the same denomination. At the same time, the originality in the forms of jewelry and the partial preservation of earlier decoration systems was preserved.

As a result of all forms of influence and transformations, each people has a unique set of dresses corresponding to the costume.

Keywords: *attire, jewelry, suit, stages of development, model of processes, interaction, development, zones.*

Inna V. Islanova (Moscow)

THE LOCAL ELEMENTS IN AN EARLY MEDIEVAL WOMEN'S COSTUME IN THE VOLGA-BALTIC WATERSHED

The population of the Baltic-Finnish language group in the Late D'yakovo and Early Modern times used jewelry with noisy suspensions in the costume, having numerous analogues in Finno-Ugric antiquities lying East and Northeast. In the Old Rus' times, the tradition of using such things remains with their descendants. The analysis of the few known metal parts related to the traditional local costume allows us to say that in the early Middle Ages on the Volga-Baltic watershed there is no complete population change. The fact of the small number of local fittings in the burials of the culture of Pskov long barrows is noteworthy. This can be explained by the absence of a barrow funerary tradition among the local population, which was not used in the previous Late D'yakovo culture.

Keywords: costume of the local population, Late D'yakovo culture, culture of the Pskov long barrows, pre-sopkas culture, Old Rus' culture.

Asiya A. Mombekova, Nadezhda V. Chekunina (Tver)

THE BREAST DECORATIONS FROM THE EXCAVATIONS OF THE BURIAL SITE PEKUNOVO-2 BY KONSTANTIN I. KOMAROV

The materials of the excavations of the burial site Pekunovo-2 in the Kimrsky district of the Kalinin (Tver) region headed by Konstantin Komarov in 1971–1972 published little by himself. But they are often used by other researchers. Working with this material is difficult due to confusion in archival materials and publications about this archaeological site. All the finds made by Kostantin Komarov at Pekunovo-2 are kept in the funds of the Tver State United Museum and should be studied more carefully. This work was started by the authors with numismatic finds in 2020, and this article is about breast jewelry with coins.

Keywords: burial mounds, Pekunovo-2, K. Komarov, denarius, dirhams, pendant coins, beads, necklaces.

**PINS IN THE COSTUME OF THE POPULATION OF THE
UPPER VOLGA OF THE 11TH – 17TH CENTURIES**

The article considers various types of pins used in the costume of the population of the Upper Volga region from the pre-Mongol period to the end of the 17th century. The types of pins allocated in the form of products are described. In the costume of the population of the Upper Volga region of the pre-Mongol era, clothing pins were little used, as evidenced by the small number of finds. In the 14th century there were the changes in the costume of the population of Russia. Large clothing pins are out of use, clothing with buttons is more widely used. At the same time, an abundance of small pins of the "pus-yeppi" type is observed. Specific to Tver were the pins with tops in the form of a bird. Small pins in a late medieval costume could serve to rock the parts of the women's headdress and hairstyle.

***Keywords:** costume, jewelry, clasp, pin, decoration, archeology, Middle Ages, Old Rus', Medieval Russia.*

Svetlana M. Smirnova, Ruslan A. Orudzhev, Alexander V. Tsaritsyn (Tver)

**THE EARRINGS OF THE MODERN TIME FROM THE
EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT ZALUCHYE 2
(OSTASHKOV URBAN DISTRICT, TVER REGION)**

The article is devoted to the finds of earrings of the 18th – early 19th centuries from the excavations of the settlement Zaluchye 2 in the Ostashkov urban district of the Tver region. The earrings came from the part of the ground part of the building, which allows you to consider the finds of jewelry in the context of synchronous objects. Similar previously unpublished finds from excavations of other rural archaeological sites in the territory of the Tver region are also cited.

***Keywords:** jewelry, earrings, earrings with openwork shields, archeology, 17th – early 19th centuries, Seliger.*

Denis A. Lyapin (Elets)

THE WOMEN'S COSTUME OF THE SOUTH RUSSIAN FORTRESS IN THE 17th CENTURY

The article is devoted to the elements of a woman's costume in a South Russian fortress in the 17th century, mainly in the second half of the century. The work is based on the documents of local authorities – "order huts". The documentary base of the article is based on materials from the State Archives of the Voronezh Region. The author presents the results of the analysis of references to various elements of the clothes of a Russian woman. The information presented is of a general nature, but it reflects the specifics of the woman's costume from the fortress.

Keywords: *women's costume, southern Russia, fortress, kodman, "soroka", monisto, women's shirt, headscarf.*

Anna E. Zhabreva (Saint-Petersburg)

ANNA OF BRETON'S COSTUME IN THE JEAN BOURDISHON'S IMAGES: TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF THE RENAISSANCE BOOK MINIATURE AS A HISTORICAL SOURCE

The article considers miniatures from "The Anna of Breton's Great Book of Hours", "The Poetic Messages of Louis XII and Anne of Breton" and "The Genuese Campaign", created by Jean Bourdichon, an outstanding French artist of the turn of the 15th-16th centuries. Painted realistically, with great accuracy and attention to detail, these images allow us to restore the appearance and costume of the Duchess of Breton and Queen of France Anne (1477–1514), which marked the transition from late Gothic to Renaissance forms. Particular attention is drawn to the queen's headdress, which went down in the costume history under the name of the "Breton cap".

Keywords: *costume history, Anna of Breton, manuscript miniatures, pictorial sources*

Bella L. Shapiro, Bella A. Tsatsashvili (Moscow)

**THE DRESS OF ANNA DE VELASCO (1603):
RECONSTRUCTION EXPERIENCE**

At the center of the analysis is a ceremonial portrait of the Spanish Grand-dess Doña Anna de Velasco y Girón by the court portraitist Juan Pantoja de la Cruz (1603). The historical and cultural background of the era, the circumstances of Doña Anna's life and the creation of her portrait analyzed in detail. The focus is on the specific “Spanish” cut of Anna's rich formal dress, its jewelry and embroidered decoration, the luxurious jewelry, and the huge lace collar. We have identified and analyzed some of items analogues from museum collections and private collections.

Keywords: Habsburgs, Philip III, Spain, Portugal, Juan Pantoja de la Cruz, court painting, History of fashion, History of costume, jewelry, lace.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жабрева Анна Эрнестовна – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат педагогических наук; преподаватель кафедры мастерства художника кино и телевидения Факультета искусств Санкт-Петербургского государственного университета, член Санкт-Петербургского Союза художников. E-mail: annazhabreva@mail.ru.

Жилина Наталья Викторовна – Институт археологии РАН, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-русской археологии, доктор исторических наук. E-mail: nvzhilina@yandex.ru.

Исланова Инна Васильевна – Институт археологии РАН, старший научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, доктор исторических наук. E-mail: ivisl@mail.ru.

Ляпин Денис Александрович – Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, доктор исторических наук, доцент. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru.

Момбекова Асия Абдуманоповна – Тверской государственный объединенный музей, специалист по учету музейных предметов отдела фондов. E-mail: digitalisA@yandex.ru.

Оруджев Руслан Али оглы – Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), научный сотрудник. E-mail: orudzevra@yandex.ru.

Смирнова Светлана Михайловна – Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), научный сотрудник. E-mail: lisjaka@list.ru

Степанова Юлия Владимировна – Тверской государственный университет, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: Stepanova.YV@tversu.ru.

Царицын Александр Владимирович – Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), младший научный сотрудник. E-mail: sascha6989@mail.ru.

Цацашвили Белла Андреевна – Российский государственный гуманитарный университет, студентка 3 курса кафедры музеологии. E-mail: ttsabella@gmail.com.

Чекунина Надежда Владиславовна – Тверской государственный объединенный музей, заведующая сектором ИЗО отдела фондов, ответственный хранитель фонда «Нумизматика» Тверского музея. E-mail: nadin_terenteva@mail.ru.

Шапиро Бэлла Львовна – Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры музеологии, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: b.shapiro@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИЭМ – Всероссийский историко-этнографический музей, Торжок
- ВМДПиНИ – Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, Москва
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области, Воронеж
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ – Государственный исторический музей, Москва
- ГЭ – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
- ИА РАН – Институт археологии РАН, Москва
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург
- МИА – Материалы и исследования по археологии
- МИСО – Материалы по истории Смоленской области
- РА – Российская археология
- РАН – Российская академия наук
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва
- РГБ – Российская государственная библиотека, Москва
- РЭМ – Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СПБИН РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург
- СС – Скандинавский сборник
- ТвГУ – Тверской государственный университет, Тверь
- РГУ им. А.Н. Косыгина – Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Тверь
- УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Ижевск
- ЧОИДР – Чтения при Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

УКРАШЕНИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО» КОСТЮМА: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Жилина Н.В. Общие закономерности в развитии средневекового убора из украшений в связи с костюмом.....	3
Исланова И.В. Местные элементы в раннесредневековом женском костюме Волго-Балтийского водораздела.....	34
Момбекова А.А., Чекунина Н.В. Нагрудные украшения из раскопок курганного могильника Пекуново-2 К. И. Комарова.....	48
Степанова Ю.В. Булавки в костюме населения Верхневолжья XI–XVII вв.....	72
Смирнова С.М., Оруджев Р.А., Царицын А.В. Серьги Нового времени из раскопок селища Залучье 2 (Осташковский городской округ, Тверская область).....	84
ЕВРОПЕЙСКИЙ КОСТЮМ В ПИСЬМЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ	
Ляпин Д.А. Костюм женщины южнорусской крепости в XVII в.....	89
Жабрева А.Э. Костюм Анны Бретонской в изображении Жана Бурдишона: к вопросу о значении книжной миниатюры эпохи Возрождения как исторического источника.....	100
Шапиро Б.Л., Цацашвили Б.А. Платье Анны де Веласко (1603 г.): опыт реконструкции.....	121
SUMMARY.....	133
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	138
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	140

Научное издание

**ЖЕНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОСТЮМ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ**

Выпуск IV

Материалы Всероссийского научно-образовательного семинара,
24 сентября 2021 г.

Компьютерная верстка – Ю.В. Степанова

Подписано в печать 20.02.2022.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,23.

Электронное издание.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63.

